
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 24 ИЮНЬ 1976

Во время переговоров.

ИНДИРА ГАНД

Встреча на Шереметьевском аэродроме.

Фото ТАСС

Фото А. Гостева

И В МОСКВЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (2553)

12 ИЮНЯ 1976

По приглашению Советского правительства 8 июня в Советский Союз с официальным визитом прибыла Премьер-Министр Республики Индии Индира Ганди.

На Шереметьевском аэродроме, украшенном государственными флагами Республики Индии и Советского Союза, Премьер-Министра у трапа самолета тепло встретили Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Л. И. Брежнев и Индира Ганди обошли строй почетного караула. Премьер-Министра дружественной Индии на аэродроме сердечно приветствовали представители трудящихся столицы, студенты и специалисты из Индии, обучающиеся и работающие в Советском Союзе. Высокой гостье были преподнесены букеты цветов.

На всем пути следования от аэропорта до центра Москвы улицы и площади столицы были украшены государственными флагами Республики Индии и Советского Союза, транспарантами. Десятки тысяч москвичей радушно приветствовали Премьер-Министра Индии, руководителей КПСС и Советского правительства.

Вместе с главой правительства Индии прибыли министр иностранных дел Индии Я. Б. Чаван, другие официальные лица.

В тот же день в Кремле начались советско-индийские переговоры на высшем уровне.

В ОБСТАНОВКЕ ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

4 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял находившегося в Советском Союзе с официальным визитом члена Революционного совета, министра иностранных дел Португалии Э. Мелу Антунеша.

В беседе участвовал член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Л. И. Брежнев выразил симпатии и солидарность советских людей с португальским народом, стремящимся создать прочные основы демократического развития своей страны. Португальский народ, как и всякий другой, имеет право идти тем путем, который он определяет сам.

Л. И. Брежнев подчеркнул, что Советский Союз относится к демократической Португалии как к дружественной стране. Действуя в духе советско-португальской декларации 1975 года, СССР готов развивать с ней связи в различных областях на основе равноправия, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды.

В ходе беседы была выражена твердая воля Советского Союза и Португалии всемерно содействовать углублению разрядки, оздоровлению международной атмосферы, упрочению мира.

Беседа прошла в обстановке дружбы и взаимопонимания.

Фото А. Гостева

СЕРДЕЧНЫЙ ПРИЕМ

По приглашению руководства Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) и правительства Сирийской Арабской Республики с 1 по 4 июня 1976 года с официальным дружественным визитом в Сирии находился член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

А. Н. Косыгин имел встречи с Генеральным секретарем Партии арабского социалистического возрождения, президентом Сирийской Арабской Республики Х. Асадом.

Состоялись также переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и председателем совета министров Сирийской Арабской Республики М. Айюби.

В ходе бесед и переговоров, проходивших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам советско-сирийских отношений и важнейшим международным проблемам.

Во время визита были подписаны следующие документы:

— Протокол между правительством СССР и правительством САР об экономическом и техническом сотрудничестве.

— Консульская конвенция между правительством СССР и правительством САР.

— План сотрудничества в области здравоохранения и медицинской науки между Министерством здравоохранения СССР и министерством здравоохранения САР на 1976—1977 годы.

3 июня в Дамаске состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с руководящими деятелями Сирийской коммунистической партии — Генеральным секретарем ЦК СКП Х. Багдашем, заместителем Генерального секретаря ЦК СКП Ю. Фейсалом и другими членами Политбюро ЦК СКП.

Встреча прошла в обстановке братской дружбы и взаимопонимания.

Встреча А. Н. Косыгина и Х. Асада.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца

Фото А. Гостева

В ИНТЕРЕСАХ ОБЕИХ СТРАН

В Большом Кремлевском дворце 2 июня состоялось подписание советско-филиппинских документов.

Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Филиппины, а также совместное советско-филиппинское заявление подписали: за СССР — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный; за Республику Филиппины — президент Республики Филиппины Фердинанд Э. Маркос.

Торговое соглашение между правительством СССР и правительством Республики Филиппины подписали: за правительство СССР — министр внешней торговли Н. С. Патоличев; за правительство Республики Филиппины — министр финансов Цесар Вирата.

При подписании советско-филиппинских документов были: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. П. Вадер, заместители Председателя Совета Министров СССР В. Э. Дымшиц, В. Н. Новиков, Председатели палат Верховного Совета СССР, министры СССР;

с филиппинской стороны — губернатор Большой Манилы Имельда Ромуальдес Маркос, министр иностранных дел Карлос П. Ромуло, министр промышленности Висенте Патерно, другие официальные лица.

Во время пребывания в Советском Союзе президент Республики Филиппины Фердинанд Э. Маркос и Имельда Ромуальдес Маркос совершили поездку по стране. Они посетили Ленинград, Волгоград и Ташкент.

На снимке: на борту легендарного крейсера «Аврора».

Телефото В. Мастюкова и С. Смольского [ТАСС]

Стратегия запугивания

В. СОЛДАТОВ

Когда-то в Европе говорили, что государственные деятели должны заниматься политикой, а банкиры — финансами. Вряд ли эта формула всегда соблюдалась точно. В наше время она явно устарела. Сейчас на Западе политики занимаются финансами, а финансисты — политикой. И те и другие нередко проявляют трогательное единодушие. Прежде всего в тех случаях, когда затронуты их интересы, когда необходимо оказать нажим на тех, кто ведет себя «не так, как следует».

В последние месяцы давление, далеко выходящее за рамки не только нормальных межгосударственных отношений, но и элементарной порядочности, оказывается на Италию. Цель этой массированной кампании, ведущейся изо дня в день,— запугать различные слои населения страны «пагубными последствиями» возможных изменений в составе правительства Италии после национальных выборов, прежде всего перспективой включения в него коммунистов.

О «красной опасности» и связанных с нею «ответных мерах» первым с солдатской прямотой заговорил, как известно, верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Хейг. Затем последовали «предупреждения» государственных и политических деятелей США и Западной Европы. Растянутые по времени, чтобы каждое высказывание звучало весомее, но мало отличающиеся по существу, эти заявления весьма недвусмысленно дают понять итальянцам, что Запад, и в первую очередь участники НАТО, не станет сидеть сложа руки, если коммунисты войдут в правительство.

Стоит отметить, что на этот раз, говоря о положении в Италии, западные лидеры разного ранга, вплоть до самого высокого, значительно реже, чем раньше, вспоминают о «свободе» и «демократии» — понятиях, которые они любят употреблять по любому поводу. Изменение лексикона примечательно. Даже буржуазные политики не могут отрицать, что Итальянская коммунистическая партия пользуется поддержкой широких народных масс, а на выборах завоевывает все больше голосов избирателей. Тот факт, что это происходит в стране, являющейся членом «Общего рынка» и НАТО, выбивает любимые козыри из рук западных политиков, пугает их.

Ничего в этих заявлениях не говорится и о разрядке международной напряженности. С разрядкой, и это хорошо известно, несовместимы запугивания, угрозы в адрес любой страны. Делая «представления» Италии, угрожая санкциями различного рода, ее партнеры по НАТО продолжают, по существу, политику, которую проводили по отношению к Италии много лет назад, сразу после второй мировой войны.

Систематический нажим на Италию оказывают не только политики, но промышленно-финансовые круги Запада. В экономике, прежде всего в валютно-финансовой сфере, гиганты бизнеса не ограничиваются лишь угрозами на будущее. Различные органы «Общего рынка», многонациональные корпорации, в том числе заокеанские, используют все рычаги, чтобы поставить Италию на колени экономически, навязать ей курс, отвечающий их интересам, в конечном счете сохранить у власти людей, которым они доверяют и которые и в будущем будут в максимальной степени «сотрудничать» с ними.

Экономика Италии переживает немалые трудности. Промышленное производство растет медленно. В стране увеличивается безработица, неудержимо растут цены. Подлинным бедствием для населения стала инфляция.

Неурядицы эти во многом связаны с членством Италии в Европейском экономическом сообществе. Потери Италии особенно ощутимы в сельском хозяйстве, где наиболее последовательно проводится «согласованная политика» стран «Общего рынка». Еще два года назад страна имела возможность импортировать сельскохозяйственные продукты из районов, где они стоят дешевле: из Аргентины, стран Восточной Европы. Затем партнеры по ЕЭС потребовали, чтобы мясо и молочные продукты Италия покупала только внутри сообщества, где они стоят на 30—40 процентов дороже. В итоге, как заявил недавно итальянский министр сельского хозяйства Маркора, страна за последний год только на закупку мяса израсходовала на миллиард долларов больше, чем раньше. В то же время итальянские крестьяне вынуждены уничтожать овощи и фрукты, которые не находят сбыта в странах ЕЭС.

В Брюсселе, где находится штаб-квартира ЕЭС, в эти дни усиленно размышляют о том, как «помочь Италии». Здесь, кстати, тоже признают очевидное: тот неоспоримый факт, что правительство страны оказалось неспособным решить ни одной из коренных социально-экономических задач, стоящих перед Италией. Но вывод из сложившейся ситуации делается своеобразный: не допускать никаких серьезных перемен, прежде всего социальных, оставить все, как есть, и главное, сохранить у государственного руля христианско-демократическую партию с небольшими «косметическими» изменениями.

Рассматривают в ЕЭС и другие меры, которые могут быть приняты против Италии в случае, если широкие массы населения отвергнут диктат «Общего рынка» и многонациональных корпораций. Некоторые эксперты в Брюсселе, как пишет журнал «Тайм», предлагают, чтобы страны ЕЭС пригрозили «закрыть их границы для итальянских товаров, если коммунисты будут допущены в правительство».

Предсказывают на Западе и другое: в случае нежелательных перемен новый нажим на итальянскую лиру может тяжело отразиться на экономике страны, прежде всего на ее платежном балансе, на возможности импортировать необходимые товары. Как это может случиться, не разъясняется, но атаки на лиру, предпринимаемые периодически многонациональными корпорациями, не оставляют сомнения в том, что и на этот раз кризис может быть обострен искусственно, в политических целях.

Нажим на Италию в самых различных областях, бесцеремонные методы вмешательства в ее внутренние дела не единичная и не изолированная акция. Такие же «предупреждения» раздаются и в адрес Франции. Кампания эта, преследующая вполне определенные цели, представляет собой осуществление на практике новой концепции Соединенных Штатов в отношении Европы. Это так называемая «стратегия взаимозависимости». Ее суть, как заявил не так давно бывший министр торговли США Питер Питерсон,— согласование таких факторов, как «безопасность, валютные реформы и энергия с тем, чтобы они дополняли друг друга и чтобы цели в одной области не достигались за счет другой».

За этой концепцией, агрессивная сущность которой даже не маскируется, стоит желание определенных кругов Соединенных Штатов усилить роль НАТО в Европе, превратив его, помимо военного союза, в некое «сообщество», которое будет гарантировать политический строй его участников. Иными словами, страны НАТО и прежде всего Соединенные Штаты будут «следить» за неприкосновенностью, если так можно выразиться, существующих социальных порядков в Европе и принимать все меры для их сохранения.

Заявления генерала Хейга, других американских государственных деятелей о «последствиях» прихода левых сил к власти в Италии и во Франции — наглядный пример осуществления этой «стратегии взаимозависимости». Можно вспомнить, что некоторое время назад бывший министр обороны США Шлесинджер на первое место среди целей НАТО выдвинул стремление его членов «бороться всеми необходимыми средствами, чтобы сохранить неприкосновенность политического строя и территориальную неприкосновенность стран-членов».

Территориальной целостности европейских стран никто не угрожает и угрожать не может. Об этом, кстати, недвусмысленно сказано в хельсинкских договоренностях. Но вот «неприкосновенность политического строя», гарантируемого и, так сказать, обеспечиваемого НАТО,— это стремление навязать свою волю народам, борющимся за демократию, социальный прогресс. Это незавуалированная угроза всем левым силам, поддерживающим их широким народным массам, ищущим новое решение назревших национальных проблем.

В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе говорится, что все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. Об этом, видимо, забыли западные политики.

Но решающее слово в определении будущих судеб страны принадлежит итальянскому народу. Именно это обстоятельство и выводит из равновесия стратегов «Общего рынка» и НАТО.

В ПОДДЕРЖКУ НОВОГО СТОКГОЛЬМСКОГО ВОЗЗВАНИЯ

2 июня в Советском комитете защиты мира состоялась пресс-конференция для советских и иностранных журналистов, посвященная начавшейся в СССР кампании по сбору подписей под новым Стокгольмским воззванием Всемирного Совета Мира за прекращение гонки вооружений, за разоружение.

Выступивший перед собравшимися председатель Советского комитета защиты мира писатель Н. С. Тихонов привел убедительные свидетельства широкой поддержки новой инициативы Всемирного Совета Мира на нашей планете. Она встретила горячее одобрение в СССР.

Участники пресс-конференции первый заместитель председателя Советского комитета защиты мира, кандидат в члены ЦК КПСС, Герой Советского Союза академик Е. К. Федоров, заместитель председателя Советского комитета защиты мира, политический обозреватель газеты «Правда» Ю. А. Жуков и другие ответили на многочисленные вопросы советских и иностранных журналистов.

Выступает Ю. А. Жуков.

Фото А. Гостева.

МИРНЫЙ АТОМ

Президент АН СССР академик А. П. Александров вручает дирекции института ядерных исследований орден Дружбы народов.

Фото Н. Горелова.

В эти июньские дни в городе физиков на Волге особенно оживленно. Здесь, в Дубне, проходила юбилейная сессия комитета полномочных представителей, посвященная 20-летию работы Объединенного института ядерных исследований — первого международного научного центра социалистических стран.

В празднично убранном зале — известные ученые, сотрудники посольств, представители общественности. Над столом президиума — флаги государств — участниц института. На недавнем заседании в братскую семью ученых социалистических стран принята революционная Куба.

Под бурные аплодисменты академик А. П. Александров, президент Академии наук СССР, передает дирекции института высокую правительственную награду Советского Союза — орден Дружбы народов.

С докладом об итогах деятельности института за 20 лет выступает его директор, академик Н. Н. Боголюбов.

Много благодарных и теплых слов об Институте ядерных исследований звучало в эти дни в зале Дома культуры Дубны, и в научных лабораториях, и за дружескими беседами. Много приветственных адресов, знамен, наград вручается дирекции института. Президент Чехословацкой Академии наук академик Ярослав Кожешник передает институту Золотую медаль за развитие дружбы и сотрудничества с Чехословакией.

— Я не могу представить болгарскую науку без животворных связей с ОИЯИ,— говорит академик Христо Христов.— Но мы ценим Дубну не только с точки зрения науки, но и как образец первой научной международной организации, где слова «интернационализм», «дружба народов», «взаимопомощь» подтверждены делами.

— Во время войны мы принимали участие в работе Объединенного института ядерных исследований без долевого взноса. Эта помощь нашей молодой науке неоценима,— вспоминает профессор Ле Ван Тхием, директор Института математики при Национальном центре научных исследований Демократической Республики Вьетнам.

«Всей своей деятельностью институт будет содействовать использованию ядерной энергии только для мирных целей на благо всего человечества».

Эти слова записаны в уставе Объединенного института ядерных исследований, принятом 20 лет назад. Трудно переоценить, как актуальны они сегодня.

К ПУШКИНУ

На протяжении всей жизни был связан Александр Сергеевич Пушкин с этим краем. «Приют спокойствия, трудов и вдохновенья»,— писал он о сельце Михайловском. Здесь, среди неброской природы северной России, рождались замыслы и создавались гениальные произведения, здесь приобщался поэт к народной жизни, здесь в древнем Святогорском монастыре покоится его прах.

И не случайно сердцем традиционных Всесоюзных пушкинских праздников поэзии стало Михайловское. В десятый раз встретил Пушкинский заповедник гостей из различных уголков нашей страны и из-за рубежа.

Прекрасный подарок ко дню рождения Александра Сергеевича подготовили неутомимые энтузиасты — работники Пушкинского заповедника: возрождена усадьба Ганнибалов — Петровское, та,

...где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой, арап...

Знаменательна тема Пушкинского праздника этого года — «Пушкин в переводах на языки народов СССР». Она подтверждает, что сбылось провидение поэта:

Слух обо мне пройдет по всей
Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней
язык...

На снимке: участники Пушкинского праздника в усадьбе Петровское.

Фото И. Чиркова.

ПРАЗДНИК КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА

В Москве закончил работу XII конгресс Международного союза деятелей театра кукол — УНИМА.

Кукольный театр — самое древнее из зрелищных искусств. Он зарождался еще в доисторические времена, когда у людей появились и маски и куклы — участники ритуальных шествий. Но до сих пор существует мнение, что театр кукол — это театр детский и хорош он лишь для детей. Однако же вот что по этому поводу думает главный кукольник нашей страны, президент Советского центра УНИМА, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Сергей Владимирович Образцов:

— Я уже не раз говорил: если на маленькие кукольные плечи нельзя положить ту же почетную ношу, ту же обязанность быть действительно нужным людям, какая лежит на плечах большого искусства, тогда я не хочу ни писать о куклах, ни заниматься этим делом...

Остается сказать, что на заключительном заседании конгресса директор Центрального театра кукол С. В. Образцов был избран новым президентом УНИМА.

Новое здание МХАТа. Здесь проходили встречи, заседания, спектакли, в которых участвовали коллективы 14 зарубежных и 7 советских кукольных театров.

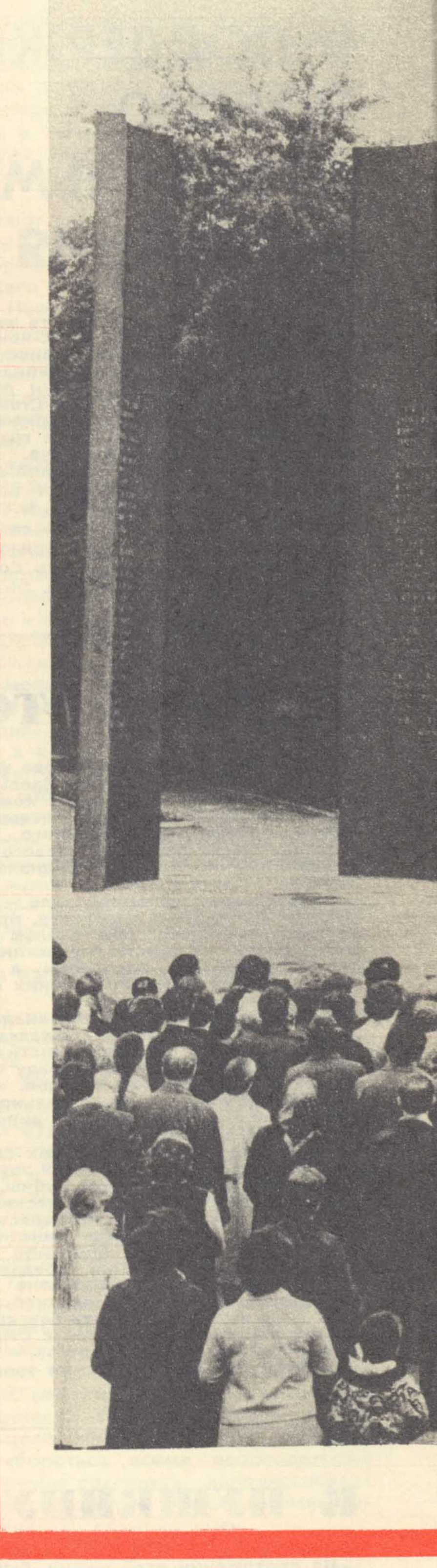
Фото А. Конькова и В. Кузьмина (ТАСС).

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

НАКАНУНЕ ТРЕТЬЕГО СЕМЕСТРА

На вопросы корреспондента «Огонька» Л. Плешакова отвечает комиссар Всесоюзного студенческого отряда имени XXV съезда КПСС Евгений БЕЛЫЙ.

— Скоро у студентов страны закончится экзаменационная сессия и наступят летние каникулы. Когда начнется «третий», трудовой семестр в этом году?

— Для Всесоюзного студенческого отряда это будет восемнадцатое трудовое лето. Уже в конце июня выедут первые линейные отряды учащихся вузов и техникумов. Пятого июля состоится Всесоюзная радиолинейка, посвященная началу «третьего», трудового семестра.

— Где будут работать студенты?

— Адрес прежний: от Камчатки до Бреста. Увеличится численность отрядов, работающих на БАМе, КамАЗе, Саяно-Шушенской ГЭС, Усть-Илимском ЛПК, в Нечерноземной зоне РСФСР, на строительстве олимпийского комплекса в Москве.

Но не только стройки ждут их. Как показал опыт прежних лет, студенты могут оказать заметную помощь на сельскохозяйственных работах, на предприятиях пищевой и рыбной промышленности, в сфере обслуживания, учреждениях здравоохранения, на железнодорожном транспорте (в поездных бригадах пассажирских составов), при реставрационных и оформительских работах. Нынешним летом эта сфера деятельности студентов расширится.

— Что нового будет в трудовом семестре 1976 года?

— Для укрепления деловых связей с рабочими коллективами, где станут трудиться студенты, впервые решено проводить отчеты отрядов перед этими коллективами о проделанном за лето. Это будет не только подведение итогов перед возвращением в институты, но и деловой, откровенный разговор, где каждая из сторон выскажет свои предложения на будущее.

Получат дальнейшее развитие долгосрочные договоры между вузами и хозяйственными организациями, куда летом поедут работать студенты. Такое планирование даст возможность хозяйственникам и студентам рационально рассчитывать средства, материальные и трудовые ресурсы.

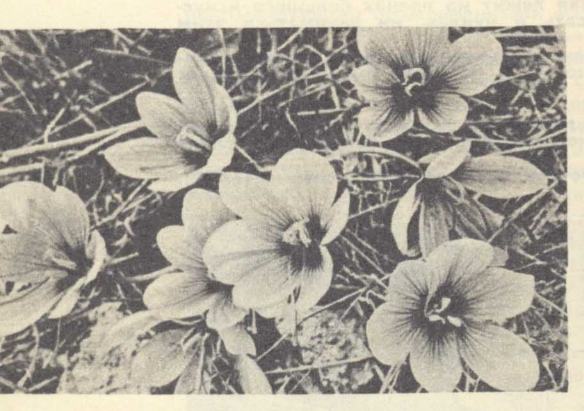
Особо важной задачей нынешнего лета мы считаем строительство школ, интернатов, жилых домов для учителей, и социально-культурных учреждений в сельских районах Нечерноземной зоны РСФСР. Это большая социальная проблема, решение которой будет способствовать закреплению кадров на селе.

Ярославский областной отряд обязался построить этим летом 50 домов для учителей. Калининградские студенты составили свой пятилетний план строительства на селе школ и интернатов. Аналогичные планы разрабатываются и в других вузах.

Нынешний летний трудовой студенческий сезон пройдет под знаком выполнения и пропаганды решений XXV съезда КПСС, имя которого присвоено Всесоюзному студенческому отряду. Тысячи студенческих агитбригад, десятки тысяч лекторов дадут концерты, проведут лекции на стройках, промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах. Они примут участие в оформлении клубов, библиотек, читален, фотовыставок, которые расскажут о достижениях советского народа в первом году десятой пятилетки.

АЗЕРБАЙДЖАН

КРАСНОЕ ЗОЛОТО АПШЕРОНА

Скатертью убегают к морю плантации единственного в нашей стране Апшеронского шафранового совхоза. Только жителям старинного селения Бильгя, и больше никому на полуострове, известны все тонкости выращивания этого растения, прозванного красным золотом.

На 102 гектарах раскинулось эксплуатационное поле шафрана. В пору бабьего лета оно удивительно напоминает волшебный ковер-великан, сотканный из всех цветов радуги. Один-единственный раз цветет растение, и клубни его умирают, чтобы родиться вновь, но уже через несколько лет. На пестике каждого цветка всего лишь три желто-красных рыльца того самого шафрана, что необходим для азербайджанского плова, национальных сластей, тендирного хлеба, восточного напитка — шербета.

— Эта субтропическая культура выращивается в Индии, Китае, Пакистане, а у нас в СССР только на Апшероне, — говорит директор совхоза А. Гусейнов.— Считают, что она была завезена к нам шесть веков назад. Кроме как у нас, шафран больше нигде не прижился. Дело, наверное, в земле и солнце.

Любопытная арифметика у этого растения. В одном килограмме цветков — десять тысяч рыльцев шафрана чуть толще человеческого волоса. Сто килограммов цветков дают всего один килограмм шафрана. Красное золото взвешивается только на аптечных весах. Труд наших земледельцев сродни добыче золота.

Г. ПОГОСОВ

Фото К. Владимирова

КТО БОЛЬШЕ?

— Господа, перед вами гнедой жеребец Мобильный. Первоначальная цена тысяча пятьсот долларов, — объявляет аукционер А. Лобанов. — Кто больше? Вижу, тысяча шестьсот... Раз! Тысяча восемьсот... Две тысячи! Раз... Две тысячи — два! Две тысячи — три! Жеребец Мобильный продан за две тысячи долларов.

Так в Киеве на манеже конноспортивной школы «Авангард» проходил международный аукцион спортивных лошадей. В прошлом году он был организован впервые и имел такой успех, что продавцы (представители конезаводов республики) и покупатели (специалисты ряда европейских стран) решили сделать его ежегодным.

В мае этот аукцион состоялся уже как традиционный. За один день было продано 74 лошади. Самая дешевая куплена за 800, а самая дорогая — за 7100 долларов.

Первый заместитель министра совхозов УССР Виталий Кон-

Бронзовая фигура на постаменте из серого гранита... Памятник Надежде Константиновне Крупской был торжественно открыт 1 июня в Москве, на бульваре у Сретенских ворот.

Глубоко символично, что памятник верному другу, соратнице и ближайшей помощнице В. И. Ленина открылся в Международный день защиты детей: Надежда Константиновна Крупская — один из создателей социалистической системы народного образования.

Авторы памятника — скульпторы Е. Ф. Белашова, А. М. Белашов и архитектор В. Л. Воскресенский.

Фото А. Ковтуна (ТАСС)

АРМЕНИЯ

НАСИБЯН, СЫН НАСИБЯНА

Операция длилась несколько часов. Казалось, ничто уже не спасет шестидесятилетнего колхозника. Но хирург не сдавался. Он вновь и вновь делал массаж сердца, повторял инъекции, переливание крови. И лишь к утру, когда опасность более не угрожала больному, врач снял с себя маску...

Мартын Николаевич Насибян никогда не забудет этот день. Не потому, что это его тысячная операция. Больной был старым другом отца и в больнице неустанно повторял: «Пусть оперирует сын Николая».

Легенды приходят к нам из глубины веков. А легенда о сельском враче Николае Егоровиче Насибяне родилась в 1945 году и будет, наверное, передаваться из поколения в поколение благодарными людьми...

Молодой военврач прошел путь от предгорий Кавказа до Праги. Вернувшись домой, он не успел даже обнять своего сына. Рассказывают, что в тот день в соседнем селе умирал человек. В офицерской гимнастерке с орденами и медалями, врач вскочил на коня и... вернулся домой лишь утром. Так началась мирная жизнь Николая Насибяна.

С зарей, когда над крышами Кохпа тянулись дымки тондыров и женщины начинали печь хлеб, он уже был на ногах и седлал коня. «Наш доктор не щадит себя»,— сокрушались односельчане. «Ничего, он молод»,— говорили старики. Никто в селе не знал, что их доктор сам серьезно болен. Он лежал дома, когда раздалась тревожная просьба о помощи. Сам себе сделал инъекцию и велел готовить инструменты. В машине Николаю Егоровичу стало хуже, но он все же доехал. Медлить было нельзя, и он приступил к операции. Это была последняя операция тридцатипятилетнего врача.

...Ливень размыл дороги. Люди, по пояс в воде, несли своего умирающего врача, передавая носилки по цепочке, через бурные потоки горных речек, рубили еловые ветки, устилали ими тропинку. В каждом селе навстречу этой необычной процессии выходили все — от мала до велика.

Николая Егоровича похоронили невдалеке от старой больницы, а новую, о строительстве которой мечтал сельский врач, назвали его именем.

Здесь и работает теперь заведующий хирургическим отделением Мартын Насибян. С честью служит он делу, которому его отец отдал щедрость души, знания и короткую, но самоотверженную жизнь.

А. САВАЯН

Мартын Николаевич Насибян.
Фото М. Джанвеляна

ИВАНОВО

Возвращение юности

С большим успехом на сцене Ивановского театра музыкальной комедии идет пьеса Е. Шатуновского «Возвращение юности» (композитор В. Гроховский).

Спектакль, посвященный XXV съезду КПСС, поставил главный режиссер театра Б. Бруштейн. В спектакле заняты заслуженные артисты РСФСР В. Бирилло и Б. Кучинев и другие актеры.

Пьеса рассказывает о любви советской девушки Валентины и болгарского юноши Пламена, о строительстве газопровода, о братстве болгарского и советского народов.

А. СТЕПАНЕНКО

МОСКВА

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ!

Началась пора школьных каникул. По-разному проведут их ребята. А вот эти, будущие капитаны, отправились в юбилейное плавание. Московскому детскому речному пароходству — 20 лет. В двадцатый раз юные речники подняли флаг навигации.

В 1956 году триста воспитанников первого в стране детского пароходства ходили... по обводному каналу от кинотеатра «Ударник» до фабрики «Парижская коммуна». Ходили на двух крохотных, почти игрушечных суденышках. Теперь уже не триста, а семьсот мальчишек, грезящих рекой и морем, отправляются ежегодно в поход на трех мощных пассажирских теплоходах. В юбилейный двадцатый поход ребячьей флотилии в составе судов «Антарес», «Отважный» и «Экватор» предстоит проделать путь в две тысячи километров по Москве-реке, Оке, Волге, каналу имени Москвы. Поход продлится 23 дня.

Под руководством своих наставников школьники будут нести вахту на судах как заправские мотористы, рулевые, радисты, матросы.

Восемь тысяч воспитанников на счету пароходства. Многие из них стали капитанами, судомеханиками, штурманами. Один из них — капитан «Антареса» В. Л. Пучинский. Он окончил школу пароходства в 1962 году.

И. МЯСНИКОВ

На снимке: Витя Фракин и Андрей Козлов под руководством старшего помощника капитана В. И. Козлова ведут пароход.
Фото И. Гаврилова

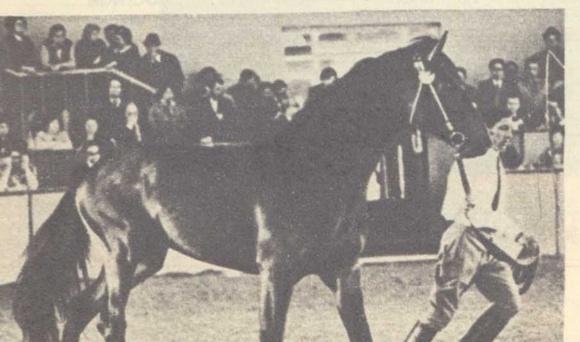

КИЕВ

стантинович Соломаха, подводя итоги аукциона, сказал:

— Из шести конных заводов республики четыре специализируются на выращивании украинской породной группы верховых лошадей. Они отличаются добрым нравом, хорошим ростом, развитым телосложением, что позволяет с успехом использовать их в классических видах спорта. Для специалистов конезаводов, которых мы пригласили на аукцион, это был полезный урок. Они услышали и увидели, каковы ныне требования покупателей.

С. КАЛИНИЧЕВ,
соб. корр. «Огонька»
Фото С. Крячко

ИСТИННЫЙ ТАЛАНТ

Ник. КРУЖКОВ

На картине передо мной — художник, пожилой человек, с кистями и палитрой в руках. За его спиной в отдалении, в легкой дымке виден Московский Кремль. Художник стоит у раскрытого настежь окна и готовится к работе, а может быть, только что оторвался от нее. На нем халат, ворот рубашки распахнут, вид у мастера вполне домашний. Чувствуется, что он домосед, не любит разъезжать по гостям, но принять их всегда рад. Лицо художника светится особой душевной красотой, дружеским теплом, тем добродушием, которое так характерно для русского человека. Глаза прикрыты очками в металлической оправе: годы дают о себе знать, но взгляд зоркий, ничего не выпускающий из виду. В плечах, в широкой ладони чувствуется немалая сила. Добродушие взгляда таит в себе и затаенную, ушедшую вглубь печаль, терпение, и привычность к невзгодам жизни, и твердость характера — видно, не так уж легок был пройденный им путь...

Василий Андреевич Тропинин известен не только великолепным своим мастерством, но и тем, что отличался любовью к правде, честностью в изображении натуры. И, уж конечно, работая над автопортретом на фоне Московского Кремля, никак не хотел да и не мог скрыть от самого себя, каков он есть. Мастер передал на полотне и те свойства, которые ему, возможно, не очень хотелось выставлять напоказ, но кисть его всегда была честна. Да, таким Тропинин был в 1844 году, когда писал свой портрет,— стрелка его жизни в то время перешла далеко за пятьдесят.

Вот что рассказывает скульптор Н. А. Рамазанов, хорошо его знавший: «Будучи необыкновенно кроткого нрава, он вместе с тем обладал сильным характером... Все обидное переносил он с высоким терпением и посреди всех художественных занятий совершенно забывал все окружавшее его неприятное и трудился до упаду; случалось, где он работал, там и засыпал».

Это был великий труженик; беззаветное трудолюбие отшлифовало прирожденный талант, дарованный ему судьбой. Что же касается силы характера, то для примера можно привести следующий случай. В тридцатых годах он получил предложение написать портрет вельможной дамы В. А. Зубовой. Заказчица была уже в немалых летах, но пожелала, чтобы в портрете художник возвратил ей ушедшую молодость. Работа была выполнена, но между мастером и дамой возник конфликт. Вот что говорил Тропинин своим ученикам: «Художник должен быть хозяином своего дела. Нельзя... соглашаться на все требования снимающего с себя портрет». И показывал изображение Зубовой, очень пожилой женщины. Во всей ее посадке, в изысканности наряда видно было желание молодиться. «Этот портрет,— продолжал Василий Андреевич,— остался у меня. Ей хотелось написаться совершенно с открытой грудью, руками и талией. Я самопроизвольно накинул на нее соболь, чтобы скрыть нравственное безобразие старухи; она рассердилась на меня и не взяла своего портрета, а я не согласился его выпустить из мастерской в неприличном виде на посмешище публики».

Лет за шестьдесят до этого подобный конфликт был бы решительно невозможен: от живописца требовалось, чтобы портрет был в полном соответствии со званием, чином и положением заказчика. Но наступали иные времена, и одним из тех, кто прокладывал новые пути в искусстве, был Василий Андреевич Тропинин, которого Крамской назвал художником, закладывавшим фундамент русского реализма.

Родители Тропинина были крепостными графа Миниха, жили в селе Карпово под Новгородом, там и появился на свет их сын Вася. И никому не приходило в голову, что именно этот белобрысый новгородский мальчишка из «подлого сословия» много лет спустя прославится своими картинами на всю Россию.

Когда младшая дочка графа Миниха выходила замуж за графа Моркова, Василий Тропинин был отдан ей в качестве приданого вместе с прочим движимым и недвижимым имуществом. Случилось это в начале девяностых годов восемнадцатого столетия.

Стал молодой парнишка слугой-казачком в семействе Морковых: прими, подай, убери, принеси, унеси. День-деньской приходилось торчать в передней. А мальчик любил рисовать. Вид красок приводил его в дрожь. Ему страстно хотелось изображать все, что он видел; особенно нравилось рисовать людей. Однажды, занимаясь чисткой обуви, он использовал господскую ваксу и сделал несколько набросков на стене. Об этом стало известно всем, в том числе и господам. Мы не знаем, выдрали ли начинающего художника, но граф стал присматриваться к своему казачку — парень толковый, грамотный, расторопный, шустрый, к тому же недурно рисует. В ту пору в среде богатых и знатных помещиков нередко возникало соперничество, у кого слуга лучше. Заводили крепостных актеров, крепостных музыкантов, крепостных художников, писавших целые портретные галереи членов семьи хозяина.

Переход во владение Морковых сыграл немаловажную роль в творческой жизни Василия Тропинина. Ираклий Иванович был убежден в том, что порядок разделения людей на господ и рабов утвержден самим богом, но сподвижник Суворова, начальник московского ополчения 1812 года, он был милостив к своему слуге.

С его разрешения Тропинин начинает посещать рисовальные классы Академии художеств, учится живописи у известного в ту пору С. С. Щукина, а в 1804 году даже участвует в академической выставке картиной на сладковато-сентиментальную тему «Мальчик, тоскующий об умершей своей птичке». Она была, однако, благожелательно отмечена в печати — к радости автора и удовольствию графа: «Вот каков мой Васька...»

Но с Академией Тропинину вскоре пришлось на много лет прервать всякую связь: Морков переехал в свое поместье, село Кукавка, захватив с собой художника. В Кукавке барин использовал Василия Тропинина и в качестве маляра и кондитера, но пустую, мелкую работу ему уже не поручали. Почему кондитера? Было тогда обыкновение подавать на господский стол сложные кондитерские сооружения: торты в виде башен и храмов, пирожные в виде коней или медведей — кому же этим заниматься, как не художнику?

Делал он и портреты семьи Морковых — писал всех вместе и каждого в отдельности. А когда граф распорядился построить в селе церковь, то поручил это предприятие Тропинину. Одного живописного мастерства тут было маловато, нужны расчеты, знание строительного материала. Но раз граф изволил приказать,— значит, надо делать. И вот возникла церковь — истинное благолепие, восхитившее и графское семейство и крестьян. Разумеется, целая артель каменщиков, кровельщиков, штукатуров, маляров трудилась над ее постройкой, но чертежи создавал Тропинин, и он же писал иконы.

Вскоре после освящения церкви Тропинин венчался в ней с жительницей села Кукавка Анной Ивановной Катиной, которая до конца своих дней была верной спутницей и другом художника.

Граф Морков был доволен строительством. Тропинина он именовал с тех пор не иначе, как Василием Андреевичем и проявлял к нему высокое благоволение. Толковая голова была у этого, в сущности, самоучки и руки золотые. Окрестные помещики, разумеется, с согласия графа, завалили художника заказами, не очень заботясь о вознаграждении мастера: «Что крепостному человеку нужно? Сыт, одет, обут...» А работал он «до упаду». С особой радостью писал своих собратьев: крестьян и крестьянок Кукавки. Его пленяла красота украинского народа, природная грация и прелесть местных женщин, их живописные украшения, многообразное искусство народных ремесел. Граф часто уезжал в Москву, где у него был свой дом, и всегда брал с собой художника. Но о вольной для Тропинина не хотел думать. Только однажды, когда дочь сказала, что хотела бы получить в приданое Василия Андреевича, сурово отрезал: «Художник никому не достанется». Был это намек на будущее или просто резкость языка, сказать трудно.

С десятых годов XIX века Василий Андреевич почти безвыездно жил в Москве, которую он очень любил. Всему московскому обществу вскоре стало известно, какой большой живописец и несравненный искусник в своем деле этот крепостной мастер графа Ираклия Ивановича. Слава художника росла, заказы непрестанно поступали с разных сторон. В Дворянском собрании и Английском клубе говорили о том, что граф Морков прижимист и нехорош, поступает некрасиво — держит такого славного мастера в дворовых, не дает вольной. А один сановный старик весьма ехидно заметил: «Он даст ему пирожок в зубы, когда у того уже и зубов не станет». Василию Андреевичу и впрямь шел в то время пятый десяток.

Надо думать, что такие разговоры не проходили мимо ушей графа. И вот 8 мая 1823 года, христосуясь по случаю пасхи со своими близкими слугами, он вместо красного яичка вручил Василию Андреевичу вольную.

Но счастье было неполным: его сын остался в прежней, крепостной зависимости. Только через пять лет после смерти графа он был отпущен на волю. Тем не менее в жизни Василия Андреевича с 1823 года наступила новая полоса.

Тысячи картин и рисунков сделал он за свою жизнь. Но дело, разумеется, не в количестве. Отлично понимая значение колорита, он не признавал украшательства, как бы цветисто оно ни выглядело, отдавая преимущество естественности.

В. Тропинин. 1776—1857. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА К. П. БРЮЛЛОВА. 1836. Государственная Третьяковская галерея.

В. Тропинин. ПРЯХА. 1820-е годы.

Государственная Третьяковская галерея.

Многочисленные поклонники не скупились на комплименты в адрес живописца. Москвичи с гордостью произносили: «В Санкт-Петербурге Карл Брюллов, а у нас — Василий Андреевич». «Наш гениальный Тропинин»,— говорили о нем и добавляли: «портретист великий», «неподражаемый», «авторитет всеми любимый». Многие обнаруживали в его произведениях «вандиковское уменье», «тицианов колорит». Когда кто-нибудь сравнивал Тропинина даже с Рембрандтом, москвичи не удивлялись: «А что? Он наш Рембрандт!» Эти дошедшие до нас эпитеты — живое свидетельство славы, которая легла на плечи художника.

Выходец из крепостной среды, хорошо знавший «простой люд», Тропинин любил изображать народ, его повседневную жизнь. Картины «Свадьба в Кукавке», «Девушка-украинка, собирающая сливы», многочисленные этюды, эскизы, наброски с натуры свидетельствуют об искренней любви художника к Украине, к ее славным людям. Об этом свидетельствует и созданный мастером портрет Устима Кармелюка, активного борца за крестьянскую долю, о подвигах и благородных поступках которого ходило множество легенд. Это имя наводило ужас на помещиков, повинных в жестоких притеснениях крестьян. За расправы с угнетателями народа он был приговорен к смерти и заточен в Каменец-Подольскую крепость, откуда совершил невероятный по смелости побег, был пойман и снова бежал.

Не просто, надо полагать, было художнику встретиться с Устимом Кармелюком, но в том, что портрет сделан с натуры, сомневаться не приходится. Существует предание, что Тропинина свел с ним лекарь Прокопий Данилевский, тайно оказывавший помощь больным и раненым сподвижникам атамана. Во всяком случае, портрет доблестного крестьянского вожака полностью совпадает с приметами, которые сообщил Литинский нижний земский суд, объявивший розыск «особо важного государственного преступника Устима Михайлова сына Кармелюка»: «Лица круглого, носа умеренного, волосов на голове, усах и бороде светлорусых, глаз голубых».

На портрете Тропинин изобразил украинца средних лет, с умным и острым взглядом, исполненным решимости, с гордым поворотом головы, с лицом повелительным и мужественным. Это главарь, вождь, повстанец. На нем простая свитка, виден ворот рубахи, расшитый зеленым узором. Весь портрет выдержан в темных, действительно «вандиковских» тонах. Он сделан в 1820 году, когда художник был еще крепостным, и это с полным правом можно назвать очень смелым поступком. Живописец написал сильную, благородную личность, достойную того глубокого уважения, какое испытывал народ к своему герою.

Есть у художника этюд «Старик ямщик, опирающийся на кнутовище». Многое повидал на свете старый человек, глаза зоркие, внимательные — без этого нельзя в долгих дорогах. Чуть насмешливая улыбка трогает губы, словно он хочет сказать: «Знаю я вас, господа хорошие». Рука устало положена на кнутовище, голова склонена вниз — ямщицкая работа нелегкая. Но лицо, изрезанное складками и морщинами, озарено умом, все говорит о том, что он хитроват и ловок, умеет преодолевать невзгоды и трудности. Все произведение выдержано в благородном глубоком колорите, столь напоминающем работы старых европейских мастеров, но натура ямщика вполне русская, национальная.

Тропинин создал также портрет знаменитого в то время мастера-каменотеса Самсона Суханова, строившего под руководством А. Н. Воронихина Казанский собор, отделавшего гранитом набережную на стрелке Васильевского острова, изготовившего и семнадцатиметровые цельные колонны Исаакия и пьедестал для памятника Минину и Пожарскому в Москве. Самоучка, архангелогородский крестьянин, он достиг в своей работе высокого совершенства. Конечно, Самсон Суханов был желанной натурой для Тропинина. Живописец показал мастерового человека, обладавшего душой вдохновенного художника.

Если окинуть взглядом все работы Тропинина, все созданные им портреты знатных вельмож и деятелей просвещения, актеров и художников, крестьян и ремесленников, военных и штатских, чиновников и купцов, то увидишь всю тогдашнюю Россию, какой она была в первой половине девятнадцатого столетия. Даже среди старообрядцев, религия которых считала портрет человека грехом против бога, было у него несколько заказчиков.

Василий Андреевич Тропинин знал все волшебство цветовых сочетаний, игры света и теней, понимал, как можно одним мазком подправить оригинал. Он также твердо помнил канонические правила, преподанные ему в рисовальных классах Академии и устанавливавшие точные пропорции для фигур мужчины и женщины: тело условно делилось на тридцать частей, каждая часть на двенадцать минут — голова составляла три части и девять минут, глаз — три с половиной минуты. Но если эти классические пропорции не соответствовали натуре заказчика, он решительно отвергал их, что считалось тогда немалой дерзостью.

Его ученица Т. А. Астракова приводит высказывание мастера по поводу картины Новковича «Спящая нимфа»: «Вот погубил-таки свой талант этот человек. А талант был. Что написал? Разве это натура? Все блестит, все кидается в глаза, точно вывеска парадная. Жаль, очень жаль, а ничего не поделаешь».

Одна из лучших работ Василия Андреевича Тропинина — портрет Пушкина, сделанный в 1827 году.

Восьмого сентября 1826 года двадцатисемилетний Пушкин с фельдъегерем — император Николай ни на час не хотел оставлять поэта без наблюдения — прибыл в Москву, «свободно, под надзором, не в виде арестанта». Появление поэта в древней столице взбудоражило всю тогдашнюю московскую интеллигенцию. Остановившись на квартире у своего друга Соболевского, Пушкин выразил желание подарить хозяину дома свой портрет. Сразу же было решено просить Тропинина.

Художник написал поэта «в домашнем халатном виде», с расстегнутым воротом белой рубашки. Рука небрежно касается стола, голова чуть повернута влево, глаза полны блеска, черты лица выразительны и подвижны. Никакой искусственности, позы, напряженности, подчеркнутой поэтической пылкости. Однако, всматриваясь в изображение, вы чувствуете громадную духовную мощь личности поэта. Волшебство художника сказалось в том, что он сумел понять красоту и силу таланта Пушкина, тонко и умело подчеркнуть его народность, демократизм, все неисчерпаемое богатство его духовного мира. Писатель Н. Полевой, современник Тропинина и Пушкина, писал в «Московском телеграфе» в 1827 году: «Сходство портрета с подлинником поразительное».

После получения вольной в 1824 году Тропинин стал академиком. Его любили и уважали, избрали почетным членом Московского художественного общества, считали за великое счастье брать у него уроки. Один из его учеников, Тучнин, вспоминал: «Какой прекрасный человек, отец милосердный к ученикам... Мы приходили к нему, он нас... принимал, как отец принимал детей, приехавших из учебного заведения на вакацию, радушно; ясно мы видели, что он ученика почитал за будущего художника...»

Великий Карл Брюллов говорил о Тропинине: «...я задыхаюсь от восторга, что, наконец, не одна протекция, а истинный талант может быть уважаем и в России. Радуйтесь — настает время, что и матушка Москва может погордиться своими детушками». А в письме к художнику он писал: «Целую вашу душу, которая по чистоте своей способна все понять вполне». Тропинин также любил и уважал Брюллова, написал его портрет на фоне дымящегося вулкана. «Да и сам-то он настоящий Везувий»,— отзывался он о великом мастере.

Бывали дни, когда публика охладевала к Тропинину или даже начинала бранить его, но он стойко переносил любые нападки, большей частью совершенно необоснованные.

Граф И. И. Морков продолжал до самой своей смерти покровительствовать Тропинину, предлагал ему выгодные и удобные казенные должности, но художник неизменно отказывался от них: он хотел целиком посвятить себя творчеству.

При всей своей известности Василий Андреевич всегда жил скромно, в той обстановке, к которой привык и считал лучше всякой другой. Незадолго до смерти он приобрел собственный домик в Замоскворечье. Там было множество, как пишет Рамазанов, «цветов и деревьев, в клетках чирикали и пели птички, поскакивая с жердочки на жердочку; в просторных и уютных комнатах, украшенных сверху донизу произведениями кисти славного художника, все имело спокойный, веселый вид». Но это уже не радовало Василия Андреевича: с ним не было Анны Ивановны, жены, дорогого, любимого человека. Она умерла раньше, и художник очень тосковал.

...Недалеко от того места, где был когда-то дом славного мастера, в Москве, в Щетининском переулке, пять лет назад открылся «Музей В. А. Тропинина и московских художников его времени». Основой коллекции послужило собрание, подаренное известным коллекционером и реставратором, горячим поклонником и знатоком Тропинина, заслуженным работником культуры РСФСР Феликсом Евгеньевичем Вишневским. Здесь побывало уже более 100 тысяч посетителей.

По сей день Тропинина помнят и любят, ценят и изучают. Его картины находятся в Третьяковской галерее и музее А. С. Пушкина в Москве, в Русском музее в Ленинграде, в Киевском музее украинского искусства, в музеях Винницы, Харькова, Одессы, Львова, Житомира, Николаева, Саратова, Минска и других городов нашей страны.

Не зарастают у нас в стране пути-дороги к высокому искусству Василия Андреевича Тропинина.

Я СОБИРАЮ ЗЕМЛЮ

Разные темы и настроения переплетаются в новой книге донецкого поэта Владимира Демидова. Он пишет о том, что довелось ему пережить, о людях, судьбу которых он ощутил как свою собственную, о событиях давно минувших, но продолжающих волновать наших современников. Шахтерский труд, природа, любовь, подвиг народа во время войны — все это обретает под пером поэта закономерное единство, ибо не бывает будущего без прошлого, большого без малого.

Владимир Демидов. Моя биография. М., «Советский писатель», 1976, 104 стр.

Недаром сборник открывается стихотворением «Земля». Символ планеты для Владимира Демидова — горстка обычной почвы.

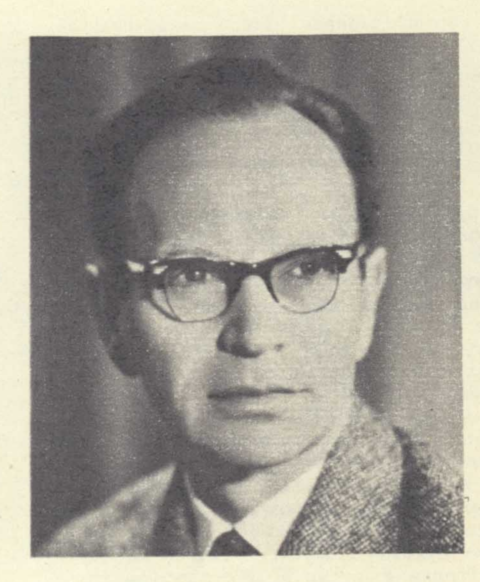
Какой там бог!
Я только в землю верую.
Я собираю землю
На земле —
И черную,
И желтую,
И серую...

Поэт принадлежит к тому поколению, чье детство было опалено жгучим дыханием второй мировой войны. Ощущением трагизма пронизаны строфы, в которых Владимир Демидов обращается к памятным картинам военной поры: «Я не забыл, с каким стараньем они сжигали по одной еще не читанные мной легенды наши и сказанья».

Ответственность за судьбу Родины, за воспитание и преемственность поколений явно чувствуется в программном стихотворении, давшем название всему сборнику — «Моя биография».

Немало в сборнике произведений, посвященных родной донецкой земле, друзьям по перу. В нем нет единства тематики, зато есть то внутреннее целое, что помогает увидеть лицо поэта — открытое и честное.

Н. НИКИШИН

«Взмах крыла»— роман о людях, сумевших покорить атом. Много лет я изучаю их подвижническую жизнь. О некоторых я рассказал в своей дилогии «Пора надежд и свершений». В новой книге герои мои опять в поиске. Они уходят несколько дальше, и рядом с ними появились новые имена. И другие сложности встали на пути к достижению цели.

Автор.

Натан РЫБАК

Рисунок А. ЛУРЬЕ

ПРЕСС-КОНФЕРЕ

Эта пресс-конференция задумывалась, видимо, давно теми же боссами, которые хлопотали за кулисами международной конференции, которые дергали за полы пиджаков своих ученых, едва только слабо загорался огонек доброжелательного взаимопонимания. Слишком ошеломляющим и неожиданным было сообщение советских делегатов, слишком соблазнительны были их предложения, способные помешать задуманным акциям, вырвать инициативу из рук боссов, чтобы они не попытались каким-либо образом посеять раскол, неверие, обвинить советских в сверхзагадочности,— если бы, мол, не эта загадочность и угроза, которую она таит в себе так называемому свободному миру, все было бы буколически счастливым, подобно мелодичному перезвону колокольчиков на шеях тучных коров среди альпийских лугов...

Нет! Мы не отступим. Мы примем бой. Ровно в восемь часов тридцать минут Нерчин появится во Дворце Наций. Орлова, надо полагать, уже приготовилась. Кстати, он не спросил ее, случалось ли ей бывать на таких спектаклях, принимать участие в них... Впрочем, если нет, то лучше не пугать. Физик она дай боже, прочее придет... Тут он вспомнил Смайлса. Эдди Смайлс. Ведь ты, уважаемый коллега, настаивал, чтобы я называл тебя именно так!

— К черту эти «сэр», «мистер», «месье», у нас, американцев, широкая натура, мы не признаем всяческие церемонии, каких держатся французы... Мы и вы — молодые нации. У нас молодая наука. Мы первые открыли дорогу расщепленному атому.

— С одной разницей: вы им испепелили Хиросиму и Нагасаки, а мы заставили его работать.

Нет! Это не понравилось Смайлсу.

— Если мы не договоримся, все пойдет к дьяволу.

— Вы будете вынуждены договориться.

— Постойте, Нерчин, не торопитесь. Выпьем еще виски? Выпьем! Я хочу, чтобы вы поняли, Макс. Мы, ученые, можем завладеть всем миром.

— Ерунда! Всем миром владеют люди, честные люди, Эдди, а тех, кто стремится толкнуть вселенную в бездну, ждет поражение...

Смайлс пил виски. И не пьянел.

— Отчего, Макс, вы не пьете? Вам не разрешают врачи? Плюньте! Медицина за деньги все разрешит.

— Вот в этом, Эдди, ваш просчет. Деньги — далеко не все. У нас. И вообще для каждого честного человека. Вас купили, Эдди, а Томаса — нет. Швырните вашу чековую книжку в физиономию Гульду.

— О нет! Я еще больше сдеру с этого труса, человеконенавистника и скряги...

— Вы мне нравитесь, Эдди!

Все это было вчера... Тянулось долго. Орлова не выдержала, ушла. А он не оставил захмелевшего Смайлса, проводил к машине и ждал, пока шофер силой усадит его. Автомобиль тронулся, и Нерчин заметил, что вслед за ним тут же устремилась другая машина.

Все это было вчера... Собственно, этой ночью. А, чтоб тебе горько было, Эдди Смайлс!

Нерчин машинально потрогал широкий узел галстука между уголками воротника полосатой сорочки. Звякнул телефон. Он взял трубку.

— Максим Павлович?

— Я, мисс Орлова. Вы уже принарядились?

— А вы в духе. Хорошая примета. Когда пойдете, постучите в дверь.

— Возможно, я это сделаю,— пообещал Нерчин и положил трубку.

Нерчин сел в кресло и потянулся к телевизору. «А зачем он мне?» Вопрос остался без ответа. Знал: нужно что-то делать. Материализация энергии, сказал бы Передерий. Ты не Кай Юлий Цезарь, не делай в одно время два дела, заметила бы Екатерина. Нет, я не Кай Юлий Цезарь. Я Максим Нерчин. И мистер Эдвард Смайлс напрасно... Что напрасно, он так и не додумал. На экране телевизора — знакомое лицо. Поспешно проглатывая окончания слов, диктор читал последние известия. Ирония, помноженная на скепсис, звучала в его хрипловатом голосе...

— Шесть дней во Дворце Наций хозяйничали лысоголовые и длинноволосые джентльмены...— На лицо диктора, закрыв его, надвинулись кадры хроники. Дворец Наций... Зал заседаний...

Диктор за экраном прямо захлебывался:

— Не грех отметить: ученые, участники этого форума, выглядят не слишком презентабельно... Посмотрите, пожалуйста,— предложил диктор.

Трудно было не согласиться с диктором — в самом деле, делегаты конференции, которых щедро показывали на экране, мало напоминали мудрых покорителей адских сил природы...

— Но заявления этих ученых утверждают, свидетельствуют: если мы не остановимся, мир ожидает неминуемая катастрофа.— Голос диктора был полон отчаяния.— Да, да, господа, катастрофа.— Диктор поднял палец кверху и замолк. В следующую минуту он любезно пригласил:— Взгляните, прошу вас, на эти кадры.— И исчез. А на экране уже были Смайлс и Нерчин. Обольстительный голос диктора журчал за кадром, как ручеек:

— Весьма заманчивая и символическая картинка. Момент встречи известных атомщиков: советского Нерчина и американского Смайлса. Обратите внимание, они даже дружески улыбаются и пожимают друг другу руки. Однако это никого не может обмануть.

Дальше Нерчин уже не смотрел на экран. Закрыв глаза и скрестив на груди руки, он неподвижно сидел в кресле. Можно было подумать, что он задремал. В действительности Максим чутко слушал диктора. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять, куда он целит... Расчет его хозяев был математически точен: «Вот вам, слушайте, впитывайте, вразумляйте, почему нам необходимо вооружаться. Можно ли верить Москве? Судите сами. И вообще можно ли доверять науке?»

— Советский атомщик Нерчин изобразил на обычной школьной доске при помощи обыкновеннейшего мелка сплетения формул, долженствующие пояснить посвященным суть его теоретических прыжков... Доктор Нерчин сообщил своим зарубежным коллегам, что открытие, сделанное им и его компаньонами, прокладывает дорогу к овладению управляемой термоядерной реакцией...

Нерчин решительно нажал кнопку. Незримая рука стерла с экрана хвастливого всезнайку-диктора. Спустя две минуты Нерчин постучался в дверь Орловой. Идя к лифту, он сказал:

— Вы обратили внимание, Александра Семеновна, с каким наслаждением Смайлс вчера изрек: «Истина еще нема!»

— Я обратила внимание на ваш ответ: «Познание едино, но еще не едино человечество».

— Вы льстите мне, Александра Семеновна.

Садясь в машину, ожидавшую их у подъезда, Орлова на мгновение остановилась, посмотрела пристально на Нерчина и заметила:

— А вы очень похожи на вашего учителя...

— Хотел бы...— задумчиво ответил Нерчин.

Прищурясь, он впитывал черную полосу улицы в решетке огней, но видел в эти секунды иное, и это иное возвращало ему спокойствие, уравновешенность и, главное, понимание того, что ничего не поделаешь: надо подчиниться законам, которые ты сам установил для себя.

Орлова пожала плечами и, щурясь близоруко, поднесла руку с часами к самому лицу.

— Не терпится попасть на растерзание журналистам?

— А я не из пугливых. Вы в этом убедились.

— Обиделись? Напрасно. Хочу предупредить: эти бандиты из пресс-центра потому и

захотели устроить нам отдельную встречу с прессой, что намереваются по указанию своих боссов, так сказать, вывести нас «на чистую воду». Значит, держитесь!

Нерчин долгим взглядом смерил не по летам стройную фигуру Орловой — она, не отводя глаз, встретила его своей, как когда-то сказал ей Нерчин, всепонимающей улыбкой — и услышал вопрос:

— Что, не очень похожа я на «синий чулок», мистер Нерчин?

— Ну, вам для этого потребовалось бы много усилий, хотя краску для губ можно было бы подобрать и помягче.

— Учту при случае,— серьезно согласилась Орлова. И этот ответ, видимо, чем-то удивил посольского шофера: нарушив свою привычную окаменелую нейтральность, он через плечо кинул взгляд на Орлову.

— Не отклоняйтесь от курса, Михаил Михайлович,— посоветовал Нерчин.

Машина уже выруливала на площадь перед Дворцом Наций, и Нерчин, вздохнув, пообещал:

— Александра Семеновна, имейте в виду, кое-что я скажу вам немного погодя.

— После пресс-конференции?— с любопытством спросила Орлова.

Но Нерчин промолчал. Машина остановилась. Не дожидаясь, пока пожилой швейцар откроет дверцу, Нерчин сам быстро толкнул ее, шагнул на тротуар и подал руку Орловой. Десятка два фотокорреспондентов, несколько телекамер нацелились на советских ученых, а какой-то журналист, ловко растолкав своих коллег и тыча пальцем в белый значок с названием газеты на лацкане пиджака, с нахальством, которому вовсе не шло ангельское выражение безусого личика, поинтересовался:

— Два слова, мистер Нерчин! Почему вы приехали без супруги?

— И это все, что интересует «Вашингтон пост»? Маловато.

Нерчин решительно отстранил журналиста и, пропуская вперед Орлову, поддерживая ее под локоть, начал прокладывать дорогу к высоким дверям, возле которых, вытянувшись, стояли полицейские и детективы.

— А мистер Смайлс тут,— еле слышно подсказала Орлова.

— Это для меня большая радость.

Нерчин крепко сжал локоть Орловой, а навстречу им уже шел, перебирая короткими ножками по голубой ленте сползавшего по ступенькам ковра, руководитель пресс-центра Андре Шансерель. Нерчин подождал, пока галантный Шансерель целовал руку Орловой, и только после этого, отбывая весь ритуал рукопожатий, левой дружески похлопал Шансереля по округлому плечу и спросил:

— На каком масле будете нас жарить, месье Шансерель? Учтите, мадам Орлова любит оливковое.

— О месье,— Шансерель раскинул коротенькие ручки, словно собирался сам себя распять на кресте,— можно ли говорить такое? Представители ста десяти газет ожидают вас... А вы — жарить... Но я знаю,— заторопился Шансерель, семеня за Нерчиным и Орловой по светлому длинному коридору к конференц-залу,— вы любите шутить, месье Нерчин...

— Как когда...

— Это зависит от того, в хорошем ли настроении месье Нерчин,— заметила Орлова.

— У победителей всегда хорошее настроение,— многозначительно изрек Шансерель.

— Вам следовало бы жить в Париже,— сказал Нерчин.

НЦИЯ В ЖЕНЕВЕ

— О, Париж, Париж...— закатив глаза под лоб, пропел Шансерель и добавил:— Ведь, кажется, ваш поэт Маяковский когда-то так и написал: «Я хотел бы жить и умереть в Париже...»

— «Если б не было такой земли — Москва»,— в унисон Шансерелю закончила Орлова.

— Два — ноль в нашу пользу,— подытожил Нерчин.— Цитирование — дело щекотливое, господин Шансерель, оно требует точности.

— Мы пришли, прошу вас,— торжественно проговорил Шансерель, склонив голову в поклоне, распахнул дверь и отступил в сторону, открывая дорогу гостям.

— Ого,— прошептала Орлова, первой переступив невидимую черту порога.

— Это ягодки,— громко проговорил Нерчин, идя за нею.

Шансерель стоял в центре за широким столом и, купая свое лоснящееся лицо в лучах юпитеров, певуче картавил по-французски:

— Мадам, месье, мы имеем честь принимать сегодня в нашем пресс-центре высокочтимых советских физиков, участников международной конференции, посвященной проблемам ядерной энергии,— мадам Орлову и месье Нерчина. Пресс-релиз у вас в руках, а все остальное, что вас интересует, в распоряжении мадам Орловой и месье Нерчина.

— И в ящике Пандоры,— добавил Нерчин, поудобнее усаживаясь в кресле и не обращая внимания на хохот, всколыхнувший зал.

Застрекотали кино- и телекамеры, и неутолимая жажда любопытства выплеснула на авансцену фоторепортеров. Орлова внимательно разглядывала зал, словно искала в толпе знакомое лицо, на самом же деле она ничего не видела. Тусклая пленка затягивала все, что наполняло его глубокое чрево, в котором стоял немолчный и, казалось, нескончаемый гул. Тревога, точно когтем, царапнула сердце, и захотелось положить под язык таблетку валидола. Но в этот момент она услышала властный голос Нерчина:

— Время — деньги, как говорит хозяин моего друга Смайлса, мистер Гульд. Давайте работать. Довольно поощрять бесплодную растрату времени... Правильно, мистер Смайлс?

Смайлс, сидевший в первом ряду, сдержанно кивнул головой, не то соглашаясь, не то оспаривая Нерчина.

— Мы не кинозвезды, а физики. Хвастаться пока нечем. Так начали?

— Конечно, месье Нерчин. Но, может быть, сперва вы скажете несколько слов?

Нерчин посмотрел на Шансереля, вскинул глаза вверх. Под самым потолком, чуть пониже, в освещенных кабинках, точно в инкубаторе, сидели наготове синхронные переводчики. Нерчин пододвинул поближе микрофон, нажал на кнопку — она загорелась красным кружком,— постучал пальцем по микрофону, и отзвук наполнил зал.

— Работает.

Снова смех всколыхнул тесно заполненные ряды кресел.

— Такая привычка. Мы должны все проверить и лишь тогда начинать работу. Это наш долг. Кстати, о нашем долге: долг всех честных ученых — сделать все, чтобы последствия любого научного открытия использовались для блага человечества, во имя мира и справедливости. Люди должны жить лучше, чем они живут. Люди заслужили это своим трудом, своими муками, своими дерзаниями.

Нерчин увидел в глубине зала высоко поднятую руку. На секунду замолчал, затем, казалось, обрадовался:

— А, это вы, Шарп? Давно вас не видел. Знаю: то, что я сказал, вы назовете пропагандой. Так оно и есть. Это пропаганда. Но пропаганда чего, мистер Шарп? Порядочности, честности, служения людям. Вы согласны с такой пропагандой, Шарп?

В зале настала тишина. Заинтересованная тишина. Шарп, притиснув к полным губам микрофон портативного радиоаппарата, признался:

— Спорить с вами тяжело, мистер Нерчин.

— Тяжело? А необходимо! — Нерчин отпил воды из высокого стакана, услужливо подставленного Шансерелем.— Садитесь ближе, Шарп. И скажите присутствующим, кого вы представляете.

Шарп, захватив все свое хозяйство, опоясанный накрест магнитофоном и фотоаппаратами, быстро сбежал вниз и расположился прямо на последней ступеньке.

Нерчин обратился к Шансерелю:

— Скажите, пожалуйста, чтобы мистеру Шарпу подали стул.

Шансерель кивнул служителю, и тот понес вниз кресло.

— Видите, как мы заискиваем перед прессой...

По залу в третий раз пробежал смех.

— Ваша фирма, Шарп? Не стесняйтесь.

Было тихо. Хотя именно сейчас Нерчин снова ожидал смеха. Шарп воспользовался паузой:

— У каждого своя фирма, мистер Нерчин.

Послышались аплодисменты. Не густые, даже, сказать честно, реденькие и ленивые. Но аплодисменты. Нерчин стиснул зубы. Сузил глаза, уловил довольную гримасу на лице Смайлса, увидел, как пальцы Орловой напряглись, сжимая лежавшую перед ней папку. Откинув легким движением прядь волос со лба, Нерчин блеснул в улыбке ровными зубами и почти искательно попросил:

— Скажите присутствующим, кто ваши хозяева, и хотя бы адрес вашего банка.

Шарп захохотал именно так, как умел это делать только он, Билл Шарп, ас корреспондентского корпуса, завсегдатай всех международных конференций, автор первого репортажа о взрыве водородной бомбы на Бикини. Его знали везде и всюду, во всех столицах, во всех пресс-клубах, перед ним заискивали шеф-редакторы могучей прессы, но, если признаться честно — себе, разумеется, и никому другому,— перед этим советским атомщиком он пасовал. Почему? Он и сам не мог понять, почему. Но он предпочел бы отрубить себе правую руку, чем признать это публично. Злобные огоньки загорелись в его глазах, рыжая шевелюра встопорщилась и, казалось, рассыпала искры. Он овладел собой и раздельно, внушительно ответил:

— Билл Шарп, Ассошиэйтед Пресс, агентство Рейтер, Эн-би-си. К вашим услугам, доктор Нерчин.

— Благодарю. Вот видите, сколько у вас хозяев.

— А у вас один, мистер Нерчин, Кремль! — выпалил Шарп и, довольный, захохотал, но осекся, не услышав ожидаемой поддержки.

— Ошибаетесь, Шарп. Гораздо больше. Двести миллионов советских граждан.

— Это, пожалуй, многовато! — посочувствовал Шарп.

— Зато надежно. Итак, что вас так беспокоит? Загляните в свой блокнот... И режьте напрямик...

Орлова подумала: куда клонит Нерчин? Зачем он связывается с этим типом? Ей даже страшно стало. На мгновение показалось, что все летит под откос и скандал неизбежен. Она перехватила напряженные взгляды сотрудников советского представительства при европейской штаб-квартире ООН и почувствовала: они тоже обеспокоены. Сказать, однако, что месье Шансерель доволен ситуацией, было бы неосмотрительно. Начало конференции планировалось иначе. Но руль уже выскользнул из его цепких рук, и перехватить его снова теперь не удастся. Нерчин действительно крепкий орешек, недаром Коллинз настаивал на том, чтобы особенно тщательно подготовить эту конференцию. О-ля-ля, не удается пригвоздить этого физика к позорному столбу... Но Билл Шарп — все же ас. Коллинз возлагал на него большие надежды, не жалел долларов. Еще вчера ночью Шарп был в Дели. За ним послали специальный самолет. И вот Билл делает свое дело.

— Билл — мой лучший «командос» и сделает все, чтобы загнать в угол советских атомщиков,— говорил Коллинз Шансерелю.— Ваше дело обеспечить прессу. Остальное беру на себя.

Шансерель, вспоминая теперь эти слова, почувствовал даже какую-то злобную радость. Очень уж заважничал самодовольный Коллинз. Пускай похлебает этот коктейль.

— Доктор Нерчин, один вопрос.

— Даже два, три. Старому знакомому все разрешается.

— Пока что один. Почему все эти дни, мистер Нерчин, вы так много говорите о мире?

— Простите, не только эти дни, а уже много лет.

— Тем лучше. Почему? Ведь всему миру известно, что Советский Союз — сверхатомная ракетная держава, и не умножает ли новое открытие доктора Нерчина военный потенциал Советского Союза?

— Вот оно что! Так чтобы услышать мой ответ, вы пренебрегли отдыхом? Вы, кажется, появились здесь недавно?

— Вы угадали, доктор, я только что прилетел из Дели.

— Уж такая у вас профессия, Шарп, тут ничего не поделаешь. Коэффициент профессиональной заинтересованности, помноженный на требования хозяев. Сочувствую. Записывайте, Шарп. Мы много говорим о мире везде и всюду потому, что миролюбие — признак нашей силы, а не слабости. И мы стремимся, чтобы мир царил повсюду, на всей планете, на которой мы все соседи, мистер Шарп. Пишите, записывайте, Шарп, вы утомлены и потому не слишком надейтесь на то, что память вас выручит... Порою она изменяет, особенно людям вашей профессии, Шарп. И не обижайтесь. Ведь вы стоите за свободный обмен мнениями...

— И все же, доктор Нерчин, что вы скажете о своей работе: она усиливает военный потенциал Советского Союза?

Шарп довольно озирался. Нерчину показалось даже, что он облизывается.

— Что касается моей работы, точнее, нашей работы, мистер Шарп,— спокойно начал Нерчин, заложив руки за спину и набирая в грудь воздух, щедро нагретый юпитерами,— то мы, мистер Шарп, скажу открыто, делаем все, чтобы ключ от энергии атома был в честных руках.

— Однако вы уклоняетесь от точного ответа, доктор! Я не узнаю вас...

— Постойте, Шарп. Не торопитесь. Я хочу дать вам возможность записать мой ответ. Не полагайтесь на собственные уши, они, как свидетельствуют ваши репортажи, часто подводят вас...

Удивление и любопытство воцарились в зале. Смайлс, который уже жалел, что пришел на пресс-конференцию, подтянулся в кресле, с нескрываемым нетерпением ожидал, чем же удивит Нерчин въедливого Шарпа. А Нерчин между тем расстегнул воротник сорочки, ослабил узел галстука. Улыбнулся просительно:

— С разрешения дам, сниму пиджак. Ведь я на работе...— И, указав кивком на Шарпа:— Я вынужден признать, Билл Шарп хорошо знает свое дело, прижал-таки меня...

Повесив пиджак на спинку кресла, Нерчин привычным жестом потер виски и спокойно сказал:

— В чем я должен признаться, Шарп?

Билл Шарп нагнулся над магнитофоном и, колдуя над ним, в то же время неотрывно следил за Нерчиным.

— Включили?— поинтересовался Нерчин.

— Плиз, сэр! — весело откликнулся Шарп.

— Пишите, Шарп, не знаю, останутся ли довольны ваши хозяева, но назад дороги нет. Пишите!

— О'кей, сэр.

— Рубеж мечтаний физиков становится достижимым, Шарп. Из килограмма «горючей смеси» мы можем выжать все двадцать пять миллиардов киловатт-часов энергии, скрытых в нем, что измерено короткой формулой Эйнштейна. Это в тысячу раз больше, чем деление урана.

И вот о чем я хотел попросить вас, мистер Шарп,— после короткой паузы продолжал Нерчин,— изложите мои слова честно. Разумеется, ваше право на комментарий остается за вами — это мне понятно, Шарп. Но напишите, что мы, советские ученые, обращаемся ко всем ученым мира с призывом направить и

объединить усилия к тому, чтобы в кратчайший срок осуществить управляемую термоядерную реакцию и превратить энергию синтеза ядер водорода из оружия уничтожения в могучий животворный источник энергии, которая принесет людям счастье и тепло... Вы напишете об этом, Шарп? Теперь я хочу спросить вас — да или нет?..

Шарп молчал.

В тишине, овладевшей залом, каждое слово Максима Нерчина, повторенное синхрониками на пяти языках, ложилось стенографическими значками в блокноты журналистов, чеканилось на магнитных лентах, впитывалось телекамерами.

Нерчин сделал еще глоток из стакана, услужливо наполненного Шансерелем, и, поставив стакан на стол, сказал:

— «Виши», хорошая водичка.

И синхроники автоматически перевели эти слова. Засмеялась Орлова, криво усмехнулся Шансерель.

— Этого можете не записывать, Шарп.

— Почему? Я продам их фирме «Виши». Представляете себе, какая это сенсационная реклама: «Советский атомщик Нерчин любит воду «Виши»! «Виши» — антирадиоактивная вода».

Нерчин безразлично махнул рукой и сел. Усталость дала себя знать. Вытирая платком лоб, он снова почувствовал, как властно и неумолимо тянет его очутиться вне стен Дворца Наций, в своей лаборатории, одним прыжком преодолев расстояние между Женевой и Киевом. «Как долго еще будете вы распинать меня здесь?» — хотелось ему спросить зал, битком набитый всяческим людом: друзьями и недругами, и просто охочими до сенсаций халтурщиками, и такими, которые притаились в надежде уловить где-то между словами нужную им истину, может быть, ту, о которой Смайлс сказал вчера, что она пока нема...

Шарп, казалось, перестраивал свой арсенал вопросов. Он, глубокодумно припав к блокноту, строчил и строчил авторучкой, и Нерчин смотрел на него, не скрывая удивления, словно ожидал, что процесс писания не совсем обычное дело для Шарпа. Однако Шарп, как бы опровергая это мнение, строчил без остановки.

Воспользовавшись паузой, солидный господин в огромных очках в темной роговой оправе поднялся в середине зала.

— «Монд-дипломатик», Париж, Морис Базен. Вопрос к вам, месье Нерчин. Что же происходит, когда частицы встречаются с античастицами? Что происходит при таком рандеву?

— «Монд-дипломатик» любит шутить?— удивился Нерчин.— Позвольте спросить вас, месье Базен, у вас есть автомобиль?

— Конечно. «Пежо».

— Хорошая машина,— похвалил Нерчин.— У меня — «Волга». Как автомобилист, вы знаете,— в случае катастрофы страшнее всего, если авто в упор ударит в авто... В подобном случае энергия взаимодействия возрастает в миллиарды раз. И вот эту энергию, возникающую от столкновения частиц с античастицами, именно ее необходимо направить на пользу человеку. Вы меня поняли?

— Да, месье.— И, растерянно разведя руками, Базен поспешно добавил:— Конечно, нет!

Веселый хохот потряс зал.

Таял в угодливых смешках Шансерель, смеялся Шарп, радуясь конфузу своего коллеги, хлопал в ладоши Смайлс, хотя как раз ему-то было не до радости, развеселились в своих «инкубаторах» синхроники. Орлова что-то сказала Нерчину, но он не расслышал. В это время молодой человек в кожаной курточке положил перед Шансерелем записку. Прикрываясь ладонью, он торопливо развернул ее и прочитал одно слово, написанное вкось: «Сворачивайтесь».

Коллинз был зол. Это было поражение. Шансерель понял: ему самому тоже нечему радоваться.

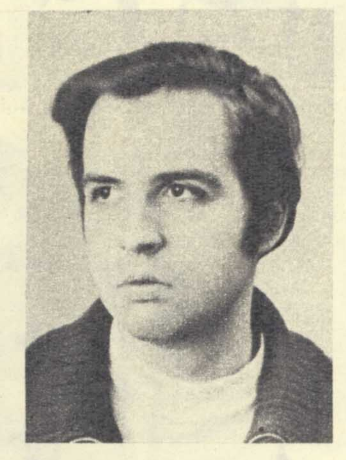
Авторизованный перевод с украинского Бориса ТУРГАНОВА.

Комсомолец Владимир Карпец — студент четвертого курса института международных отношений. Ему двадцать один год.

Воспитанный на традициях советской литературы, он заявляет себя как гражданин, публицист, лирик.

Меня радует приход в поэзию еще одного молодого одаренного человека. Литература — это работа многотрудная, постоянная и радостная. Чего я и желаю Владимиру Карпецу. В добрый час!

Лауреат Ленинской премии Сергей Михалков

Владимир КАРПЕЦ

СТАРЫЕ КНИГИ

●

Я в старые книги, как в реки, гляжу,
по полкам брожу, словно по этажу
пустому, куда не прискачут гонцы,
лишь старые книги — немые жильцы
живут на заброшенных этажах,
как старцы седые в забытых скитах.

Я в старые книги, как в память, гляжу
и снова по полкам забытым брожу,
где каждая книга мне чертит межу.
И я, будто пахарь, иду по меже,
на темном покинутом этаже.

Над ними смеются в обложках цветных
изданья последние — правнуки их,
и старый, корежистый, сумрачный том
стремятся снести, как заброшенный дом,
и им в суете и делах недосуг
понять, что срубают свой собственный сук.

А старый, заброшенный, сумрачный том
стоит, как заброшенный, сумрачный дом,
заброшенной улицы сторож седой,
глядящий в себя над замерзшей водой.

Он смотрит в зеркальные стекла шкафов
и ловит, как тени от облаков,
узорчатых букв золотую резьбу,
старинную строчек и слов городьбу.

Я в старые книги, как в память, гляжу
и строю по смутному их чертежу
плывущий над сумрачным городом дом
с огромным распахнутым настежь окном.

ПО ПОВОДУ УНИЧТОЖЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССИКИ В КИТАЕ

Кто там охвачен ядом сомнения?
Кто там мыслит с частицей «не»?
«Близится эпоха великих потрясений,
Готовься к голоду, готовься к войне!»

Бьют барабаны,
Играют знамена.
Здесь их миллионы синего цвета.
Ветер над толпами сине-зелеными.
Ветер колышет море портретов.

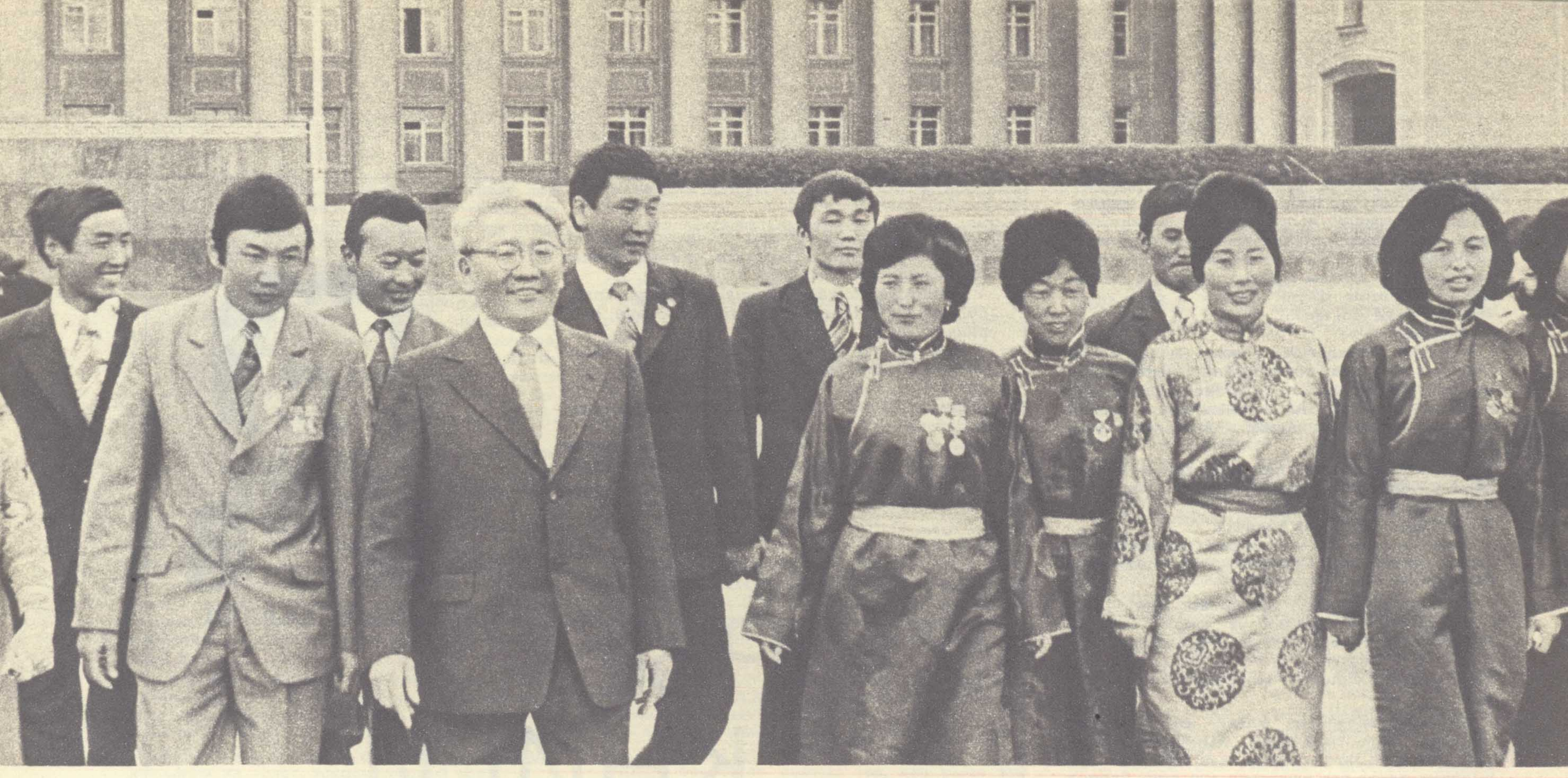
Опять миллионы согнаны строем
На ритуал восьмисотмиллионный.
Можно ломать!
Ломать — не строить!
Бьют барабаны.
Играют знамена.

Классово-вредные, черно-продажные
В желтом огне за людскою стеной
Корчатся в муках тигры бумажные —
Пушкин, Овидий, Шекспир и Толстой.

— Было, конечно, обидно и больно,—
молвил Овидий,—
меня хоть сослал
Август, «Наукой любви» недовольный,
Но хоть тогда на костре не сжигал.
— Помнится, в боге воскреснуть хотели?—
Пушкин весельем брызнул своим:
— Лев Николаич!
При жизни горели,
Что ж —
мы сегодня
по новой горим.
Вспыхнул Шекспир,
из-под бревен подмигивая,—
— Быть иль не быть —
не могли все решить,
Если сжигает нас сволочь всемирная,
Значит, ответ:
обязательно БЫТЬ!

●

Переулок уснул.
Фонари разбросали
По асфальту зеркальные блики дождя.
Окна в окна глядятся ночным угасаньем,
По прошедшему дню
И по ночи пройдя.
Водосточные трубы сплетены, как косицы
У задумчивой девочки сказочных снов.
Спит холодная темь.
Только полночь косится
На дома и на улицы глазом часов.
Спать улегся Арбат,
Хоронясь в переулках,
Прячет дом во дворы свой замерзший гранит.
Над фонарной притихшею улицей гулкой
Ночь задумчивой сказочной девочкой спит.

Товарищ Ю. Цеденбал среди молодежи.

Новелла ИВАНОВА
Фото Геннадия КОПОСОВА

КРЫЛЬЯ А

Специальные корреспонденты «Огонька» беседуют с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР товарищем Юмжагийном ЦЕДЕНБАЛОМ.

Как вы думаете, какой в Монголии самый распространенный вид транспорта? Вернувшись из поездки, я задавала этот вопрос знакомым и друзьям. Большинство, не колеблясь, отвечали: «Лошадь». «Автомобиль»,— прибавляли некоторые. И никто не назвал самолета! Неужели араты прямо с коня пересели на самолет? Пусть не покажется это громкой фразой, но так оно и есть. Сегодня, словно автобусы, курсируют из конца в конец страны «АН-24», «АН-2», и скотоводы, посасывая дорожную карамельку, летят из аймака в аймак, а то в соседний сомон, на расстояние всего ста километров.

Белокрылый самолет, на борту которого синими буквами начертано «МОНГОЛИЯ»... Мы спросили Л. Батцэнгэла, помощника товарища Цеденбала, нельзя ли нам раздобыть для съемки два самолета.

— Думаю, можно,— ответил он невозмутимо, записывая эту просьбу в свой маленький блокнот.— Только бы погода не подвела.

Погода не подвела, и Батцэнгэл, сын одного из первых монгольских летчиков, вместе с трехлетним сынишкой полетел с нами на съемку.

...Мы приехали в Монголию в канун большого события — XVII съезда Монгольской народно-революционной партии и 55-летия народной революции. Готовясь к отъезду, мы перелистали старые подшивки «Огонька». Начиная с 1924 года — три года спустя после победы монгольской революции,— «Огонек» постоянно рассказывал о том, что происходило в этой стране. На фотографиях конники в буденовках, с пиками наперевес — так выглядел отряд новобранцев Монгольской народной армии. Группа мужчин в куртках, галифе и в национальных халатах «дели» — первое правительство республики и военный совет. Караван в пустыне Гоби — первая советско-монгольская археологическая экспедиция в 1925 году. Здание, похожее на юрту,— первый театр, построенный в столице. Первый детский сад. Первые монгольские пионеры...

Мы решили переснять некоторые фотографии, чтобы показать их человеку, для которого эти снимки не были историей — они были его жизнью. Юмжагийн Цеденбал в 24 года был избран Генеральным секретарем ЦК Монгольской народно-революционной партии. Тридцать шесть лет прошло с того дня.

С волнением ждали мы встречи. Утром, солнечным и по-весеннему ясным, к нам в гостиницу приехал помощник товарища Цеденбала.

— Ну, «Огонек», едем в Дом правительства! Сегодня Первый секретарь ЦК встречается там с молодежью столицы, ревсомольцами. Перед началом встречи товарищ Цеденбал хочет познакомиться с вами и побеседовать.

Величественное здание Дома правительства стоит на главной площади столицы. Входим в просторный кабинет. Юмжагийн Цеденбал идет навстречу.

— Добро пожаловать, рад вас видеть здесь!

Он выглядит намного моложе, чем на фотографиях. Трудно поверить, что этой осенью ему исполнится шестьдесят. Впрочем, здесь, в Монголии, мы постоянно ошибались, пытаясь угадать возраст своих собеседников. Думаешь, перед тобой старшеклассник, а оказывается, тридцатилетний врач, у которого трое детишек. Знакомишься с молодой женщиной, а выясняется, что у нее уже внуки. Говорю об этом товарищу Цеденбалу, он заразительно смеется.

— Верно, народ у нас моложавый и крепкий. Климат закаливает. Вы в Монголии впервые? Сами теперь убедились, какая здесь погода переменчивая. В эту пору можно за день видеть все времена года: утром солнышко греет по-летнему, потом вдруг снег повалит, а к вечеру, глядишь, опять весной запахло...

Он говорит по-русски не спеша, в чуть глуховатой, замедленной речи сразу угадываются интонации рассказчика.

На письменном столе замечаю фотостранички из «Огонька», которые мы передали секретарю товарища Цеденбала сразу же по приезде в Улан-Батор.

— Спасибо за эти снимки,— говорит товарищ Цеденбал.— Я рассматривал их с огромным интересом, особенно любопытны они, когда сравниваешь с достижениями наших дней. Сейчас я работаю над Отчетным докладом ЦК предстоящему съезду. В нем будет много цифр. Назову некоторые. Основные производственные фонды народного хозяйства за годы пятой пятилетки увеличились более чем в 1,4 раза. Численность занятых в народном хозяйстве — на 16 процентов. За это же время совокупный общественный продукт вырос на 44 процента, а национальный доход — на 38. И еще два важных показателя: объем валовой промышленной продукции вырос на 55 процентов, а среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства увеличился более чем на 26 процентов против предыдущей пятилетки! За этими цифрами встает новая Монголия.

— Если говорить о приметах времени, характерных для Монголии сегодня, какие вы назвали бы в первую очередь?

— В первую очередь я назвал бы наши новостройки! Достаточно сказать, что капитальные вложения за годы истекшей пятилетки увеличились в 1,3 раза, причем 71 процент направлен в сферу материального производства!

Другая характерная примета времени — растущее стремление населения, особенно молодежи, к знаниям. Число учащихся в высших и средних специальных учебных заведениях, профтехучилищах и школах выросло за последнюю пятилетку на 32 процента. Сегодня на каждые 10 тысяч жителей страны приходится 2 511 учащихся!

Неторопливо помешивая остывший чай, он продолжил:

— Я привык иметь дело с цифрами. Но за ними я вижу людей, их судьбы. Говоря о приметах нашего времени, как не сказать о НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ, который по-новому хозяйничает на своей земле! Может быть, вы уже встречались с такими людьми?

— Конечно! Особенно нас поразила одна женщина. Ее юрта стоит в Гоби, самом сердце Центральной Азии. Вокруг на сотни километров — ни души. Попали мы в эту юрту, пьем чай, беседуем. На стене под стеклом — фотографии, как и у нас в селах. На одной хозяйка скачет на коне со знаменем,— оказывается, она открывала аймачный праздник «надом». На другом снимке советский посол вручает ей медаль к столетию со дня рождения Ленина. Вот она в группе участниц конференции женщин стран Азии и Африки. А ведь Дундана Аюурзана, ровесница революции, только в семнадцать лет выучилась грамоте! Прославленный чабан, Герой Труда, депутат Великого Народного хурала будет почетным гостем съезда.

— Ровесница революции — новый человек. Вот она, связь времен, логика истории,— раздумчиво произносит товарищ Цеденбал.

— Монголию сегодня называют гигантской интернациональной строительной площадкой социализма. Каким видится вам будущее страны с этой строительной площадки?

— Правильно называют. Перед нами задача — построить материально-техническую базу социализма. Мы решаем ее, опираясь на всестороннюю бескорыстную помощь великого Советского Союза и других братских стран. Сегодня хозяйственные и культурные объекты, которые создаются при помощи и техническом содействии СССР, можно найти во всех уголках нашей родины. Болгария, Венгрия, ГДР, Польша и Чехословакия также оказывают содействие в строительстве отдельных объектов, поставляют нам материалы, машины, оборудование, направляют специалистов.

РАТОВ

С этой интернациональной строительной площадки видится радостная картина ближайшего будущего нашей страны. Успешное осуществление шестой пятилетки и последующих планов, несомненно, приведет, во-первых, к дальнейшему неуклонному развитию производительных сил МНР, укреплению ее экономического потенциала и небывалому росту благосостояния трудящихся. А во-вторых, по мере нашего дальнейшего продвижения по пути социализма будет повышаться уровень экономического развития страны, а разница в уровне общественного производства между нашей республикой и другими братскими странами будет уменьшаться.

И я хотел бы подчеркнуть, что при этом совместный труд многочисленных представителей разных стран на наших стройках превращается в подлинную школу дружбы и братства, школу братской взаимопомощи и сближения народов. Гордость переполняет сердце, когда сравниваешь, с чего мы начинали, и то, что достигнуто сегодня.

Товарищ Цеденбал берет одну из давних фотографий, подзывает нас к окну.

— Вот здесь стоял когда-то наш первый театр. Его называли «Большая юрта». Построил его, кажется, венгерский архитектор. Был театр деревянный и однажды ночью сгорел. А здание было любопытным. Помню, там проводили мы съезды, слушали лекции.

— Сколько вам было лет, когда вы впервые увидели столицу? И какой она осталась в вашей памяти?

— Впервые?— оживленно переспрашивает он.— Было это сразу же после окончания начальной школы. Меня, 13-летнего сына пастуха, направили сюда на учебу. Поселили нас вот в этом маленьком белом домике.— Товарищ Цеденбал показывает его на фотографии.— Мы впервые увидели тогда электрическую лампочку. Никто не осмеливался подойти и включить ее. Потом все же кто-то решился, подошел и зажег. Для нас это было настоящее чудо. Не веря своим глазам, мы по очереди то включали, то гасили свет... Электричество в то время было только в столице. Впервые в жизни я увидел город. В основном там были деревянные дома да юрты, но он показался мне огромным.

— Вы говорите, что приехали в числе ребят, направленных на учебу. Разве в школу посылали не всех детей?

— Я в школу пришел не добровольно. В первые годы революции никто не хотел отдавать детей учиться. Нас тогда набирали на учебу, как рекрутов. Раньше школы боялись. Грамота передавалась от чиновника к чиновнику и к их детям. Я вырос в большой семье, где было 11 братьев и сестер. С пяти лет пас ягнят. Родители, глубоко религиозные люди, прочили меня в ламы. Бывало, хвалили — хорошо работаешь, значит, хороший лама из тебя выйдет. И потому с детства у меня была единственная мечта — стать ламой. Старший брат уже был в монастыре. Настала моя очередь, а тут как раз в начале 1925 года в нашем аймаке школу открыли и пришла разнарядка — столько-то ребят отправить на учебу, притом из многодетных семей. Приехали за мной, дома поднялся плач. Ламы внушали, что те, кто уедет в школы, погибнут. Мать рыдает, сестры и братья ревут, отец хмурый стоит, помалкивает. Потом отвел меня в сторонку и говорит: «Беги, сынок, из школы». В начале второго учебного года я совершил два побега...

Юмжагийн Цеденбал прервал свой рассказ, глянул лукаво и, улыбнувшись, закончил:

— Поймали! И тут директор нашей школы — он приехал в аймак из столицы — показал себя мудрым человеком, не то что старые учителя, которые сразу брались за палку. Директор, когда меня к нему привели, дал мне два куска сахара. А сахар по тем временам был большой ценностью! Чтобы сохранить это сокровище до каникул и отвезти родителям, я отправился к брату в монастырь и отдал ему сахар на сохранение.

— И что же, ламы оставили в покое вашу семью, которая так и не отдала им своего второго сына?

— Ну нет, из рук лам не так-то просто было вырваться! Все время, пока я учился, они требовали, чтобы родители взяли меня из школы. Я и сам еще не скоро порвал с религией. Помню, во втором классе нас приняли в пионеры и в пионерских галстуках повели на молитву в монастырь. Потом учение сделало свое дело: мы, наконец, разобрались, что такое луна, солнце, земля, и расстались с богом. Конечно, надо сказать, большую агитационную работу проводили тогда ревсомольцы. Вместе со взрослыми мы ходили на их лекции, слушали доклады. Сначала они расскажут о Советской стране, о том, что делается в мире, где восстания, где забастовки, а уж потом перейдут к Монголии и расскажут о феодалах «черных» и «желтых», о вреде религии. Все это открывало перед нами совсем иную незнакомую жизнь. Я полюбил школу и, окончив ее, домой не поехал. Боялся, что ламы уговорят родителей. Сила ламства была в поголовной религиозности населения. Люди умирали от болезней, но к врачам не шли, потому что запрещали ламы. Правительство давало аратам бесплатно лес — стройте загоны для скота. Арат шел к ламе, и тот говорил — дерево, мол, живое существо, имеет душу, и чтобы срубить дерево, надо переселить его душу в другое место, а это подвластно только богу. Ламаизм запрятал в монастыри весь цвет нации.

Революционному правительству надо было создавать армию для защиты страны, готовить грамотные кадры из таких ребятишек, какими были мы, когда нас привезли в Улан-Батор. Поступил я потом в аймачный комитет «полуписарем», то есть получал половину жалованья писаря. Вскоре услышал, что набирают молодежь для учебы в Советском Союзе, подал заявление и уехал в Иркутск. Сначала закончил подготовительные двухгодичные курсы, там нас научили русскому языку. Потом — занятия на экономическом рабфаке и, наконец, финансово-экономический институт. Закончил его — и на родину.

— Это была вторая встреча с Улан-Батором?

— Да, вторая. Но теперь я уже приехал не учиться, а преподавать студентам статистику, анализ баланса. Но недолго. Получил назначение сначала заместителем министра финансов, потом министром и одновременно председателем правления банка.

— Новая валютно-финансовая система создавалась при вашем участии?

— Она была создана раньше. Знаете, до 1925 года в стране вообще не было своей денежной единицы. И Сухэ-Батор и все остальные получали зарплату кусками серебра, плитками чая, баранами. В министерстве финансов взвешивали на весах кусочки серебра и раздавали их сотрудникам. Видите, какая отсталая была тогда наша страна!

Юмжагийн Цеденбал посмотрел на часы и поднялся из-за стола.

— Ну вот, увлеклись мы прошлым, а нас ожидает встреча с будущим, с нашей молодежью, ревсомольцами. Монголию не случайно называют страной молодых. Если прежде половину населения составляли ламы, то теперь большая половина жителей страны — молодежь до 25 лет. Причем она составляет абсолютное большинство всего работающего населения!

...Они стояли в центре зала, торжественные и чуть смущенные. Девушки в шелковых национальных платьях, схваченных у талии разноцветными поясами, мужчины в темных, хорошо сшитых костюмах. У всех на груди значки ударника пятой пятилетки.

— Если вы не возражаете, в нашей беседе примут участие корреспонденты советского журнала «Огонек», — предложил, обращаясь к ним, товарищ Цеденбал. — Здесь, я знаю, собрались те, кто отлично поработал в пятой пятилетке да и новую начал не хуже. Верно я говорю? Так давайте познакомимся поближе...

Его простота, естественность и задушевность вмиг сломали скованность, вызвали улыбки и оживление. Едва поспевая за беседой, записываю: «Мягмарсурэн — 23 года. Окончил среднюю школу, мастер на обувном предприятии. Торбат — печатник, после десятилетки работает на полиграфическом комбинате. Олзвой — врач-травматолог, 32 года. Работает в Центральной клинической больнице, читает лекции в институте. Норовсамбу родилась в юрте, в центральной части страны. Окончила университет, старший инженер в Международной геологической экспедиции. Идэш — главный агроном Амгаланского совхоза, выращивает помидоры и огурцы в теплицах».

— Да тут, я гляжу, в основном собрались уроженцы Архангайского аймака! Видно, сговорились все вместе встретиться? — шутливо спрашивает товарищ Цеденбал. — Что ж, повод для встречи подходящий. Вот Тумэнбаяр делает отличные ковры, которые вы охотно покупаете. За пятую пятилетку она выполнила целых две. А как идет новый пятилетний план?

— Я подсчитала свои резервы и думаю, что к открытию съезда партии выполню не только план этого года, но и еще забегу на три месяца 1977 года.

— Сколько же лет вы работаете на ковровом комбинате?

— Уже тринадцать!

— Тринадцать... Хорошо помню, с чего начиналось ваше предприятие. Это была кустарная артель, где работали вручную. Теперь-то все выглядит иначе, современно. А будет еще лучше — с помощью специалистов из ГДР мы планируем расширить комбинат.

Среди участников встречи два строителя — Герой Труда МНР, делегат XVII съезда, бригадир городского строительного треста Ишгэнху и молодой рабочий Дангасурэн.

— Не узнаете? — спросил меня по-русски Дангасурэн. — Вы были у нас на стройке. Я — из бригады Хэрлэна!

— Значит, «Огонек» уже побывал у нашего монгольского Злобина?— живо заинтересовался нашим разговором Первый секретарь ЦК. — Хэрлэн первым в республике начал строить дома по методу прославленного советского бригадира. Когда же это было? Да, пожалуй, уже больше трех лет назад. Мы на Политбюро обсуждали этот почин и поддержали его.

...Под открытым небом, на пятом этаже дома-новостройки по улице Мира стояли мы с ним рядом, красивым, молодым. У него тонкие, чуткие пальцы музыканта. Но он не музыкант — он строит дома. Сверху, с крыши были хорошо видны новые микрорайоны, уходящие к горизонту, очерченному мягкими волнистыми линиями гор. Все выше и выше подымает свои этажи Улан-Батор, и монгольский строитель, объясняя нам, как будет застроен город в ближайшие годы, рассказывал о той огромной помощи, которую оказывают советские строители. В Монголии сегодня работает три мощных треста из СССР.

Рассказывая, Хэрлэн следил за медленно плывущей в небе стрелой крана. Как и многие из его бригады, делегат XVII съезда МНРП, Герой Труда, депутат Великого Народного хурала, Сундуйн Хэрлэн учился строительному мастерству в лениногорском ПТУ № 7. Потому и называет он себя лениногорцем...

— Скажите, — спрашиваю я молодых людей, с которыми беседует Юмжагийн Цеденбал, — какая, по-вашему, профессия самая главная для Монголии?

— Строитель!

— А по-моему, врач!

— Нет, геолог...

— Агроном.

Юмжагийн Цеденбал слушает с доброй улыбкой.

— Каждый из вас по-своему прав, — мягко вступает он в спор. Все замолкают, вслушиваясь в его слова. — Кто полюбил свою профессию, вправе считать ее самой главной. Ну как, есть еще у «Огонька» вопросы к нашей молодежи?

— Есть! Некоторые из вас учились в Советском Союзе, другие выучили русский язык здесь, на родине. Несколько месяцев назад китайское агентство «Синьхуа» состряпало статью о Монголии. В ней рассказывалось о «массовом принудительном распространении русского языка монгольскими властями, которые отправляют в СССР на идеологическую обработку учащихся». Статья завершалась сообщением о том, что «в широких массах монгольской молодежи растет сопротивление». Что вы скажете по этому поводу?

Дружный смех. А когда он умолк, первым ответил самый старший из них — бригадир Ишгэнху.

— Я учился в Лениногорске строить дома. И продолжаю учиться здесь у советских строителей. Думаю так: если я стал хорошим специалистом и если получил эту высокую награду — звание Героя Труда, то честно скажу — я обязан этим русскому языку, который открыл мне путь к знаниям.

— Я тоже хочу сказать,— это говорит Торбат.— Я провел детство в глухих горах. Теперь работаю на полиграфическом комбинате. Каждый из нас может гимн сложить в честь русского языка. Это язык Ленина, язык наших самых верных друзей. Потому так дорог он нам, потому по всей стране развернулось движение — «Изучи самостоятельно русский язык». Он ключ к знаниям, к будущему.

...Потом все вместе шумной толпой мы вышли на площадь. Майские снежинки мягко падали на разбуженную весной землю, где стоит простой и величественный памятник всаднику, поднявшему ввысь стремительного коня.

Юмжагийн Цеденбал в задумчивости остановился у постамента.

— В сорок пятом году талантливый скульптор Чоймбол создал этот памятник Сухэ-Батору. На могиле вождя были высечены слова: «Следите, чтобы свобода, которой мы с вами добились, не попала бы обратно в руки зарубежных захватчиков и здешних феодалов. Для того, чтобы не потерять эту свободу, надо беспощадно бороться против врагов, углубляя революцию».

Простившись с молодежью, товарищ Цеденбал пригласил нас продолжить беседу. Мы вернулись в его рабочий кабинет.

— Вот вы сейчас напомнили о статье «Синьхуа». Поток подобной клеветы идет непрерывно, — негромко начал он, видимо, все еще во власти только что состоявшейся встречи. — Китайские лидеры не брезгают ничем, лишь бы оклеветать, подорвать нерушимую, испытанную годами совместной борьбы монголо-советскую дружбу и поколебать, особенно у молодежи, веру в бескорыстность и чистосердечность наших отношений. Наш народ хорошо понимает антисоциалистический характер этой пропаганды. Люди не слушают китайские радиостанции, которые несут всякую чепуху, вроде того, что монголы бедны и на семью у них всего одно платье, в котором ходят по очереди на улицу. Это вызывает смех. Куда серьезнее выглядят экономические диверсии. Два года назад на нашу сторону границы из Китая перегнали зараженных диких антилоп. А граница эта протяженностью 4700 километров.

Он помолчал, справляясь с волнением.

— Я как-то поинтересовался у пограничников, сколько же километров получается, когда они объезжают свои заставы, с учетом всех горных и труднопроходимых мест. Вышло около восьми тысяч километров, а это расстояние примерно отсюда до Парижа... Так вот, когда стадо зараженных антилоп оказалось на нашей территории, понадобилось установить карантин и использовать для этого помощь армии. Погибло 134 тысячи животных. Их нужно было уничтожить, сжечь. Земля, на которой лежали погибшие антилопы, тоже оказалась зараженной. Пришлось пустить в ход огнеметы. И ведь все это — машины, горючее, армия — стоило средств немалых, так необходимых народному хозяйству. И прежде всего Южно-Гобийскому аймаку, на территории которого развернулся диверсионный акт. Вы говорили, что побывали в Гоби? Где именно?

— Как раз в Южно-Гобийском аймаке.

— ...В первый вечер чуть не до полуночи засиделись мы с первым секретарем айкома делегатом XVII съезда МНРП Тувшингийном Хорхоем. Когда-то он начинал с того, что был... машинисткой в аймачном комитете. Теперь руководит областью, превышающей территорию трех, вместе взятых европейских стран — Австрии, Бельгии и Дании. Прошлое этих мест — аратские кочевые тропы, монастыри, болезни, нищета. И ни одной школы! По сей день в этих суровых местах — самая низкая по стране плотность населения. Здесь живут всего 30 тысяч человек. На них приходится миллион голов скота. В личном пользовании каждой семьи арата — 70 голов скота.

С самолета кажется, что белые пятнышки юрт животноводов затерялись среди песков и гор. А на земле? Все, что успели мы здесь увидеть, нельзя назвать жизнью в пустыне. Много усилий стоит добыть глоток воды. И много денег: один буровой колодец — более миллиона тугриков. За десять лет сооружено около четырех тысяч колодцев. Большинство пастбищ снабжено водой, и в каждом сомоне — небольшом степном поселке — есть водопровод. В Гоби создается система орошения. Здесь начали сеять овес и ячмень, выращивают овощи. А в последние годы найдены новые сокровища — огромные залежи коксующегося угля, месторождения молибдена и свинца. «Мы здесь миллионеры,— сказал нам секретарь айкома. — Эта земля очень богата. Тут даже динозавров много. Хоть отправляй их на экспорт!..»

— Динозавры на экспорт? — весело смеется товарищ Цеденбал. — Их и впрямь здесь много. И не только в Гоби. Знаю точно, что в Баян-Хонгорском аймаке найден 10-метровый скелет динозавра. Я с одним стариком говорил, который его обнаружил. Рассказывал — пасу верблюдов. Смотрю: торчит что-то из земли. Разглядывать стал, вроде бы не дерево. Ну, думаю, дракон упал. У нас ходит такая легенда: когда дракон летит по небу и машет хвостом, он посылает на землю гром и молнию. И отправился старик сообщить, где лежит упавший с неба дракон. Так нашли скелет ископаемого животного.

...Мы тоже видели место, где лежит такой «дракон». Свернув с дороги — хотя в этих степных местах Гоби у каждого шофера своя дорога — земля, как стол, ровная, наш «газик» резво помчался к песчаной горе, где уже несколько лет ведет исследования советско-монгольская палеонтологическая экспедиция. Сезон работ еще не начинался. Мы постояли в звенящей, прокаленной солнцем тишине и, захватив на память по нескольку камешков с «могилы динозавра», отправились в Булган-сомон, на опытную сельскохозяйственную станцию, где ученые создают новые породы овец и коз.

Рассказываю товарищу Цеденбалу о том, что мы увидели и узнали у этих «волшебников».

— Вот, вот, — кивает он, — именно волшебники! А знаете ли вы, что в нашей земле есть вся таблица Менделеева? Мы должны достать эти богатства и поделиться с теми, кто поможет это сделать! Большие, очень большие надежды возлагаем мы на работу Международной геологической экспедиции, созданной решением СЭВ по предложению нашего правительства.

...Незаметно пролетело время. Пора было прощаться.

На следующее утро товарищ Цеденбал пригласил нас к себе домой. Он и его жена встретили нас как давних знакомых. Прямо с порога хозяин дома повел в свой рабочий кабинет. Держался он очень просто, естественно, мы сразу почувствовали себя легко и свободно. От пола до потолка все стены в книжных полках. На письменном столе свежие номера советских газет, журналы. Книги по научной организации труда. А рядом — стопка исписанных страничек.

— Работаю над докладом. Люблю поразмышлять над цифрами и фактами. Это приносит большое удовлетворение.

От тех, кто работает с товарищем Цеденбалом, мы слышали о его поразительной работоспособности и о том, что для сна он редко оставляет больше четырех часов. Спрашиваю его, так ли это. Он отвечает смущенной улыбкой.

— Привычка. И... вам разве не кажется, что сутки маловаты? Я бы их с превеликим удовольствием растянул...

— Чтобы вдвое больше удавалось поработать?

■

«АН-24», словно автобусы, курсируют сегодня по воздушным дорогам Монголии.

Новое лицо Улан-Батора.

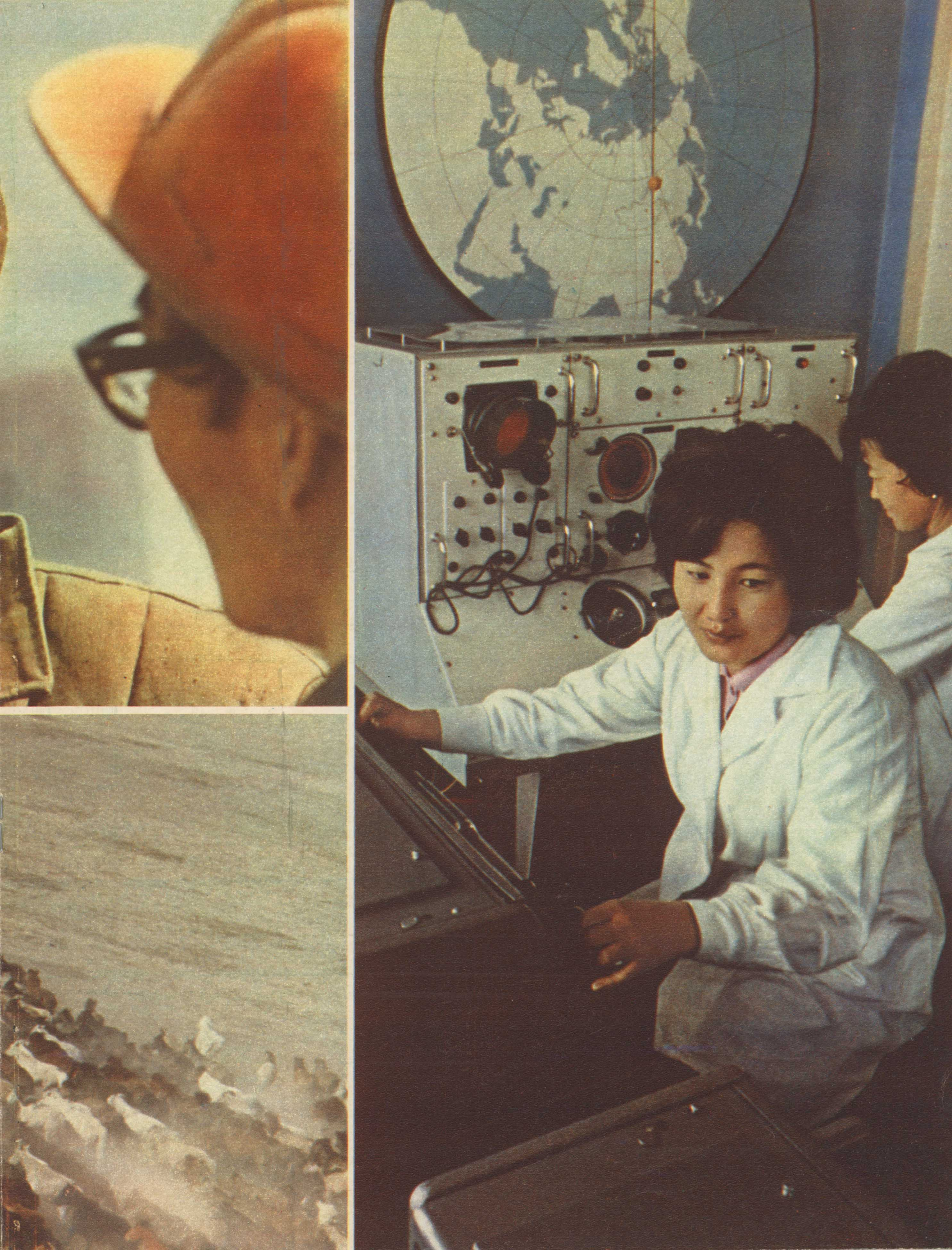
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Делегат XVII съезда МНРП, Герой Труда МНР, депутат Великого Народного хурала Сундуйн Хэрлэн.

Мчится табун по степям Центрального аймака.

Сигналы из космоса регистрирует техник Б. Чэрэндолгор.

MONGOLIA

Смеется:

— Правильно угадали!

— Ну, а если все-таки выпадает короткая передышка, что тогда приходит на смену книгам?

— Книги! И чаще всего рука тянется вот к этой, заветной полке.

Он подходит к шкафу, раскрывает его. На корешках книг — фамилии их авторов: Чуйков, Рокоссовский, Гречко, Василевский, Баграмян, Якубовский, Жуков...

— Здесь мемуары, подаренные известными советскими военачальниками. — Товарищ Цеденбал достает с полки книгу. — Это последнее, вышедшее посмертно издание воспоминаний маршала Жукова. С Георгием Константиновичем у меня была давняя большая дружба еще с халхин-гольских событий.

— Это была первая война в вашей жизни?

— Да, первая...

Сняв очки, он привычным жестом трет лицо ладонью, умолкает, уйдя в воспоминания.

— Тридцатые годы... Тревожная обстановка в мире. Международный империализм готовит нападение на СССР и нашу страну. Япония захватывает Маньчжурию, выходит на границы Монголии. В это тяжелое для нас время 12 марта 1936 года мы заключили с СССР Протокол о взаимной помощи. В Монголию был введен Первый корпус, в составе которого политруком был Леонид Ильич Брежнев. Когда враги спровоцировали вторжение в районе Халхин-Гола, нам на помощь пришли советские войска. Командующим был назначен Жуков. Блестяще была проведена эта первая совместная операция советской и монгольской армий. Советская страна прислала сюда самых лучших сынов. В небе Монголии сражались прославленные герои войны в Испании.

— Я видела фотографии. Товарищ Калинин вручает вам орден Кутузова I степени...

— Как Генерального секретаря в сорок первом году меня назначили по совместительству заместителем Главнокомандующего и начальником Политуправления Монгольской народной армии. В 1945-м участвовал в сражении против Японии. Командовал Забайкальским фронтом маршал Малиновский. Была создана советско-монгольская Конно-механизированная группа под общим командованием генерал-полковника И. А. Плиева. Он в середине 30-х годов работал в Монголии советником Объединенного военного училища МНР и театр военных действий знал отлично... — Воспоминания стерли с лица Юмжагийна Цеденбала усталость, вернули блеск живым, выразительным глазам. Нет, все, что прожито было в те дни, не ушло, осталось навсегда в памяти и сердце. — Когда слышу песню «Идет война народная, священная война», чувствую, горло перехватывает,— говорит он.

А потом разговор снова вернулся к тем грандиозным задачам, которые предстоит решать монгольскому народу. Увлеченно, вдохновенно рисовал товарищ Цеденбал картину будущего Монголии:

— Я считаю своими учителями советских людей. Я учился у них всегда и продолжаю учиться, потому что советский опыт имеет мировое значение для строительства социализма на земле. Пользуясь случаем, желаю советским людям, читателям «Огонька», больших успехов в реализации программы строительства коммунистического общества, которую наметил XXV съезд КПСС. Осуществление ее будет иметь большое значение для других социалистических стран, в том числе Монголии, и для укрепления мира на земле.

— А теперь я хотела бы спросить вас, товарищ Цеденбал, вот о чем. Вы были преподавателем, возглавляли работу министерства и банка, командовали в дни войны, но большую часть своей жизни отдали партийной работе. Если бы вам предстояло начать сначала, что бы вы выбрали?

— Нелегкий вопрос, — с расстановкой произнес товарищ Цеденбал. — Вы правильно заметили мой интерес к военному делу. Это у меня осталось, по-видимому, на всю жизнь... Но партийная работа дает мне самое большое удовлетворение. Почему? Она дает возможность постоянно быть в курсе всего нового, встречаться с людьми и решать самые сложные проблемы. И я знаю твердо — все они будут решены.

...Уже на пороге, когда мы прощались, Юмжагийн Цеденбал с улыбкой спросил:

— Ну как, «Огонек», съемка с самолета получилась? Учтите, я журнал получаю регулярно!

Улан-Батор — Москва.

■

Южно-Гобийский аймак. Выступает фольклорный ансамбль.

Институт метеорологии и гидрологии. Здесь ведутся научные работы по линии «Интеркосмоса».

Разве можно представить монгольский цирк без верблюда!

Скачки и национальная борьба всегда популярны.

Прославленный чабан, Герой Труда МНР, депутат Великого Народного хурала Дундана Аюурзана с внуками.

Первый в стране Дворец для новобрачных.

ИЗ ЛАБОРАТОРИИ— В ЦЕХ

ДОНЕЦК

Еще одна профессия воды

Многому научил человек обыкновенную воду: вырабатывать электроэнергию, пробивать туннели, возводить насыпи дорог... И вот теперь появилась у нее еще одна специальность — лифтера, точнее, угольного грузчика.

Впервые в мире вода выдала уголь на-гора на шахте «Красноармейская № 2» в Донбассе. А разработана новая установка, так называемый эрлифт, в Донецком политехническом институте под руководством доктора технических наук, лауреата Государственной премии СССР В. Г. Гейера.

Эрлифтный подъемник избавляет шахту от транспортеров, от вагонеток, а главное, позволяет избежать ручного труда при доставке угля из забоя на поверхность, автоматизирует этот трудоемкий процесс.

Принцип эрлифта довольно прост. Отбитый в забое уголь смывается струей воды в приемный колодец, глубина которого несколько десятков метров. В колодец с поверхности опущена труба-пульповод. Если теперь в эту трубу подать воздух, то в ней создастся разрежение, и смесь воды с углем из колодца будет самотеком подниматься на поверхность. Здесь уголь поступает на обогатительную фабрику, а отделенная от него вода — снова в шахту.

Читателю может показаться странным, что мы говорим об установке, в которой груз переносится по трубам с помощью воды, как о новинке. Ведь уже сегодня у нас в стране ежегодно вода перегоняет по трубопроводам более двух миллиардов тонн различных руд, золы, отходов производства. Но дело в том, что в обычных водотранспортных системах смесь воды и груза перемещают центробежные насосы, лопатки которых от постоянного трения с частицами грузов очень скоро выходят из строя.

Эрлифт — принципиально новое транспортное средство. Оно не требует ни дорогостоящих насосов, ни огромных подземных залов для их установки. Компрессоры, подающие воздух в эрлифт, находятся на поверхности, они надежны и управляются автоматически.

500 тысяч рублей — таков годовой экономический эффект от эксплуатации эрлифта лишь на одной шахте «Красноармейская № 2».

С. МИХАЙЛОВ

КЕМЕРОВО

Хлебу в помощь

Среди поля спелой пшеницы или ячменя вы, наверное, не однажды видели огромные «окна» полегшего хлеба. Хрупкий соломенный стебелек не всегда способен удержать налитый соками колос. Вот и тянет его к земле избыток влаги.

При современных механизированных способах уборки полегание хлебов стало острейшей проблемой земледелия. Дело в том, что наклонившиеся стебли не попадают под нож комбайна и остаются на поле. Потери хлеба при этом достигают иногда трети, а то и половины всего урожая!

Что же делать? Как добиться того, чтобы соломина стебля стала короче и прочнее, а сам колос при этом оставался таким же полновесным? И вот советскими учеными получен чудодейственный препарат хлорхолинхлорид, названный туром, который позволяет решить эту проблему. Сегодня тур производится на Кемеровском азотно-туковом заводе.

Стоит с самолета опрыскать зерновые водным раствором тура, и они словно преображаются: ростом становятся меньше, а питательных веществ, необходимых для формирования зерна, в них образуется больше. Корневая система развивается при этом намного сильнее, а значит, повышается приток минеральных веществ из почвы к колосу. И к тому же более мощная корневая система тоже препятствует полеганию хлеба.

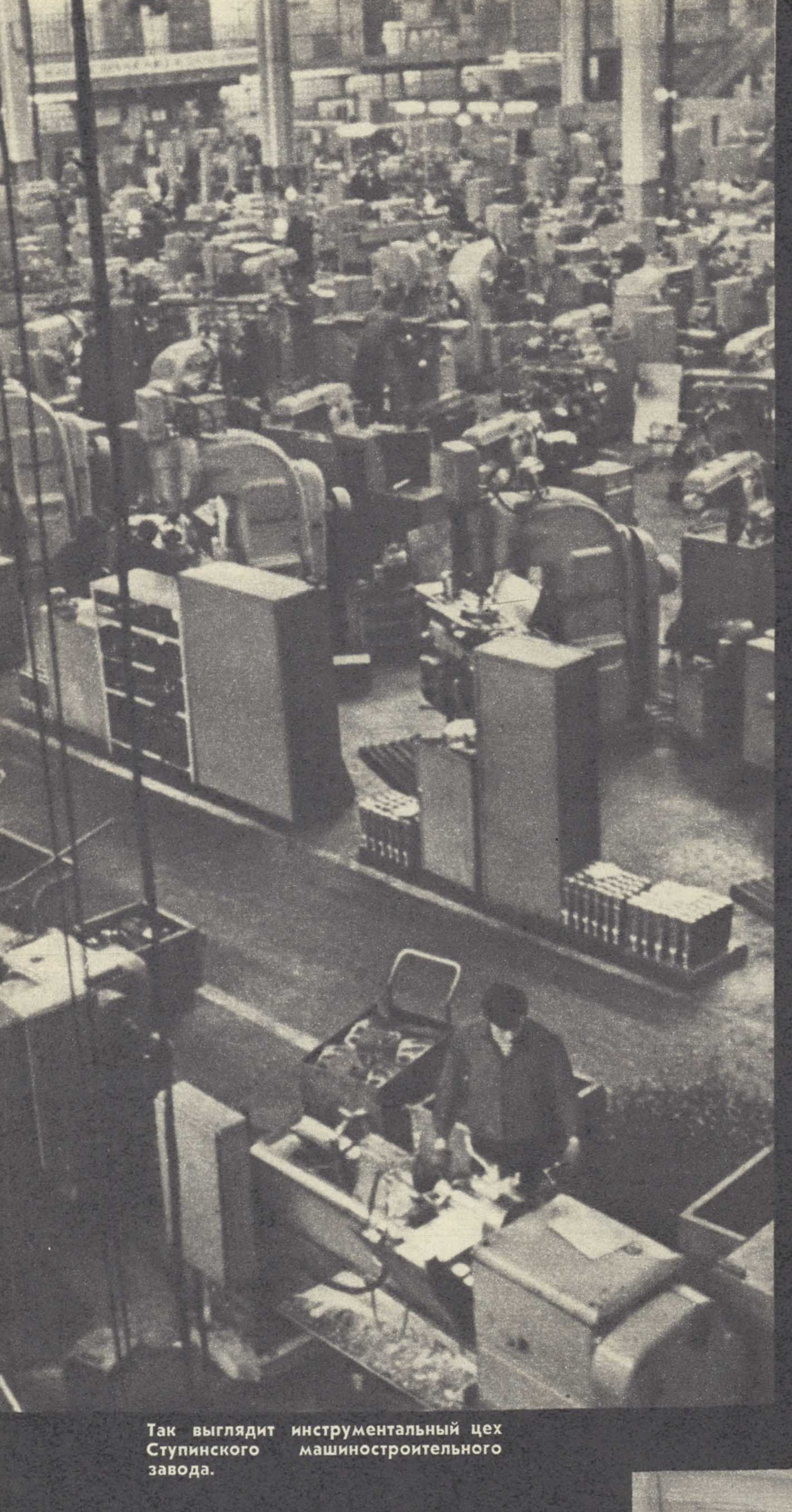
Но не только зерновым придет на помощь новый препарат. Если им обработать клубнику, то можно избавить ее от длинных побегов — «усов», на рост которых растение тратит много сил. Тогда не придется их долго и утомительно обрезать.

При обработке туром яблонь, груш и других плодовых деревьев они становятся компактнее, пышнее. А количество их плодов увеличивается. То же самое происходит и с виноградом.

Особенно поразительно влияние препарата на ранние урожаи помидоров: они возрастают вдвое, а то и втрое.

И еще одним замечательным свойством обладает тур: обработанные им растения увеличивают способность накапливать аскорбиновую кислоту, витамин С, который повышает их устойчивость к холоду.

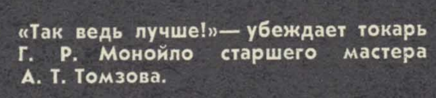
С. ВАСИН

Прямо на рабочем месте собираются члены цехового партбюро, когда надо решать вопросы повышения качества продукции.

Так выглядит инструментальный цех Ступинского машиностроительного завода.

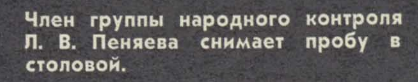

«Так ведь лучше!» — убеждает токарь Г. Р. Монойло старшего мастера А. Т. Томзова.

У В. Г. Разова новоселье: квартира в новом заводском доме.

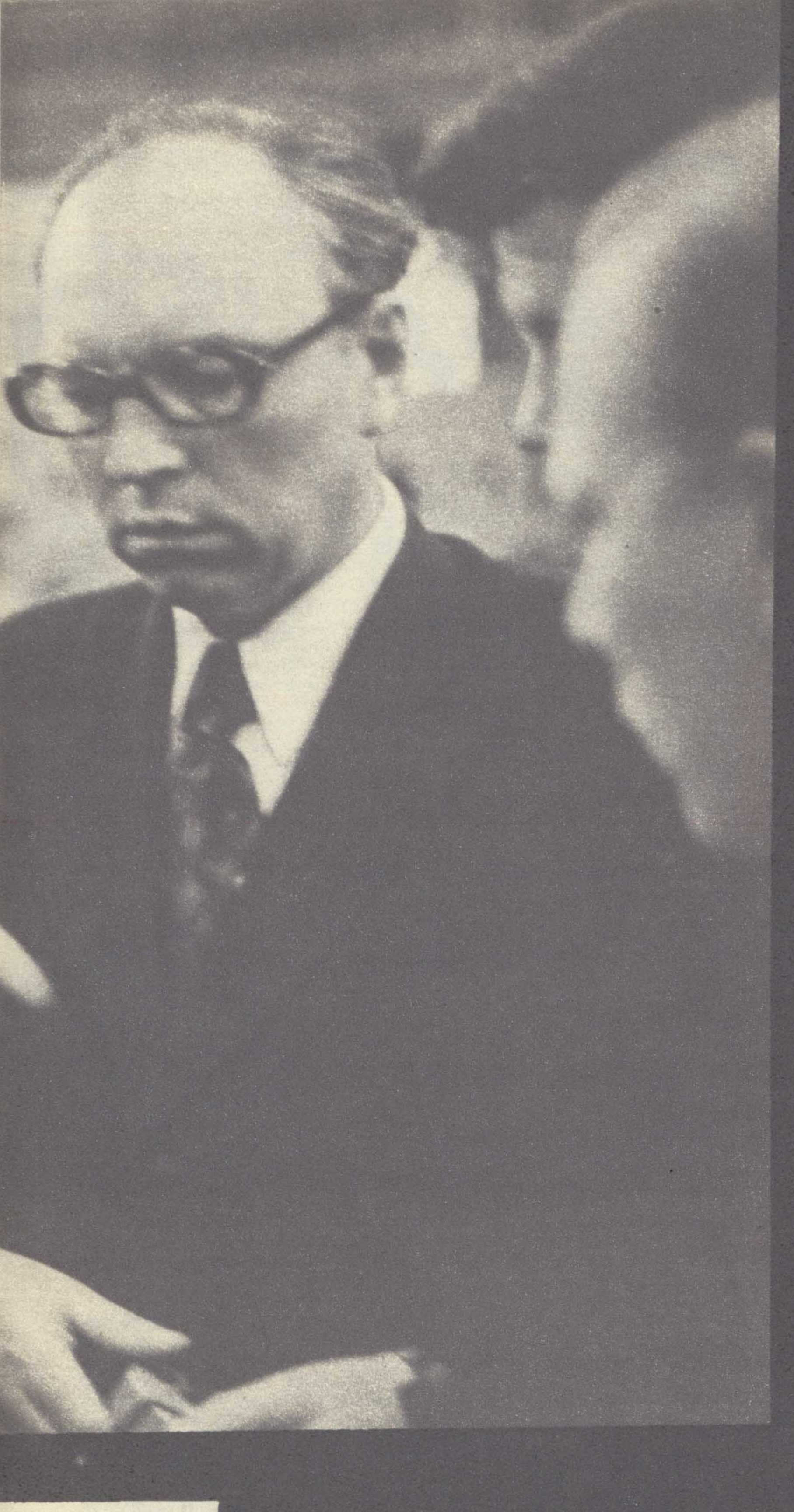

Член группы народного контроля Л. В. Пеняева снимает пробу в столовой.

На маршрутах пятилетки

НАЙТИ СВОЕ МЕСТО

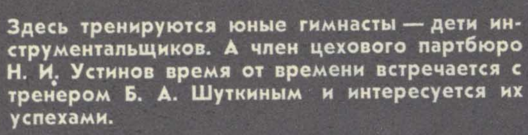
Б. СОПЕЛЬНЯК, фото Э. ЭТТИНГЕРА, специальные корреспонденты «Огонька»

Был такой случай. На Ступинский машиностроительный завод приехала комиссия. Представители министерства должны были выяснить, почему на ступинскую продукцию стали поступать рекламации. Одни члены комиссии засели за бумаги, другие пошли в конструкторское бюро, а председатель, не один десяток лет проработавший у станка, сказал: «Покажите мне инструментальный цех, и я скажу, какой у вас завод!» Самое удивительное, что в этой, теперь уже крылатой фразе нет и доли шутки. Ведь инструментальный цех — это сложнейшие пресс-формы, точнейшие штампы, винты для станков, сверла, метчики, развертки и, наконец, измерительный инструмент, который необходим во всех цехах завода. Представьте на минутку, что при изготовлении измерительного инструмента допущена ошибка — это значит, что вся продукция завода пойдет в брак.

— Что греха таить, неполадки у нас были, — вспоминает начальник инструментального цеха А. М. Быков.— Но, как оказалось, дело не столько в том, как и где стоят станки, в каком режиме они работают, сколько в общей культуре производства и, я бы сказал, моральном духе рабочих... В цехе четыреста человек. Работаем в две смены. А выпускаем свыше четырех тысяч наименований инструмента и различных приспособлений. Причем все это — мелкими партиями, а то и вовсе в одном экземпляре. Так что работа у нас творческая, требующая максимального внимания и полной отдачи каждый день и каждый час. Об уровне мастерства я вообще не говорю: с низкой или средней квалификацией здесь делать нечего. Но вот ведь беда: понимать-то это понимали все — и мастера и бригадиры, а вот организовать соревнование так, чтобы не было ни одного отстающего рядом, вот этого долго не могли добиться. Найти правильный путь помогла цеховая партийная организация.

— Начали мы с того, что малость испортили отношения с администрацией, — рассказывает секретарь цеховой парторганизации В. С. Зиновьев. — Рассуждали примерно так: человек только тогда станет работать творчески и с полной отдачей, если будет заниматься любимым делом. И вот выяснилось, что некоторые токари мечтают стать фрезеровщиками, шлифовщики — слесарями и так далее. Партийное бюро предложило администрации рассмотреть и учесть пожелания рабочих. Тут-то и возник конфликт. «А кто будет выполнять план?» — спросили у нас. «Осваивать новые профессии люди могут и в нерабочее время», — ответили мы. «Но ведь пока они в новом деле достигнут нужного уровня, цех будет давать брак!» «Брака не будет. За это мы ручаемся!» — заявили члены партбюро.

Трудно представить, что бы мы делали без старых, опытных рабочих, таких, как В. Г. Разов,

Здесь тренируются юные гимнасты — дети инструментальщиков. А член цехового партбюро Н. И. Устинов время от времени встречается с тренером Б. А. Шуткиным и интересуется их успехами.

Лучший контролер завода Нина Феоктистова.

В. В. Лонский, П. Т. Милованов. Все они — наставники в высшем смысле этого слова, ибо помогали молодым не только освоить новые профессии, но и твердо стать на ноги, найти свое место в жизни. Результат этой «операции» превзошел все ожидания — на новых местах все начали работать куда лучше. В ходе социалистического соревнования передовой помогал отстающему. Главное же, труд стал радостью. Никто не поглядывает на часы и не ждет конца смены.

А потом мы распространили среди рабочих опросный лист, в котором просили ответить на такие вопросы: как улучшить ритмичность изготовления деталей в течение месяца? Что мешает увеличению производительности труда на твоем участке? Доволен ли ты организацией труда? Имеются ли не зависящие от тебя причины, мешающие выпускать детали в полном соответствии с требованиями чертежей и технологии?..

Никогда еще в цехе не было такой активности! Все, абсолютно все рабочие заполнили опросные листы. А сколько было по-настоящему дельных предложений! На это мы и рассчитывали. Ведь далеко не каждый может выступить на собрании: один робеет говорить на людях, другой не хочет портить отношения с руководством. А тут — говори все, что считаешь нужным... Одно очень важное предложение мы тут же реализовали. Раньше выдвижение кандидатов на цеховую и заводскую Доску почета происходило «келейно», а теперь прилюдно. Всем известно, что порой мы предлагаем того или иного человека, учитывая его производственные показатели и общественную активность. А какой он в семье, какой товарищ?.. Это ведь тоже немаловажно. Были случаи, когда наши кандидатуры на Доску почета отвергались во время коллективного обсуждения.

Другое предложение. Рабочие требовали, чтобы регулярнее и острее стала цеховая стенгазета «Инструментальщик». Избрали новую редколлегию, ввели в нее ребят смелых, задиристых, и теперь наша стенгазета стала по-настоящему «зубастой».

Свои требования выдвинули комсомольцы. Они настаивали на том, чтобы им дали больше самостоятельности и разрешили организовать комсомольско-молодежную бригаду. Мы пошли им навстречу. Ребята сами выбрали бригадира, звеньевых, сами распределили станки, сами заработали деньги на спецовку, сами следят за порядком — и, что вы думаете, сейчас эта бригада одна из лучших в цехе, и выполняет она самые ответственные задания.

Есть один довольно любопытный показатель, по которому судят, как в цехе или на заводе работают с молодежью: сколько человек из призванных в армию возвращаются назад. Так вот, в прошлом году из тридцати парней двадцать пять вернулись в цех. Кстати, на днях одного из них, токаря Сашу Быкова, мы приняли кандидатом в члены КПСС. А всего у нас шестьдесят пять коммунистов и свыше ста комсомольцев. Это большая сила. Сейчас практически на каждом участке и в каждой бригаде есть коммунисты или комсомольцы. На них мы и опираемся в повседневной воспитательной работе...

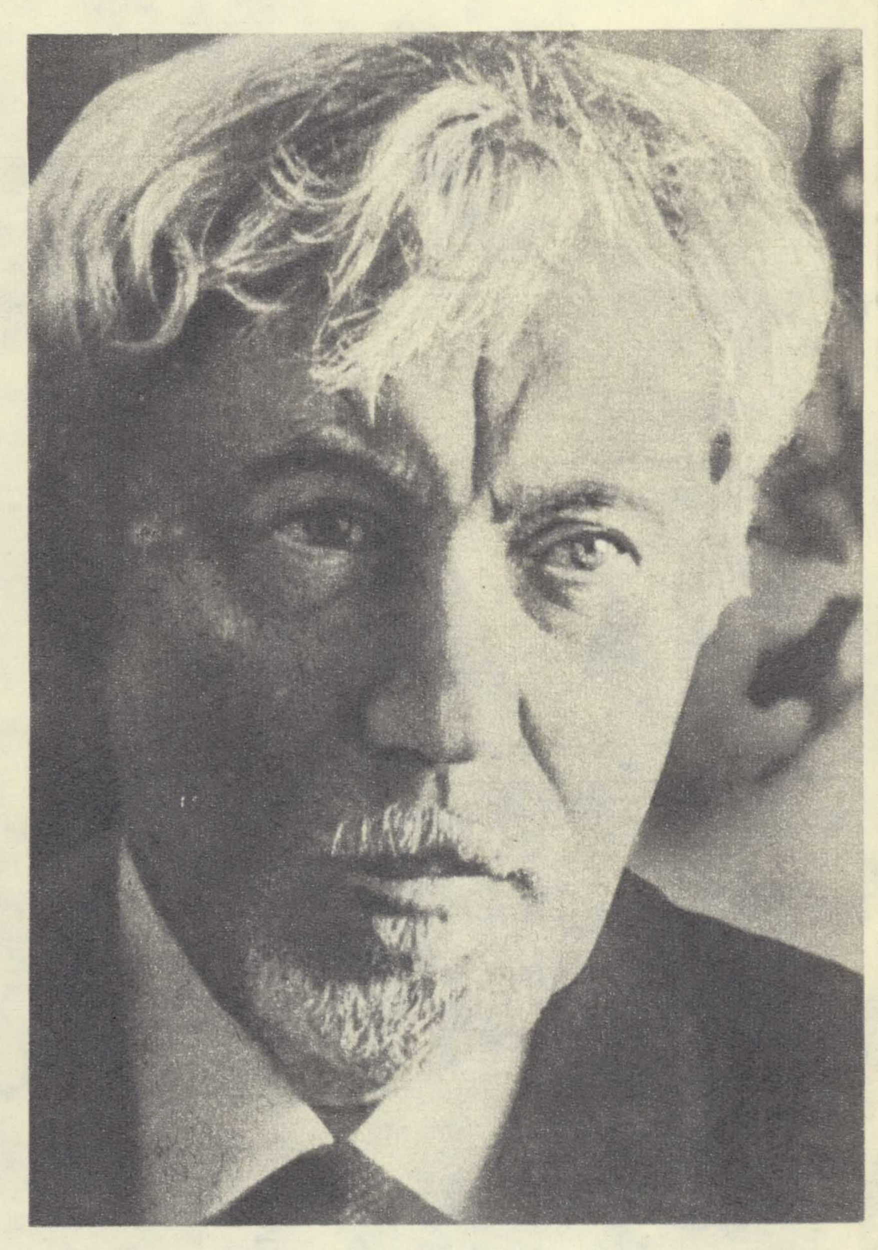
Зиновьев извинился и закончил свой рассказ: он мастер одного из участков, и его ждали производственные дела. А мы ходили по цеху, беседовали с рабочими — молодыми и пожилыми, любовались делом их рук, и вот что больше всего запомнилось: гордость и достоинство, с которым они выполняют свою работу. Вот В. Г. Разов, о котором упоминал секретарь цеховой парторганизации. Семнадцатилетним парнишкой добровольно ушел на фронт. Первый бой принял на берегах Северского Донца. Там же стал лучшим пулеметчиком роты. А потом освобождал Украину, штурмовал Варшаву, брал Берлин. Во время жестоких боев на улицах фашистской столицы молодой пулеметчик стал коммунистом. В день Победного залпа получил партбилет.

После демобилизации Владимир Разов довольно долго работал полиграфистом, а на Ступинский машиностроительный пришел уже в тридцать лет. Старая профессия здесь не годилась, так что пришлось начинать с нуля: бывший фронтовик стал учеником шлифовщика. Специальность сложная — нужен острый глаз, чуткие руки и, я бы сказал, сверхсобая аккуратность. Ведь шлифовка — завершающая операция, чуть недогляд — и работа всего цеха пойдет насмарку. О том, как работает В. Г. Разов, можно судить хотя бы по тому, что год назад он был награжден орденом «Знак Почета». Есть у него и другие награды, но медаль «За боевые заслуги», полученная в самом конце войны, и орден «Знак Почета», врученный ему за доблестный труд тридцать лет спустя, самые памятные, самые дорогие!

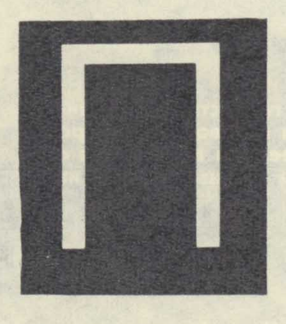
На соседнем участке работает кавалер ордена Ленина В. В. Лонский. Он тоже шлифовщик, тоже фронтовик — всю войну шоферил, мотался по дорогам и бездорожью, возил хлеб и боеприпасы, таскал на прицепе пушки и вывозил из-под обстрела раненых... На завод вернулся в сорок седьмом и снова — к своему станку: Володя Лонский успел поработать здесь еще до войны. Не сразу, далеко не сразу дело пошло на лад, зато теперь Владимира Васильевича уважительно называют профессором. Когда появляется работа, к которой не знают, как и подступиться, Владимир Васильевич сам придумывает приспособления, разрабатывает технологию и выполняет заказ без сучка и задоринки.

А сколько у него учеников, сколько молодых рабочих стали коммунистами по его рекомендации! И как достается от него лодырям и бракоделам: В. В. Лонский член цехового партбюро и председатель группы народного контроля. Это он добился, чтобы в цехе ввели так называемый операционный контроль. Раньше как было: сдается готовое изделие контролеру, а он обнаруживает брак. Поди-ка определи, кто виноват — токарь, слесарь или шлифовщик. Теперь все по-другому: сделал токарь свою работу — предъяви контролеру. Если тот принял, за дело берется слесарь и так далее. Браку поставили столь мощный заслон, что отныне его просто быть не может.

Да, прав был председатель комиссии, приступив к проверке заводских дел с инструментального цеха: именно здесь начинается борьба за качество. А продолжается она всем заводом...

Юозас Мильтинис

В. ЧИКИН

После утреннего разговора с Юозасом Мильтинисом, взрастившим сценическую музу Паневежиса, я услышал заинтересованный вопрос вильнюсских друзей: «Открылся Юозас?» Да, точно! Осталось именно такое ощущение, будто тебе доверительно приоткрыли дверь в лабораторию художника и ты наблюдал его творящую мысль.

Хотя беседа и протекала в рабочем кабинете режиссера, представлялся полутемный зал партера, куда утро за утром приходит этот седой мудрец с мужественным, спокойным лицом фракийского полководца, садится за командный пульт и начинает негромко размышлять, то обращаясь к высветленной затихшей сцене, то к самому себе. Он ведет урок Театра. Преподает урок своей жизни.

...Поиск современного голоса непрост для театра. Дело ведь не в скрупулезном фотографировании дня, не во внешних его приметах. Кто откажет Шекспиру, например, в актуальности открытых им человеческих истин? Нам ближе всего тот художник, который исчерпывающе отвечает на жгучие вопросы времени, наиболее деятельно по-

БЕЗ МОДЫ

могает нам в духовном совершенстве. Не прихоть случая, а глубинные причины, обусловливающие гармоническое формирование личности, соединили в паневежисском репертуаре шекспировского «Макбета» и ибсеновскую «Гедду Габлер», чеховского «Иванова» и арбузовскую «Таню».

Говорят, современной драматургию делает сценическое новаторство. Это верно лишь в том смысле, что театр находит все новые творческие средства для все более углубленного раскрытия интеллектуальных ценностей драматургии, а не «редактирует» ее «современной режиссурой». Наиболее плодотворными в этом отношении остаются тенденции русского театрального искусства. Их основоположники, и прежде всего великий Станиславский, создали вдохновляющие традиции для театралов всего мира.

Юозас Мильтинис, ученик Шарля Дюллена, считает себя в то же время и учеником Станиславского. Как Чехов, любимейший из драматургов, заложил в нем внутреннюю профессиональную культуру, так и Станиславский определил и принцип и почерк паневежисской студии: форму в игре как жизненность, индивидуализированную талантом, логически обоснованную в условиях данной ситуации. Четыре десятилетия учебы и работы, работы и учебы лежат между тем днем, когда Мильтинис постигал систему (теперь уже ставшую классикой) в парижской театральной школе знаменитого Шарля Дюллена, и тем днем, когда он привел свою паневежисскую труппу в обитель Станиславского, в МХАТ, для творческого отчета,— можно сказать, что это был отчет перед самим Учителем за самое главное, что сделано в жизни.

Традиции или новаторство — тут нет обязательной альтернативы. Поверхностное следование традиции, как и «бегство от наскучившей рутины» к «новаторству формы», быстро утрачивает творческую ценность. Если в одном случае мы постоянные пленники привычных стереотипов, то в другом — в поисках формы — неизбежно становимся жертвой новых условностей, новых стереотипов и новых штампов. Это выявляется всякий раз, когда происходит отклонение от жизненности, от реальной основы человеческой деятельности. Новое должно исходить из вечного источника человеческой реальности. Он, Юозас Мильтинис, сторонник классической культуры. Первозданная философия древних греков доставляет ему такое же наслаждение, как и психологизм Чехова. Художнику, считает он, не следует бояться зависимости от общей истории культуры, от традиции; художник должен впитывать их и превосходить. Лишь в диалектической борьбе с тем, что уже создано, обретаются все ценные новшества.

— Назвать любимый московский театр? Конечно, старый МХАТ. Все спектакли, увиденные там, можно считать университетским курсом. Нравились работы Николая Охлопкова, «Современник» Ефремова... Любимов и Эфрос? Не всегда захватывает их творчество. Почитателя интеллектуального театра волнует мысль, глубокий психологизм. А внешние приемы не так много значат...

Как обучать актерскому мастерству? Если доверять паневежисскому опыту, предпочтительнее всего «собственная инкубация». Отбирать талантливую молодежь из самодеятельных коллективов для студийных занятий. Три года студии, два года — кандидатская стажировка. И еще два года — акклиматизация в ансамбле. Семь лет? Не много ли? Нет, как правило, срок необходимый; нужно ведь еще учитывать национальный темперамент: мы, литовцы, народ холодный, нужно немало времени, чтобы разжечь искру таланта. С другими работать, пожалуй, легче. Русские, например, более предрасположены к сценическому самораскрытию...

Разумеется, семилетняя «инкубация» тоже не создает еще «готового» актера, но развивает артистическую технику, дает необходимые профессиональные навыки, театральную культуру. Обучиться искусству, «выйти» из студии готовым актером вообще невозможно, если игра — творчество, а не «исполнение». Если игра — сценическое сотворение человека живым человеком.

Для настоящего артиста обучение, шлифовка таланта не прекращаются никогда. Ибо в творчестве вечно существует проблема духовного ресурса, богатств личности: они непрестанно пополняются путем активного саморазвития и черпаются из источников самой жизни. Артист всегда должен быть всесторонне информирован: его представление о современнике, о нынешнем дне не должно быть эмпирическим, случайным. Оно основывается на глубоком аналитическом знании жизни. На человековедении.

Если артист не обладает даром постижения жизни или пренебрегает этим, если он загипнотизирован своим талантом, уповает на вдохновение и полагается на «артистические средства»,— его сценическая «самоотдача» быстро исчерпывает творческий ресурс. Актер перестает быть интересен зрителю и в интеллектуальном и в эстетическом плане. В паневежисской труппе уважают закон: «Уступим место талантливому».

Только взыскательный к себе артист, обновляющий без устали запас жизненных представлений и личной культуры, может талантливо импровизировать на сцене мир автора, самостоятельно и точно моделируя образ, созданный драматургом... Возникло неожиданное сравнение: в творческом поиске актер, подобно водолазу, устремляется в глубины океана мыслей автора, чтобы обнаружить и добыть новые клады человеческих ценностей. Естественно, искателю должно хватить дыхания и смелости, зоркости и щедрости... Особенно щедрости. Для настоящего артиста превыше всего служение Зрителю. И, наверное, опаснее всего сладостные тенета популярности, опутывающие иной талант до того, что он становится неподвижным. Не покажется излишним аскетизмом или каким-то чудачеством, что в Паневежисе особенно оберегают артиста от пресловутого «премьерства», не навязывают зрителю портретных впечатлений в фойе, освобождают от «цветочных» подношений и прочих манифестаций. Постановщик не собирает аплодисменты после занавеса. Все должно быть отдано сцене, все раскрыто в акте творчества.

И тем не менее артисты Паневежиса очень популярны... Что ж, это хорошо. Если публика платит таланту признанием за усердие, это вдохновляет на огромную работу. Настоящий художник, а не рантье от искусства никогда не станет жить на проценты с тиражирования былой славы. Он будет работать неустанно.

Существует ли для актера альтернатива: усердный труд и легкая слава? О, конечно! Бурная жизнь, большая слава вырывают наших коллег из рабочего ритма и провинциального уюта. Что испытываешь, когда актеры, даже на время, уходят на экран? Трудно об этом говорить до конца откровенно: ясно, что начинается драма — уже не на сцене, а в душе артиста. Нравственные переживания, смена условий и творческого климата, необходимое преодоление уже достигнутого — все это безвозвратно отнимает силы, которые следует реализовать в творчестве. Сколько раз убеждался: немыслимо трудно ставить сложные вещи с актерами, уже растратившими себя... Жаль, что кино не имеет своих актеров! Иногда урон, который кинематограф приносит театру, оказывается непоправимым. Но люди уходят. И сильные и не рассчитавшие сил. Не все выдерживают... Конечно, паневежисская труппа чувствует себя зрелым коллективом и почти безболезненно восполняет силы. А что в будущем?.. Приходилось ли задумываться о наследниках, о тех, кому дирижировать паневежисской сценой?.. О будущем можно говорить с большим оптимизмом: от сезона к сезону коллектив становится творчески мудрее и богаче. А с «выбором преемника» рисковать не хочется. Вдруг окажется слабее; люди могут сказать тогда: «Юозас сам работал ничего, наследника же выбрал такого, чтобы он его не затмил...» Или что-нибудь еще хуже скажут! Никогда ведь не удавалось подготовить идеального наследника в творческом деле. Тем более в театре. Труппа существует в определенном ансамбле, у него есть свои естественные пределы. Бывает так, что театр тоже сходит со сцены... Тот, кто приходит после, должен совершить переворот. Пунктуальный продолжатель ничего не достигнет; он должен быть собой, а не другим Мильтинисом. Пусть ему захочется иметь свой театр, и пусть он добьется этого так же, как обреталась паневежисская студия: путем долгих исканий и борьбы. Даже с собой.

Конечно, новый театр должен строиться на прочной основе достигнутого: важно ничего не растерять, только еще больше обрести. Правда, пока никто не «угрожает» такой революционной инициативой, но наверняка этот человек в коллективе есть. И он явится. Жизнь — большая река, и в ней всегда будет рыба...

— Спасибо за урок! — так хочется сказать мудрецу из Паневежиса, большому артисту и откровенному человеку Юозасу Мильтинису, чьи мысли и слова сложились в этот своеобразный монолог.

Анатолий ИВАНОВ

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

...Солнце уже давно оторвалось от горизонта, полезло вверх, тяжко качалось, как большой красный поплавок среди дымных волн, хлеставших по земле и по небу. Немецкая пехота и танки, оправившись от упредительного удара нашей артиллерии, двинулись в наступление сразу по всему Центральному фронту, на многокилометровом пространстве развернулось ожесточенное сражение. Двух месяцев почти мертвого затишья как не бывало.

Все эти долгие два месяца обе стороны наращивали силы — немцы для решающего наступления, советские войска — для неприступной обороны, а потом для сокрушительного контрудара. Теперь эти силы были приведены в действие. С той и другой стороны беспрерывно колотили пушки, из клубов дыма с ревом вырывались немецкие самолеты, засыпали бомбами наши окопы, утюжили их на бреющем полете, поливая пулеметным огнем. По всем дорогам двигались колонны гитлеровских танков, разворачивались на открытых пространствах, шли рыча на наши позиции, стараясь прорваться в тыл. За танками двигались бронетранспортеры с пехотой. Эту стальную лавину, казалось, невозможно было остановить. Прорвавшись сквозь заградительный огонь тяжелой артиллерии, фашистские танки во многих местах подошли вплотную почти к нашим окопам, где по ним прямой наводкой били из противотанковых пушек и ружей. Многие вражеские машины загорались, остальные шли и шли упрямо вперед сквозь грохот, вой и дым, за ними бежала спешившаяся пехота. Кое-где немцы вклинились уже в расположение наших войск...

Всего этого в подробностях танковый экипаж старшего лейтенанта Дедюхина, конечно, не знал, хотя каждый понимал, что началось всеобщее остервенелое наступление немцев и что тут, под этим невысоким холмом, может, и будет, как сказал вчера Дедюхин, их последняя песня. Ни сам Дедюхин, ни Алифанов, ни Вахромеев, ни Иван и Семен Савельевы не знали, что только на том крохотном участке фронта, который оборонял в составе других подразделений и их гвардейский танковый полк, двинулись в наступление три немецкие пехотные дивизии при поддержке почти пятисот танков, что проселочная дорога Подолянь — Фатеж была помечена на немецких картах как особенно важная, ибо по ней можно перебросить любые воинские соединения в тыл частям Красной Армии, обороняющим крупный опорный пункт — село Ольховатку, и что тот участок дороги, на котором Дедюхину было приказано любой ценой задержать танки противника, на немецких картах помечен, как особенно опасный, потому что пролегал по тонкой лощине, а с одной стороны было даже небольшое озерко. В случае чего танкам в сторону не съехать и не развернуться, если не настелить гать.

Но вот это-то последнее обстоятельство очень хорошо знал со слов командира роты Дедюхин, а вчера и сам обследовал правую обочину дороги — топкая полоса метров в семьдесят шириной действительно тянулась вдоль дороги. Потому-то и, довольный, произнес вчера после ужина эти слова, не совсем понятные экипажу: «Ну что ж, давай дядя Ганс... настелить гать — не в дуду сыграть. Мы те сами заиграем, а ты попляшешь». И вот теперь немцы «плясали». Танкам нельзя было двинуться ни назад, ни вперед. С обоих концов участок дороги был наглухо закупорен. Две-три машины попробовали было развернуться и пройти горевшие впереди танки по обочине, но тут же попятились назад, на дорогу, встали поперек ее неуклюже.

Сначала немцы не могли определить, откуда же их машины расстреливают почти в упор, вертели в разные стороны стволами, лупили в каждое подозрительное место.

— Поворачивайся, Алифанов,— хрипел Дедюхин, тяжело дыша.— Вон третий справа на нас наводит! Должно, засек...

Третий справа после двух выстрелов Али-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—23.

фанова окутался, как паром, белым облаком, потом из него повалил черный дым. Немцы полезли из люков.

— Товарищ старший лейтенант? — взмолился стрелок-радист Вахромеев.

— Молчать! Беречь патроны. Еще пригодятся, чую... А что нам эти фрицы?

Орудие Алифанова стреляло и стреляло, Семен сперва считал выстрелы, а потом со счета сбился.

Неожиданно по броне громыхнуло оглушительно, со звоном, звон мелкой осыпью запел в ушах Семена и еще не затих, как в броню ударил еще один снаряд, порвав, кажется, перепонки, в смотровую щель влетел осколок, ударил где-то сбоку в броню и упал на колени. Семен удивился, будто это было что-то необычное, взял маленький, но тяжелый и острый осколок железа. Он был горячим, обжигал пальцы.

Семен закрыл смотровую щель, сердце испуганно и радостно стучало: «Надо же?! Екнуло ли у тебя сердце, Наташка?»

— Засекли, сволочи! — прокричал Дедюхин будто издалека. — Иван, с усов капает?

— Да малость смокли,— отозвался глухо Иван.

— Не каплями, ручьями стекает, весь замок забрызгал.— В голосе Алифанова была почему-то недовольная усмешка.— Лишь племянник его да Вахромеев сегодня вроде бы выходные... Сколько же мы, Иван Силантьевич, штучек нащелкали?

— Не знаю... один боекомплект подходит к концу,— доложил Иван.

— Семь, что ли, танков... Или девять?

— Одиннадцать! Понял, одиннадцать!— что есть силы заорал Дедюхин.

— Да я до десяти только не путаюсь. Сейчас попробуем двенадцатый... А черт, ни хрена не видно!

Действительно, от горящих танков вдоль дороги стоял густой дым, плотно закрыв неподвижные вражеские машины. Это лишало видимости и немецких артиллеристов, но танковые орудия били наугад, вокруг «КВ» ухали взрывы, по броне стучали комья земли.

Неожиданно на дороге поверх плотных слоев дыма, пропоров их, взлетели огненные клинья, земля дрогнула. Потом она дрогнула еще раз. Это рвались от собственных снарядов вражеские машины.

по рации, видать, в бога их...— Дедюхин крепко выругался. — Начадили тут.

В танке действительно было сизо от дыма, и Вахромеев, будто виноватый в этом, сказал:

— Стреляли же... К пушке вон не притронуться, аж краска отстала...

Еще ударил в башню снаряд, броневая окалина брызнула Алифанову в лицо, и тот пробурчал добродушно, будто осуждая ребячье озорство:

— Черти...

Раз за разом, потрясая землю, рвались бомбы, то совсем почти рядом, то чуть подальше.

— Весь курган разроют, мешает он им,— проговорил Дедюхин. И крикнул Вахромееву:— Что там наши-то? Доложи об обстановке, попробуй связаться... Скажи, что одиннадцать танков подбили... Ну, все по местам. Ты как, Семен?

— Ничего,— ответил тот, взбираясь на свое место.

* * *

Вахромеев погиб первым.

...Когда осколком не то бомбы, не то снаряда заклинило башню, Дедюхин, будто сам не понимая этого, выслушал сообщение Алифанова терпеливо и сказал:

— А вы говорили — на «тридцатьчетверку» надо... Ни один же снаряд броню не прожег! — И он хлопнул по стальной стене.

— У «тридцатьчетверок» броня не слабже.

— Что вы понимаете! — прикрикнул Дедюхин, недовольный даже такой косвенной защитой «тридцатьчетверки» и, значит, умалением каких-то достоинств любезных его сердцу танков типа «КВ».— Вы что, не убедились?

— Ладно вам,— прикрикнул вдруг Вахромеев, словно был старшим.— Надо выползать из этой норы.

— Савельев, что там у тебя?— опять прокричал Дедюхин.— Заведешь?

— Должна завестись старая развалина,— ответил Семен почему-то дерзко.— «КВ» же, не «тридцатьчетверка»...

— Получишь у меня взбучку... после боя! — пригрозил Дедюхин, надрывая голос, чтобы перекричать грохот. Танковые орудия противника били теперь редко, из девятндцати вражеских машин на дороге стреляли

— Черт, ничего же не видно! Ты слышишь, Дедюхин? — прохрипел Вахромеев так, будто в этом был виноват командир танка.

И после этого вскрика мгновенно умолкли взрывы бомб и снарядов, перестали даже стрелять из автоматов. Наступила тишина, она была так неожиданна, что оглушила, будто прямо в башню ударила бомба. Машина лишь чуть подрагивала — это работал мотор на малых оборотах.

— Понятно,— произнес Дедюхин и визгливо рассмеялся.— Не думаю, чтобы они думали, что подбили нас, они думают теперь-то подобраться вплотную, чтобы подбить...

Заковыристый оборот командира был понятен всем, Семен знал, какая команда последует вслед за этим, открыл смотровые щели, плотно взялся за рычаги и прибавил оборотов. «Сейчас по щелям и начнут лупить из автоматов»,— острым холодом резануло в мозгу. Но эта мысль держалась только мгновение, она исчезла, как только раздался голос Дедюхина:

— Поехали! Савельев, вместо хобота у нас палка теперь, ты это помни... Сразу направо давай, там увидим. Жми!

Семену все было понятно, кроме одного — куда вести машину. Да этого ни Дедюхин, ни кто-либо другой из экипажа сейчас не знали.

Танк тяжело, как проснувшийся медведь из берлоги, вылез из земляного укрытия. Семен сразу взял вправо. Впереди ничего, кроме стлавшегося по земле дыма, не было видно. Дым этот хлопьями, как вата, валялся меж низкорослых кустарников. Едва танк пополз из капонира, сразу затрещали о броню автоматные пули, не затрещали, а просто как-то глуховато и безобидно зашелестели, и Семен не думал уже, что какая-то свинцовая струйка может брызнуть в смотровую щель и прожечь его насквозь, он, чуть улыбаясь, представлял почему-то, как автоматные пули-струйки плющатся о броню и бессильно ссыпаются вниз, словно подсолнечная шелуха. И еще он думал, что танк — это все-таки танк, стальной гроб, как называют его многие, да и сами танкисты, но этот гроб надо еще расколотить.

Неожиданно дымное облако оборвалось, танк вылетел на чистое пространство, на

Ы Й З О В

И вдруг укрытый в капонире «КВ» подбросило. Семена сорвало с сиденья, он больно ударился плечом в правый борт. Дедюхина кинуло вниз, на боеукладку, на него упал Иван, на них посыпались из гнезд пулеметные магазины, вещевые мешки... Вахромеев оказался под сиденьем заряжающего. Один Алифанов вроде не пострадал, он вытащил Вахромеева, по виску которого текла струйка крови, затряс его:

— Вахромеев, Вахромеев?!

— Ну? — открыл тот глаза.

— Ты живой?

— Кто же его знает... Глаза сильно щиплет.

Дедюхин и Иван, потирая ушибленные места, поднялись.

— Бомбой это нас... Чуть не прямое попадание,— проговорил Иван, вытирая мокрое и черное лицо.— Случайно, может?

— Кой черт! Сообщили об нас самолету

только три, остальные горели или просто молчали, покинутые экипажами. Немецкие танкисты поливали неподвижно стоящий в капонире «КВ» из автоматов, подползая все ближе. Дедюхин и все остальные понимали, каждый знал, что теперь фашисты, приблизившись к танку, могут подорвать гусеницу или зажечь машину. Вахромеев, черный, как черт, от броневой окалины и порохового дыма, остервенело бил из пулемета, прижимая немецких танкистов к земле. Но Дедюхин и все остальные так же понимали, что пока бьют орудия, а самолеты сверху беспрестанно сыплют страшный груз, немцы на холм, под свои снаряды и бомбы, не полезут. Стреляли и бомбили по-прежнему наугад, потому что холм с приткнувшимся к нему советским танком был покрыт плотными клубами дыма и пыли, он извергался от взрывов, как вулкан, камни и комья земли беспрестанно взлетали вверх.

котором стояла брошенная немецкая кухня, а метрах в тридцати за нею окапывалось какое-то подразделение немцев.

— А-а! — заорал Дедюхин торжествующе.— Савельев, вдоль окопчиков!

Семен бросил машину вперед, развернул танк и погнал вдоль только-только начатой траншеи. Конец траншеи уходил вдаль, в дым, по разные стороны от нее брызнули немцы. Они бежали полусогнувшись, будто по дну воображаемого окопа, боясь распрямиться во весь рост. Многие падали под пулеметными очередями, задние перепрыгивали через них. «Как крысы»,— подумал Семен, хотя на крыс убегающие немцы были похожи меньше всего. Сжав зубы, он прибавлял и прибавлял оборотов, пытаясь нагнать двух рослых немцев, бежавших почему-то рядом. Он знал, что им никуда от смерти теперь не деться, что он сейчас их сомнет, раздавит...

Танк нагнал немцев у края качающейся дымной стены, один из фашистов — тонколицый, со взмокшими волосами обернулся, поднял руки, будто сдавался, лицо его было совсем близко от Семена, он видел его вылезающие от понимания неотвратимой смерти глаза, другой же фашист горбом выгнул спину, прыгал вперед из последних сил, как задыхающийся заяц.

Танк смял первого немца, даже не покачнувшись. Второй попал под гусеницу спиной, она у него будто треснула, Семен будто расслышал этот треск...

— Справа — пушки. Води-итель! — заорал вдруг Алифанов. Семен мгновенно отреагировал, двинул сразу оба рычага. Вспахав землю, танк развернулся на месте. И Семен увидел впереди четыре противотанковых орудия. Два были прицеплены к тягачам, их спешно расцепляли, а два других были поставлены стволами в противоположную сторону. Семен даже улыбнулся от предчувствия такой легкой добычи. Алифанов их успеет расстрелять в две-три минуты с ходу. Он как-то забыл, что башня заклинена, что ствол орудия превратился в неподвижно торчащее бревно, которое, правда, могло перемещаться сверху вниз. Орудие действительно ударило прямой наводкой, одна вражеская пушка опрокинулась, как игрушечная.

— Вперед теперь! Впере-ед! — задышал в уши Дедюхин.

Семен до отказа выжал газ, танк ринулся на вторую пушку, которую немцы успели почти развернуть.

— Осталось четыре снаряда,— вдруг раздался трезвый и спокойный голос Ивана Савельева.

«А горючее»?! — прожгло Семена, он глянул на прибор.

— Бей!

Выстрела Семен не услышал, только видел, как вздыбилась под второй вражеской пушкой земля и как на черной подушке приподнялось орудие и в эту подушку же провалилось.

— Товарищ старший лейтенант! Горючее на исходе!

— Чего орешь? Знаю,— сказал Дедюхин. И, помолчав, спросил: — На сколько хватит?

— Километров на двадцать...

— Ясно,— усмехнулся в шлемофоне Дедюхин.— Тут где-то деревня Соборовка должна быть...

— Вань, ты выйди, спроси дорогу,— насмешливо посоветовал стрелок-радист.

Это были последние слова Вахромеева.

— Позубоскаль у меня! — разозлился Дедюхин, не зная, что стрелок-радист уже мертв и ничего не слышит. — Напитался безобразиями от Капитолины своей. Ну-ка, бросай пулемет, попытайся вызвать кого... Может, кто знает, что там в Соборовке? Вахромеев... Вахромеев!

Но Вахромеев молчал. Пуля ударила ему прямо в лоб, он немного сполз с сиденья. Кровь двумя струйками сочилась по лбу, капала с грязных бровей на щеки. Но этого никто из экипажа не видел.

...Соборовка была на виду, за худым лесочком, она вся горела, по окраинам деревни стояли особенно высокие и черные космы дыма. Закручиваясь жгутами, они словно ввинчивались в дымное марево, расползшееся по всему небу.

— А если там немцы, товарищ старший лейтенант? — прокричал Семен, припав к смотровой щели.

Грязный и едкий пот застилал глаза, хотелось сбросить шлемофон к чертовой матери или хотя бы вытереть глаза какой-нибудь промасленной тряпкой, но сделать было нельзя ни того, ни другого. Танк летел в низину по разрытой снарядами земле, на которой абсолютно не было живого места, нырял в ямины и с ревом вылетал оттуда, чтобы снова ткнуться в рытвину.

— На сколько ходу горючего-то?

— Совсем уже нет. На этом самом пару едем, который воздух портит...

— Ну вот, а тут — авось... Не должны бы они ее взять.

— Вы ж с командиром полка говорили. На Ольховатку раз прут...

— Соборовку они, может, и обошли, а взять не могли, по-моему,— сказал Дедюхин упрямо.— Эх, Вахромеев! Что Капитолине-то скажем теперь, а, Семен?

Семен хотел что-то ответить — что, мол, тут скажешь, да и самим еще надо выжить,— как вдруг мотор, захлебнувшись, почихал и умолк. Тяжелый танк словно врезался в тугую резиновую стену, стена спружинила, но выдержала, стальная громадина прорвать ее не смогла, не хватило силы, и остановилась. Семен качнулся вперед.

— Горючее кончилось! — прокричал он, задыхаясь.

— Самоле-ет! «Ю-юнкерс»! — ударил по ушам чей-то незнакомый голос так, что в голове зазвенело.

Семен не сразу и разобрал, что это кричит дядя Иван. В эти секунды он все еще думал почему-то о Капитолине. Вдруг отчетливо вспомнил, как она, опустив голову, смущаясь, но с нотками радости в голосе произнесла недавно: «Вахромейчик меня вроде зарядил наконец-то». И у него мелькнуло: «А что, если и Олька... если я ее тоже, как Вахромейчик? А Наташка ничего не знает...»

Рядом что-то ухнуло, точно глыба земли отвалилась и упала глубоко вниз. Звук был глухой, нестрашный и что-то напоминал. И Семен в следующее мгновение вспомнил, что. Километрах в семи от Шантары вниз по течению Громотухи был высокий, тридцатиметровый глинистый яр, вешние воды с каждым годом подмывали его все сильнее. На кромку яра выходить было опасно, она была вся в трещинах, многопудовые глыбины земли время от времени отламывались и падали вниз, в воду. И все-таки в детстве Семен любил туда ходить. Было до жути интересно глянуть с яра вниз, на грозно бурлящую далеко внизу Громотуху. А еще интереснее было найти отслоившуюся уже от кромки яра земляную глыбину, которую удерживали только травяные корешки. Если тронуть ногой такую глыбину, она угрожающе качнется. И часто Семен, стоя одной ногой на более или менее надежной кромке яра, другой упирался в трещину и, рискуя сорваться вниз и сломать шею, раскачивал отслоившуюся земляную глыбу до тех пор, пока травяные корешки не отрывались и тяжелый, центнера в полтора, а то и больше кусок глины летел вниз, через какие-то секунды снизу доносился глухой и тяжкий звук, похожий на взрыв. «Он походил вот на такой же, как этот»,— мелькнуло у Семена, но в следующее мгновение в шлемофоне кто-то тяжко задышал, захрипел: «Кузьмич... Кузьмич...», — а танк стал наполняться едким дымом.

— Горим! Спокойно, товарищи... Командира убило. Слушай мою команду!

Это, задыхаясь, проговорил Алифанов, но команды никакой не последовало, а может, Семен ее просто не расслышал. Со скрежетом откинулась крышка люка, и тотчас по броне начали хлестать автоматные очереди. Дым в танке становился гуще, Семена давило удушье, и он будто чувствовал, как накаляется броня. «Остались или нет у Алифанова еще снаряды? — подумал Семен тревожно.— Ведь рванет... Кажется, не осталось... И горючего нет».

Эта мысль почему-то успокоила, будто немецкие автоматчики, поливающие огнем неподвижный горящий танк, никакой опасности уже не представляли, как и сам пожар. Ныло только у Семена сердце, тупо стучало в мозгу: «Вот и Дедюхина... Вот и Дедюхина...»

По броне кто-то снаружи застучал, и как из-под земли донесся раздраженный голос Алифанова:

— Савельев! Водитель... Выходи!

— Семка, ты живой аль нет? Семка-а!

Как он вывалился из люка и оказался на земле у полузасыпанной траншеи, Семен уже не помнил. Он очнулся от раздирающей боли в легких, открыл глаза и увидел склонившегося над ним дядю Ивана.

— Ну, ну?! — кричал тот, грязный, в разорванной на плече гимнастерке, которая висела черными, в засохшей крови клочьями, и страшно сверкал глазами.

— Воздух... голова от него кружится,— проговорил Семен с жалкой и виноватой улыбкой.

Возле самого лица Семена лежали ноги Алифанова, они шевелились, упирались в землю носками заляпанных артиллерийской смазкой сапог. Командир орудия бил из ручного пулемета куда-то в дымную мглу, стелившуюся низко по земле вдоль невысоких кустарников. Семен увидел в этой мгле неясные фигуры, которые то возникали, то исчезали, и понял: это приближаются перебежками немцы. «Вот и Дедюхина... Вахромеева... А теперь и нас всех...» — пронеслось у него в мозгу, и словно что-то окончательно продуло там. Он резко перевернулся со спины на живот, обнаружив, что в руках у него автомат. Выбираясь из танка, он, видимо, машинально схватил оружие. Когда в дыму замаячили две вражеские фигуры в касках, Семен полоснул по ним длинной очередью, фигуры исчезли. Немцы ли то были убиты, то ли просто прижались к земле — понять было нельзя.

— Бей прицельно. Поставь на одиночные,— сказал Иван, и Семен поразился его спокойному голосу и этому хотя и практичному — ведь у Семена был всего один диск,— но уже, наверное, бесполезному совету.

Сам Иван, у которого в руках был тоже автомат, не стрелял. Он лежал, вжимаясь в землю, уткнув в травяную кочку заросший подбородок, смотрел туда, где струился клочковатый дым. Автомат он держал в левой руке за ствол, а в правой, вытянутой вперед, у него была граната «лимонка», и он чуть подбрасывал ее, перекатывал на ладони, как горячую картофелину.

— Ну что ж... Семка,— тихо проговорил он вдруг, не оборачиваясь, все так же напряженно глядя вперед.— Всяко я думал в жизни своей помереть, а так хорошо — не думал. Обойдут они сейчас нас...

Эти слова принесли Семену вдруг облегчение. То невысказанное и больное, что, казалось Семену, Иван носил в себе, всегда рождало неприятную мысль: дядя его, кажется, тяготится войной. «Не ошибетесь в нем»,— говорил он, Семен, Дедюхину в Челябинске, рекомендуя взять в свой экипаж, да, видно, поспешно сказал... Дело свое солдатское он делал всегда, правда, хорошо, ни в какой обстановке не терялся. Дедюхин часто его ставил даже в пример, но иногда в сердцах называл «молчаливым пнем». Иван действительно говорил только о самом необходимом, когда без слов нельзя уже было обойтись, старался по возможности уединиться. Семен часто натыкался на него, сидящего где-нибудь в одиночестве, погруженного в какие-то мрачные думы. Ну, война, конечно, не сладкая ягода, помрачнеешь порой и затяготишься, но у дяди Ивана вроде что-то надломилось внутри, и он все время будто боялся быть убитым. И опять же смерти не боится и не остерегается только дурак, но вот дядя какой-то... И по малодушию в тугой случай можно погибнуть, стоит в такой момент окончательно сломиться внутри. А дядя, казалось Семену, к этому и идет... Эта мысль была неприятной, она оскорбляла что-то в нем самом, но она родилась и жила в нем. Но вот такой случай и настал, а в поведении дяди Ивана нет и намека на то, что он сломался и вот боится смерти, и слова и голос, усталый и хриплый, будто приоткрыли Семену в дяде Иване человека нового, доселе ему неизвестного, незнакомого.

— Мы не померли еще,— сказал Семен упрямо, стараясь возразить кому-то, но только теперь не дяде Ивану.

— Ну это живо может произойти. Жалко мне только Агату, Сем... Ясного света тогда и вовсе не увидит...

Где-то вверху загудел противно, приближаясь, вражеский самолет, заглушив последние слова Ивана. Самолет брызгал вниз тяжелыми свинцовыми каплями, они прошили землю в двух метрах от Семена, с ревом пронесся над головой, блеснув желтым, как у застарелой щуки, брюхом. Тотчас густо ударили немецкие автоматчики.

— Вы, Савельевы! — Алифанов, надрываясь от крика, повернул к ним круглое, но какое-то исхудавшее лицо со странно торчащим правым усом.— Шанс у нас, ежели

В. Тропинин. ГИТАРИСТ. 1823.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Тропинин. КРУЖЕВНИЦА. 1823.

Государственная Третьяковская галерея.

он есть, один. Вдоль этой дымной полосы от нашего танка... Попытаемся!

Их «КВ» горел не очень сильно, но чадил густо, темная дымная полоса стлалась вдоль земли в сторону Соборовки, накрывая маячивший неподалеку перелесок. Иван и Семен поняли, о чем говорит Алифанов, но ведь кто знает, где немцы? Не шарит ли этот дымный хвост по окопавшимся в той стороне немцам? Да и в перелеске могут быть уже фашисты. Но шанс был действительно только этот, если он еще и был. Это не только Алифанов, но теперь и Семен с Иваном сознавали отчетливо.

— Ну что ж, Семен...

— Счас они полезут! — опять прокричал Алифанов, отталкивая бесполезный теперь ручной пулемет с расстрелянным магазином. В ладони у него была зажата граната, такая же, как у Ивана, другой рукой он вытаскивал из кобуры пистолет.— Давайте мы их уложим к земле — и деру. Иначе...

— Командира-то с Вахромеевым оставлять им?!.

Это прокричал Иван.

— А что мы можем? Ты соображаешь? Приготовиться!

Сделать они действительно ничего не могли, вытащить из танка трупы Дедюхина и Вахромеева было невозможно. «Вот судьба...— больно задолбило Семену в виски.— Там, внутри этой железной коробки, обуглятся их тела, а может, сгорят в прах, нечего будет и хоронить. И не будет на земле их могил. Сгорели в пекле войны... Сгорели в пекле войны... Вот уж точно: в самом пекле они сгорели, такая выпала им доля... Когда-то родились они, в радостях и заботах нянчили их матери, защищая от холода и от жары, от всяких напастей, росли они, радуясь солнцу и ветру, далеким таинственным звездам и мягкой пахучей траве. И росли для них где-то девчонки, как вот Наташка для него, Семена... Настал момент — прикоснулись их руки впервые к самому, может, прекрасному на земле — к женскому телу. Когда и как это было у Дедюхина, Семен не знает, ему только известно, что у старшего лейтенанта, кажется, трое детей... А у Вахромеева это случилось недавно, все произошло почти что на глазах у Семена. И он, Семен, видел, как быстротечно произошла у Вахромеева с Капитолиной вся любовь. Он видел и понимал, что это у них настоящее человеческое, только вышло все стремительно, не как обыкновенно, будто бешено понеслась жизнь, как на киноэкране, если пленку прокручивать в десять раз быстрее. Что же, оба понимали, что для обыкновенной любви у них не было времени, хотя никогда об этом не рассуждали, не размышляли... И ни Вахромеев, ни Дедюхин не знали, не могли знать, что жизнь их окончится вот здесь, на изрытом бомбами и снарядами поле близ русской деревушки Соборовки, о которой они и слыхом никогда не слышали, что тут ждет их такой конец...»

Все эти мысли пронеслись в голове у Семена лихорадочно, в какие-то секунды, не отключая его внимания от залегших в нескольких десятках метров немцев, которые беспрерывно поливали из автоматов. Пули вокруг взрывали землю, трещали о броню танка, и Семен даже слышал, как некоторые рикошетили и с пронзительным визгом разлетались в стороны. Было только странно, что ни одна из них не задела еще ни дядю Ивана, ни Алифанова, ни его самого. И еще мелькнуло у Семена, что судьба у него пока счастливая, радуйся, Наташка... Только бы вот из этого пекла выбраться!

...Что ж, из этого пекла Семен и Иван Савельевы выберутся живыми и невредимыми, сейчас, когда немцы поднимутся для броска и в эту секунду немного ослабнет их огонь, Алифанов яростно прокричит: «Дав-ва-ай!» Он, Семен, и дядя Иван начнут палить из автоматов, немцы опять залягут. В это время Алифанов и дядя Иван бросят по одной гранате. Немцев они не достанут, но на несколько мгновений ослепят, и этих мгновений будет достаточно, чтобы всем троим юркнуть за горящий танк. Потом они нырнут в густую полосу дыма и, разогнувшись там во весь рост, побегут, как в густом тумане, неведомо куда, задыхаясь и от дыма и от быстрого бега. Пули будут свистеть вокруг, но опять никого не заденут, только потом, уже в перелеске, где немцев, на счастье, не окажется, когда каждый радостно подумает: «Неужели выбрались?!» — Алифанов вдруг застонет как-то негромко, облегченно, выронит пистолет, схватится обеими руками за тонкий березовый стволик и повалится столбом в сторону, на Ивана, до самой земли согнув податливую березку, так и не выпустив ее из коченеющих пальцев, так и умрет, будто в обнимку с ней... Из этого пекла они выберутся и принесут к своим бесчувственное тело Алифанова с простреленным затылком, дядя Иван, обожженный, с окровавленным чужой кровью плечом, прохрипит какому-то пехотному капитану: «Вот! Герои тоже умирают иногда... от пули в затылок»,— и Семен еще раз подумает, ощущая холодок в животе, что судьба у него счастливая. Откуда же ему было знать, что хотя ни одна вражеская пуля и ни один осколок его не заденут и в дальнейшем, судьба у него сложится так, что он не раз позавидует и сгоревшим в танке Дедюхину и Вахромееву и погибнувшему от шальной пули в затылок Алифанову. Этого он не знал, как ни один человек не знает, что ему написано на роду, что готовит ему судьба завтра, послезавтра, через год, через двадцать лет... Он пока лежал, вжавшись в землю, горячую, разогретую то ли бомбами и снарядами, то ли полыхающим где-то за дымами, затянувшими густой пеленой все небо, жарким июльским солнцем, слушая, как грохочет над головой о броню их сгорающего танка свинцовый горох, смотрел на Алифанова. В левой руке у того был пистолет, в правой граната...

...Немцы поднялись кучками все враз, Алифанов повернул к Семену перекошенное в крике лицо, одновременно махнул пистолетом:

— Да-ва-ай!

Продолжение следует.

ДРУГ РОССИИ

В тюрьме, незадолго до казни, двадцатишестилетний узник писал:

«Коли уж нас за нашу правду бог
Решил карать
в согласье с эшафотом
И пропадать
судил нам перед входом
В предвечный сад,—
то мы глухой судьбине
Своих проклятий не пошлем немых,
Скорей от счастья и небес самих
Откажемся, а правды не покинем...»

Это строки из подлинного стихотворного послания Калиновского — «Письма Марысе», которые органично вошли в текст новой поэмы Аркадия Кулешова «Хамутиус». Ее главный герой — выдающийся белорусский революционер Кастусь Калиновский, он же Хамутиус, он же Черноцкий, он же Яська, сын «социальной всесветной революции», сказавший о себе:

Я верный друг России,
той, что страстно
Добра желает нам, а не панам
Своим и польским...

В основе многопланового и объемного художественного полотна поэмы — белорусское народное движение 60-х годов прошлого столетия, которое было частью польского освободительного движения, связанного с революционной организацией «комитета русских офицеров в Польше». Видя отсутствие единства во взглядах этих разных, хотя и объединенных общей целью — борьбой с царским самодержавием — течений, Н. Огарев писал: «При теперешнем преждевременном восстании Польша, очевидно, погибнет, а русское дело надолго потонет в чувстве народной ненависти... отклоните восстание до лучшего времени соединения сил...» Восстание, однако, вспыхнуло и было жестоко разгромлено.

Образ Хамутиуса-Калиновского в поэме целен и гармоничен. Он романтик, бездомный скиталец, избравший делом своей жизни борьбу за права закабаленного народа. Даже любовь не может заставить его свернуть с избранного пути.

Благородным человеком и прозорливым политиком рисует поэт Хамутиуса. Он среди немногих, понимающих всю сложность создавшейся ситуации, все глубинные проблемы движения:

Стихийное движенье в равной мере
Добру и злу способно послужить.
А разве зло не может задушить
Своим слепым национальным чадом
Славянское единство
брата с братом?

Борьба белорусского народа находила отклик у передовой части русского офицерства. Не много места занимает в поэме сцена встречи Калиновского с участником революционного движения в русской армии поручиком К. И. Крупским. Но именно в ней раскрывается единство устремлений передовых людей двух братских народов. И пророчески звучат слова русского офицера, поджигающего сигнальный костер белорусских повстанцев:

Пусть огонь пылает,
Пусть руку братства берегу тому
Протягивает сквозь ночную тьму,
На вольный берег кладки освещает.
Желаю вам удачи.

Стремясь как можно более глубоко раскрыть в поэме сложнейшие проблемы белорусского народного движения 1862—1864 годов, проникнуть в глубину психологии героев, нарисовать ярко романтические, высокие образы революционных борцов, отразить тончайшие нюансы человеческих отношений, автор обратился к своеобразной форме драматических сцен. Аркадию Кулешову и в самой этой форме удалось найти скрытые возможности. Интересны, например, сны-видения, которые периодически посещают Хамутиуса. В них выявляются еще неизвестные черты характера героя, а вся поэма обретает благодаря этому красивому приему дополнительно романтическое звучание.

Среди образов, удавшихся поэту, нельзя не назвать Марыську, возлюбленную Кастуся, и Артема Яцыну, дядю Марыськи, характер глубоко народный, твердый, верный, добрый. Он не выдает Калиновского, читавшего мужикам нелегальную «Мужицкую правду», и он же не может отказать в помощи русскому солдату: «Пожалел, как брата» — и гибнет от рук повстанцев. Все смешалось, и в отчаянии Марыська проклинает Кастуся. Лишь много лет спустя после его гибели, встретив на баррикадах Парижской коммуны давнего соратника Калиновского — Валерия Врублевского, поймет она истину и скажет:

Нет, не себя, нас,
грешных, он любил...
Кастусь не умер, нет!
Он с вами, с вами,
Он где-то здесь!..

Сложные переплетения судеб, непростые характеры, серьезную историческую проблему воссоздал в интересной поэме Аркадий Кулешов.

Н. КОЛОСОВА

Аркадий Кулешов. Хамутиус. Поэма. Авторизованный перевод с белорусского Н. Кислика. «Москва» №№ 11, 12, 1975.

БОЛЬШЕВИКИ ХУТОРА ТАТАРСКОГО

Сергей СЕМАНОВ

ИВАН КОТЛЯРОВ

Иван Алексеевич Котляров родился не позднее 1885 года. Это устанавливается по единственной хронологической реалии, которая имеется относительно него в романе. Осенью 1916 года находящийся в армии Котляров назван «третьеочередником». Значит, он уже отбыл четыре года действительной службы и четыре года запаса первой очереди, после чего перешел в запас третьей очереди. Так как военную службу начинали в то время с двадцати одного года, а к 1916 году служит Котляров уже около десяти лет, ему, следовательно, не менее тридцати лет от роду.

Иван Котляров по сословному положению принадлежит к бедняцкой части казачества, прокормиться обработкой надела он не может и становится машинистом на мельнице. Как-то он пожаловался: «...и обносились, и муки нету»,— жалобы такого рода крайне редки среди казаков — героев «Тихого Дона» (до разрухи гражданской войны, разумеется). Семья у Котлярова маленькая — жена да сын (по крайней мере только о них он вспоминает перед смертью).

Котляров высокого роста, «мослаковатый», с тяжелыми, натруженными руками, которые постоянно измазаны машинным маслом. Степенный, рассудительный, добрый, глубоко положительный человек, он пользуется немалым авторитетом среди хуторян. Все зовут его по имени и отчеству — в ту пору и в той социальной среде, где он жил, подобное обращение к человеку его возраста яснее многого другого свидетельствовало о всеобщем уважении. Во внешне неприметном, скромном, начисто лишенном краснобайства и позерства Котлярове скрыта большая внутренняя сила и прочность; для таких людей характерна покладистость и даже уступчивость в мелочах, в повседневном быте, но в минуту обострения жизненных ситуаций они выходят на авансцену. Хорошо разбирающийся в людях Штокман верно предвосхитил будущее Котлярова. «Если, думаю, жив остался, он будет в Татарском председателем!» — говорит он, вернувшись в хутор после революции.

Люди типа Котлярова созревают неспешно. Привлеченный перед войной в кружок Штокмана, он вроде бы медленнее, чем иные, проникается духом бунтарства и отрицания. Он яростно отстаивает казачью сословность, бранит «мужиков»; Христоне, который спорит с ним, он презрительно бросает: «Ты обмужичился, Христан, не спорь, что там...» Характерно, что опытный Штокман не обращает никакого внимания на сословную заносчивость Котлярова, не отталкивает его, он прекрасно понимает, сколь потенциально ценен такой человек для дела революции. И действительно, у скромного машиниста с хуторской мельницы четко выраженное пролетарское классовое сознание. Вот Штокман спрашивает его, как настроение рабочих на заводе в Миллерове. Тот характеризует кратко: «навоз», а затем обстоятельно поясняет: «А потому это, что все они зажиточные. Каждый имеет свой домик, свою бабу со всяким удовольствием. А тут к тому ишо половина из них баптисты. Сам хозяин — проповедник у них, ну и рука руку моет, а на обеих грязи мотыгой не соскребешь».

На войне Котляров показан лишь в одном эпизоде, но видно, что довелось ему испытать многое: страшный, все уничтожающий огонь и газовые атаки — у него на глазах люди гибли тысячами, его товарищи сходили с ума, не выдерживая этого ада. Он выдержал. Не ожесточился, не помрачился умом, не потерял положительности. И многое узнал, многое понял. Не удивительно, что после Февраля, когда во всех частях и соединениях появились выборные органы, Иван Котляров — «бессменный председатель сотенного комитета».

Его полк в августе 1917-го, в период корниловской авантюры, бросают на Петроград. В полку по этому поводу брожение. «Казаки волнуются, господин есаул»,— докладывает он командиру сотни. Офицеры и тем более высшее командование не могут толком объяснить казакам и солдатам, для чего посылают их против революционной столицы,— словам начальства про «германских шпионов», их замшелым призывам к «верности присяге» и тому подобному никто не верит.

Лучше и яснее других понимает ситуацию Котляров. Кстати, не только понимает, но кое в чем и осведомлен: незадолго до корниловщины ему довелось побывать в Петрограде, был он и в Совете и уже тогда уяснил — сперва для себя,— что Советская власть — власть народная. «Умри, Иван, а держись за нее, держись, как дите за материну сиську!» — твердо решает он.

Сотне зачитывают воззвание генерала Корнилова — образец пустой и выспренной демагогии. Сердца казаков остаются равнодушными, практичным народным умом они чувствуют обман, барское предприятие, им чуждое. Конфликт между офицерством и рядовыми казаками неизбежен, и Котляров сознательно становится во главе протеста: «Еще до воззвания Корнилова он ясно сознавал, что казакам с Корниловым не одну стежку топтать, чутье подсказывало, что и Керенского защищать не с руки; поворочал мозгами, решил: не допустить сотню до Петрограда, а если и придется с кем цокнуться, так с Корниловым, но не за Керенского, не за его власть, а за ту, которая станет после него. Что после Керенского будет желанная, подлинно своя власть,— в этом он был больше чем уверен». Так простой казак Иван Алексеевич Котляров в критическую минуту русской революции ясно и четко понимает и формулирует про себя народную точку зрения на происходящие события, сложность которых запутывала в ту пору множество куда более грамотных и образованных людей.

Он принимает решение: на первой же станции сгружаться! Казаки дружно следуют за ним. Без офицеров, но организованно они двинулись обратно на позиции. Их

Окончание. См. «Огонек» № 23.

Казачья сотня на марше.

Снимок 1915 года.

догоняют три офицера, пытаются уговорить. Один из них, «краснобай», смутил сотню своей беззастенчивой демагогией и ложью. На казаков производит впечатление заявление, что будто есть телеграмма, где говорится о взятии Петрограда корниловцами. В напряженной той обстановке Котляров находит единственный ход — он требует показать подлинник телеграммы. Офицеры, естественно, не могут ее предъявить. В настроении казаков происходит окончательный перелом, сотня, предводительствуемая Котляровым, уходит.

...«Глубокой осенью 1917 года», сказано в романе, начали возвращаться с фронта казаки в хутор Татарский. Возвращались по-разному: в одиночку, бросив часть, и группами однополчан. Котляров вернулся с несколькими сослуживцами. Факт немаловажный: он действует, что называется, «миром», и, осознавая происходящее лучше многих, не отрывается от тех, кого в ту пору называли «массой».

Вернувшись в Татарский, он снова работает на мельнице, не шумит на митингах. Здешние фронтовики — а они почти все сочувствуют революции — устраивают собрание для посылки делегатов на областной съезд «казаков-фронтовиков». По старой традиции, делегатов избирают жребием — Котляров оказывается в их числе. Он не вылезает вперед, но твердо стоит за новую власть. Узнав, что один из выбранных, Митька Коршунов, ехать отказывается, он недвусмысленно характеризует его: «Гад!» Видимо, и на съезде в Каменской (январь 1918 года) держался Котляров сдержанно, во всяком случае, в описаниях деятельности съезда, довольно подробных в романе, он в тени, среди массы. Но настроение его там, как видно из его разговоров с Христоней и Григорием Мелеховым, твердо просоветское.

В начале весны политическая жизнь в Татарском словно замирает: во-первых, глухой хутор лежит в стороне от перекрестков социальной борьбы, волны революции еще не докатываются до него извне, во-вторых — идет сев, казаки круглые сутки в поле. Время это описано в «Тихом Доне» пунктирно, но, надо полагать, Котляров ведет себя «как все». И вот положение внезапно и резко обострилось: контрреволюция переходит в наступление и стремится увлечь за собой рядовых казаков. Уже в марте вокруг Ростова и Новочеркасска начали действовать вновь сформированные белоказачьи отряды. В апреле вспышка донской контрреволюции доходит и до Татарского.

В доме Котлярова собрались Григорий, Кошевой, Христоня и Валет, чтобы срочно решить: бежать к красным или оставаться. Валет и Кошевой настаивают: бежать. Григорий против. Котляров сомневается: «Григорий — он отчасти прав: как это сняться, да и лететь? У нас — семьи...» Кошевой и Валет уходят, остальные, поколебавшись, остаются. Котляров сильно укоренен в привычную жизнь, решения созревают в нем медленно. Так сразу повернуть на сторону красных в апреле 1918 года он не решился. И сам был несколько этим смущен, поэтому на суровый намек Михаила Кошевого, будто дороги их расходятся, «улыбнулся извиняюще», однако с обычной для себя верой в жизненную справедливость ответил ему: «Молодой ты, Мишатка, горячий... Думаешь, не сойдутся! Сой-дут-ся! Будь в надежде!..»

Как можно судить из самых кратких реплик Кошевого, Котляров тоже был призван в красновскую армию, но где он воевал, где носила его судьба — об этом неизвестно ровным счетом ничего. Он остался в хуторе перед приходом красных вместе с большинством казаков. Жизнь, как видно, многому научила Котлярова: он не колеблясь принимает новую власть. И не только принимает, но сразу же начинает деятельно работать на нее. На первом сходе хуторяне единогласно избирают его председателем Совета.

Время было крутое. Фронт стоял недалеко, у Северского Донца. Органами Советской власти проводилась конфискация оружия у казаков, зажиточные облагались денежными налогами, многие привлекались к обслуживанию нужд фронта: подвозка боеприпасов и т. д. Естественно, что эти меры вызывали недовольство определенной части населения, по хуторам и станицам шло глухое брожение. Троцкистская политика «расказачивания» необычайно вредила и без того сложному делу устройства новой жизни на Дону. Множились преувеличенные слухи об арестах, расстрелах...

В этой обстановке малоопытный еще Котляров показывает недюжинные организаторские способности. Он спокойно деловит, рассудителен, предан Советской власти и до конца тверд в защите ее. В разговоре с Григорием Мелеховым, который пришел ему жаловаться на новые порядки, он, не сумев убедить старого товарища, сурово предупреждает: «Ты такие думки при себе держи. А то хоть и знакомец ты мне и Петро ваш кумом доводится, а найду я против тебя средства! Казаков нечего шатать, они и так шатаются. И ты поперек дороги нам не становись. Стопчем!.. Прощай!» Открытая прямота и решительность этих слов убедительно говорят, как стремительно вырос и духовно окреп скромный рабочий с мельницы Иван Алексеевич Котляров, как быстро приобрел он недостававший ему ранее социальный кругозор.

Красный казак-кавалерист.
Снимок времен гражданской войны.

Приезд в Татарский Штокмана обрадовал Котлярова необычайно. Он долго рассказывал ему о местных делах и проблемах, пока усталый приезжий не задремал. Обострение классовой борьбы, расстрел нескольких казаков смутили душу Котлярова. Штокман твердо наставляет его: идет непримиримая война, врагов надо истреблять без жалости и сожаления. Котляров разумом понимает это, но принимает скрепя сердце. Уже в последние часы жизни, в ожидании неминуемой и жестокой расправы, он думает: «Воевал с ними и их же жалел сердцем... Не жалеть надо было, а бить и вырубать все до корня!» Но Котляров по природе мягок и добр. Он, закаленный солдат, повидавший многое, едва сдерживает слезы, когда Кошевой убивает взятого в бою Петра Мелехова, хотя знает, что тот непримиримый враг Советской власти. Это неприятие Котляровым жестокости среди небывало жестокой обстановки есть выражение глубочайшей природной доброты, свойственной нашему народному характеру, того нравственного здоровья, которое единственно дает гарантию преодоления любых испытаний, вплоть до самых суровых.

В дни начала Вешенского восстания Котляров каким-то образом избежал расправы и присоединился вместе с другими местными коммунистами к действующим частям Красной Армии. В середине апреля 1919 года Котляров с товарищами оказывается в Сердобском полку. Он все время в боях. 12 апреля в неудачном для красных бою в районе станицы Еланской его ранили в ногу. Рана оказалась тяжелой: самодельная повстанческая пуля делалась из свинца, лишенного никеля, в полете плавилась, поэтому раны, наносимые такой пулей, были, как сказано в романе, «ужасны». Однако Котляров не ушел в тыл, остался с товарищами в расположении части и медленно поправлялся.

28 апреля Сердобский полк оказался втянутым белогвардейскими заговорщиками в антисоветский мятеж. Комиссар полка и Штокман были убиты, Котлярова и коммунистов Еланской станицы обезоружили, арестовали.

...По ярко освещенной горячим весенним солнцем дороге двадцать пять коммунистов бредут в окружении озлобленных стариков-конвоиров. Судьба ясна. «Молитвы читайте, анчихристовы слуги! На смерть идете, нечего грешить в остатние часы!» — зловеще говорит им начальник конвоя перед их выходом в страшный последний путь.

Агитаторы повстанческого штаба взвинтили настроение среди и без того возбужденных войной жителей окрестных хуторов и станиц. Пленных избивают, оскорбляют, мучают... Для Котлярова и прочих все это было, «как в тягчайшем сне». Они выносили неописуемое: «Тридцать верст шли по сплошным хуторам, встречаемые на каждом хуторе толпами истязателей».

Иван Котляров проходит сквозь эти муки с мужественной сдержанностью. Он не плачет, ни о чем не сожалеет, он боится только одного — как бы расправу с ним не увидели жена и сын, он боится за них. Он находит в себе силы ободрить товарищей: «Что же, братцы, умели мы воевать, надо суметь и помереть с гордостью... Об одном мы должны помнить до последнего выдоха. Одна нам остается мысленная утеха, что хотя нас и уколотят, но ить Советскую власть колом не убьешь! Коммунисты! Братцы! Помремте твердо, чтобы враги над нами не надсмехалися!» Достойные слова эти Котляров произносит «вполголоса», без жестов, без аффектации. Что ж, хорошо жил, надо и помереть хорошо, а общее дело, за которое сообща боролись, будет продолжено, и сознание того дает силы Ивану Алексеевичу Котлярову.

Его жизнь закончилась в родном хуторе. Истерически взвинченная Дарья Мелехова стреляет в него в упор из кавалерийского карабина. Затем сын расстрелянного Антипа Бреха всадил ему японский ножевой штык в грудь. Но Иван еще дышал, и лишь потом пристрелили его из нагана: «С неохотой покидала жизнь его здоровое, мослаковатое тело...»

Котляров погиб 29 апреля (ст. стиля) 1919 года, было ему не более тридцати пяти лет.

* * *

«Тихий Дон» Михаила Шолохова — гордость советской литературы, классический образец классического романа.

Огромное значение имеет историческая реальность, изображенная писателем. Разработка исторической подосновы «Тихого Дона» только начинается. Разностороннее изучение истоков позволяет лучше понять роман как народную эпопею. Чем более будет постигаться бесконечно глубокий смысл шолоховского романа, тем более поймем мы судьбы русского народа в эпоху Великой Революции.

В. Г. СМИРНОВ,
первый заместитель председателя Оргкомитета Олимпиады-80

ОЛИМПИАДЫ В

Олимпийские игры!.. Сколько увлекательного и захватывающего в этих словах! Родившиеся в глубокой древности, познавшие и эпоху честной борьбы и скверну профессионализма, впитавшие в себя многие прогрессивные начала и прекратившие свое существование под давлением религиозного мракобесия, они снова возродились для жизни свыше 80 лет назад. В их истории причудливо переплетается древнегреческая мифология и поэзия Гомера, а подвиги олимпиков запечатлены в античных скульптурах и росписях. Не эта ли романтика и вызвала к жизни спустя более 1500 лет Олимпийские игры, ставшие крупнейшим событием культурной жизни человечества?

Первая Олимпиада, состоявшаяся в 1896 году в Греции, собрала 285 спортсменов из 13 стран. На Олимпиаде в Мюнхене состязалось свыше 7 тысяч спортсменов из 125 стран. Если в Греции на древнем реконструированном стадионе разместилось несколько десятков тысяч человек, то в Мюнхене за состязаниями наблюдали более миллиарда зрителей — ведь телевидение позволяет следить за увлекательным зрелищем спортивной борьбы почти всем жителям земного шара. И вот, по предварительным подсчетам, Игры XXII Олимпиады, которые состоятся в 1980 году в Москве, соберут около 9 тысяч спортсменов, и два миллиарда телезрителей будут наблюдать за их выступлением.

Идея возрождения античных Олимпийских игр часто приписывается Кубертэну, на самом же деле она владела умами многих мыслителей. Еще Жан-Жак Руссо в книге «Эмиль» в 1762 году выдвигал эту идею. Если же говорить о Кубертэне, то следует признать, что он является инициатором и организатором Олимпийских игр нашего времени.

Французский общественный деятель, историк, педагог, литератор, Пьер де Кубертэн посвятил свою жизнь служению олимпизму. Далеко не со всеми мыслями Кубертэна можно согласиться. Буржуазное мировоззрение наложило отпечаток на его идеи. Космополитизм, дискриминация женщин, борьба против командных видов спорта — как «уничтожающих индивидуализм личности» — все это проникло в олимпийское движение в самом начале и проявляется в нем до сих пор. Олимпийскими идеями спекулировали еще на заре зарождения Игр человеконенавистники, делящие мир на высшие и низшие расы, как это было в 1904 году и много раз позже. Самые страшные преступники всех времен и народов — фашисты в 1936 году пытались разорвать пять переплетенных олимпийских колец, символизирующих единство народов пяти континентов, перекорежив их в фашистскую свастику. Трижды умирали Игры — в 1916, 1940 и 1944 годах — из-за мировых войн. Но каждый раз они вновь воскресали и, наконец, в наше время, когда в них стали участвовать атлеты, представляющие страны, социальный строй которых позволяет человеку гармонично развиваться, достигать вершин, которые были немыслимы ранее, получили небывалое развитие.

И все же далеко не все выглядит ясно на современном олимпийском небосклоне. На нем отражаются проблемы современной жизни во всем ее многообразии, борьба нового со старым, борьба прогресса с реакцией и консерватизмом.

Прогрессивное олимпийское движение до сих пор зиждется на вкладе, который Кубертэн внес в разработку основных правил Олимпийской хартии. Перу Кубертэна принадлежит множество работ и статей, посвященных олимпийскому движению и развитию физической культуры и спорта. Прекрасный литератор, он стал олимпийским чемпионом, получив золотую медаль за «Оду спорту», написанную им под псевдонимом в 1912 году на конкурсе искусств, посвященном играм V Олимпиады.

Кубертэн не стремился к тому, чтобы копировать Олимпийские игры античности, хотя такие призывы и раздавались. В этой связи очень характерны принципы, которые он закладывал в олимпийское движение. Главным из них является равноправие. Этот принцип заложен не только в систему спортивного соревнования, но и в представительства. Уместно напомнить, что в античные времена к Играм допускались только «свободные греки», рабам не было на них места. Современные Игры были объявлены доступными для всех независимо от цвета кожи, вероисповедания или социального положения.

Было бы неверным полагать, что этот принцип безоговорочно претворился в практику. На Играх в Сент-Луисе в 1904 году негры, индейцы, филиппинцы и айны должны были состязаться в два так называемых антропологических дня.

Олимпийские игры тесно связывались Кубертэном с идеями мира; они рассматривались им как средство достижения взаимопонимания между народами. Он говорил, что Игры должны «упорным трудом заложить основы мира». Знаменательно, что в 1913 году, накануне мировой войны, Кубертэн предложил олимпийскую эмблему в виде пяти разноцветных переплетающихся колец, символизирующих союз народов пяти континентов. Весьма характерным является представление Кубертэна о том, что олимпийское движение не должно ограничиваться лишь Играми, что Олимпиада лишь вершина пирамиды, в основе которой должны находиться национальные игры, затем континентальные и т. д.

Так мыслил человек, благодаря энергии которого были возрождены Олимпийские игры, сердце которого покоится в древней Олимпии. Это ему принадлежат пророческие слова: «Я жду многого от рабочего класса, в нем кроются удивительные силы; по-моему, он способен на великое». Кубертэн словно предвидел, что включение в олимпийское движение спортсменов рабоче-крестьянской республики придаст Играм новые краски, новый размах. Можно с уверенностью сказать, что современный размах Игры получили в 1952 году, когда в них впервые приняли участие спортсмены Советского Союза. С приходом в олимпийскую семью спортсменов СССР и других социалистических стран идеалы Кубертэна стали претворяться в жизнь.

Большие успехи спортсменов социалистических стран стали возможными благодаря тому, что физическая культура и спорт в этих странах являются неотъемлемой частью коммунистического воспитания граждан и развитие спорта осуществляется благодаря целенаправленной политике государства. Массовые соревнования, в которых принимают участие миллионы юношей и девушек, помогают выявить наиболее одаренных и трудолюбивых и готовить их к выступлениям на олимпийской арене.

Буржуазная пресса стремится подвергнуть сомнению каждую нашу победу, всячески исказить положение вещей, пускаясь во всевозможные грязные измышления. Заявления вроде «спорт вне политики» смехотворны для всякого, кому приходится сталкиваться с деятельностью международных спортивных организаций.

Борьба на Олимпиадах двух спортивных гигантов — команд СССР и США, успехи команд других социалистических стран, блестящие «сольные» выступления спортсменов развивающихся стран — все это привлекло к себе внимание миллионов болельщиков, которые благодаря новому средству массовой информации — телевидению получили возможность наблюдать за ходом спортивной борьбы. Но не только любители спорта тянутся на стадионы. Сотни всевозможных фирм устремили свои алчные взоры на спорт. Коммерциализация и коррупция проникли в олимпийскую среду, и вот международные спортивные федерации, существовавшие когда-то на пожертвования меценатов, получают доход от фирм, протягивающих свои щупальца к международному спорту, а бизнес вносит свои коррективы в программу состязаний, увеличивается число медалей в тех видах, в которых особенно заинтересованы бизнесмены от спорта ведущих капиталистических стран. Так, по плаванию в Хельсинки в 1952 году разыгрывалось 12 комплектов медалей, в 1964 году в Токио — 17, а в Мюнхене в 1972 году — уже 29! Причем к участию на каждой дистанции допускаются по 3 участника от одной страны, хотя на первенстве мира участвуют только по два пловца.

Промышленность лихорадочно выпускает новый, более совершенный, но и более дорогостоящий инвентарь и оборудование. Каждую Олимпиаду меняется класс яхт — все это требует больших затрат, порой недоступных для развивающихся стран. Олимпийский принцип равноправия поставлен в зависимость от кредитоспособности.

Следует сказать, что Международный олимпийский комитет предпринимает большие усилия, чтобы исправить создавшуюся ситуа-

ЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

цию, но пока положение вещей оставляет желать много лучшего. 80 лет бразды правления находятся в руках Международного олимпийского комитета, и в международной практике трудно найти организацию, похожую на МОК. Он не зарегистрирован как официальная международная единица, и устав его, принципы его построения и комплектования вызывают многочисленные нарекания и критику.

В 1894 году, когда МОК был создан, в его составе было 15 членов, затем к концу первой мировой войны их стало 48; в 1936 году — 67, и к 1951 году, когда был избран член МОК от СССР, их было уже 72. В 1974 году МОК состоял из 77 членов, представляющих 62 страны, Африка имела 11 представителей, Азия — 12, Южная и Северная Америка — 17, Европа — 35, Океания — 3, социалистические страны — 9.

За всю историю Международного Олимпийского комитета его членами было немногим более 300 человек. И из них лишь 50 участвовали в Олимпийских играх как спортсмены. В основном членами МОК избирались влиятельные представители буржуазного мира: члены королевских семей, аристократы, финансисты; в МОК побывало в качестве его членов шесть глав правительств. Ясно, что такая «композиция» наложила свой отпечаток на деятельность этой организации: пребывание в МОК рассматривалось многими его членами как присутствие в аристократическом клубе; и они не очень утруждали себя заботами о развитии олимпийского спорта.

По правилам в Международный Олимпийский комитет избирают на основании рекомендации одного из его членов. Таким образом, член МОК не представляет свою страну, больше того, некоторые не имеют никаких контактов со своими национальными спортивными организациями. Некомпетентность, боязнь всего нового еще совсем недавно ставили МОК в положение организации, критикуемой со всех сторон.

Национальные олимпийские комитеты многих стран, в том числе и социалистических, неоднократно ставили вопрос о расширении состава МОК, о возможности для стран, участвующих в Олимпийских играх, иметь своего представителя в составе этой организации. И за последние годы в МОК произошли значительные перемены. Важную роль в этом сыграл X Олимпийский конгресс, состоявшийся в 1973 году в Варне, спустя... 40 лет после предыдущего.

На конгрессе впервые собрались вместе члены МОК, представители международных спортивных федераций и национальных олимпийских комитетов. Конгресс показал, что МОК не может осуществлять в дальнейшем свою деятельность, не считаясь с мнениями международных федераций и национальных олимпийских комитетов. На конгрессе был нанесен сокрушительный удар по тем, кто пытался запретить подъем национальных флагов и исполнение гимнов в честь победителей.

Жизнь показала, что недостаточно заниматься только контролем за подготовкой к Играм — нужно еще оказывать действенную помощь национальным спортивным организациям, особенно развивающихся стран, повсеместно пропагандировать физическую культуру и спорт.

Под влиянием мировой общественности МОК изгнал из олимпийского движения ЮАР и Родезию, страны, где воинющим образом попираются права коренного населения. Значительно изменился за последние годы состав МОК за счет прихода новых членов — представителей Африки, Латинской Америки и в том числе Кубы. Среди вновь избранных членов МОК — люди, разбирающиеся в современных спортивных проблемах, имеющие тесные контакты со своими национальными олимпийскими комитетами.

Перед современным олимпийским движением стоят срочные и неотложные проблемы, решение которых имеет исключительно важное значение. Прежде всего кто-то должен взять на себя заботу об оказании эффективной помощи развивающимся странам в деле подъема физической культуры и спорта. Эта помощь должна включать в себя широкую программу, состоящую из строительства спортивных сооружений, подготовки национальных кадров инструкторов, тренеров и т. д.

МОК создал комиссию «Олимпийской солидарности», однако деятельность ее пока еще не отличается действенностью и эффективностью. Поэтому не случаен интерес мировой общественности к совещаниям министров спорта в рамках ЮНЕСКО, где вопросы эффективной помощи развивающимся странам сразу же встали в центре вниманı . Думается, что орган, созданный в соответствии с решением последнего совещания, состоявшегося в апреле этого года в Париже, наметит и последовательно будет осуществлять эту линию.

Другой, не менее важной проблемой является вопрос очищения современного спорта от коммерциализации и профессионализации. Необходимы радикальные меры, препятствующие неумеренному применению нового спортивного инвентаря или хотя бы регламентирующие его. Одной из таких мер могло бы быть установление стандартов на снаряжение, инвентарь, оборудование за год до начала Олимпийских игр.

Профессионализация спорта — огромная опасность для будущих Олимпийских игр. Существует явное противоречие между правилами МОК и реальной действительностью. В профессионализме могут быть обвинены как человек, получающий от спортивного клуба помощь в виде горячего питания или оплаты за проезд от дома до места тренировки, так и олимпийский чемпион, который на следующий же день после своей победы подписывает контракты с фирмами и становится миллионером.

С удивительной настойчивостью некоторые деятели пытаются провести в жизнь правила, разрешающие профессиональным спортсменам в одном виде выступать на Олимпиадах как любителям в других видах. К чему бы это привело, легко можно себе представить: кэтчисты, каратисты и другие борцы-профессионалы стали бы участвовать в олимпийских видах борьбы, пятная ее грязными приемами и профессиональным духом.

Множество неотложных проблем связано с Играми. Нужна такая программа соревнований, которая включала бы наиболее массовые и доступные виды спорта. Требуется введение классификационных соревнований в целом ряде видов спорта. В боксе, например, олимпийский турнир из-за постоянно увеличивающегося числа участников превращается в тяжелейшее 14-дневное испытание, в котором из-за травм, присущих этому виду спорта, победителем может стать тот, кому просто повезет.

Опасны попытки организаторов очередных Игр любыми средствами перещеголять своих предшественников. Для этого создаются супермодерные сооружения, пригодные подчас лишь для двухнедельного олимпийского турнира и стоящие впоследствии без применения как немой укор тщеславию. Скромность должна вернуться к Играм, иначе в будущем желающих провести очередную Олимпиаду найти будет все труднее. А хочется надеяться, что когда-нибудь Игры состоятся и в Африке — на континенте, где они еще никогда не проводились.

Если за последнее время относительно стабилизировалось число участников Игр, то этого нельзя сказать о представителях прессы. В Инсбруке, например, на зимней Олимпиаде число журналистов из ФРГ в 3 раза превышало число участников от этой страны. Если МОК не примет мер, регламентирующих эту проблему, то организаторы будущих Игр будут нести огромные затраты. Хорошо известно, как дорого обходится оборудование пресс-центров, специальных кабин, лож с мониторами и т. д.

Олимпийские игры накладывают колоссальную ответственность на их организаторов. Им приходится сталкиваться со множеством проблем. Взять хотя бы расписание соревнований. На центральном стадионе проходят последовательно заключительные соревнования по легкой атлетике и финальная игра по футболу. Если не рассчитать времени, необходимого на эвакуацию ста тысяч зрителей с первых и приезд такого же числа на вторые, можно себе представить, к чему это приведет. История Олимпийских игр знает немало примеров того, к каким печальным последствиям приводят невольные или умышленные отклонения организаторов от существующих правил. Мелочей здесь быть не может.

Сейчас очень много пишется о предстоящей XXI Олимпиаде в Монреале. Причем в центре внимания стоят вопросы, связанные со строительством. Олимпийские сооружения из-за инфляции, забастовок рабочих, нечистоплотности подрядчиков не вошли в строй вовремя. Возникает даже вопрос, состоятся ли Игры. Сомневаться не следует — состоятся. Разве можно затратить свыше миллиарда долларов на строительство и не попытаться окупить расходы, превратить новые спортивные сооружения в самые дорогие руины современности?

Настораживает другое: на фоне дебатов, касающихся проблем строительства, как-то незамеченными проходят сообщения о том, что планируемые ассигнования на обеспечение безопасности, борьбы против проникновения на Игры преступных элементов сокращены с 27 до 2,4 миллиона долларов, что всевозможные религиозные организации готовят так называемый крестовый поход во время Олимпиады. Где уж тут думать о таких мелочах, когда приходится решать, как быть с трибунами, построить которые не хватает времени, а билеты на них уже давно проданы!

Весьма характерна в этом отношении история с клеветнической радиостанцией, именуемой «Свободная Европа». Любители спорта, наверно, хорошо помнят, какие дебаты развернулись в печати накануне Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене по этому поводу. Вся прогрессивная общественность выступила против аккредитации этой радиостанции, и, по существу, ее деятельность была парализована. На недавно прошедшей зимней Олимпиаде в Инсбруке некоторые организаторы, ответственные за прессу, решили эту проблему просто. Вопреки существующему правилу МОК, которое гласит: «Организационный комитет выдает аккредитационные карточки представителям различных средств массовой информации, официально аккредитованным либо национальным олимпийским комитетом своей страны, либо непосредственно Организационным комитетом, заручаясь каждый раз согласием Международного олимпийского комитета на выдачу такой карточки»,— выдали тем не

менее такие карточки тринадцати представителям пресловутой радиостанции.

Появление этих «деятелей» среди журналистов вызвало справедливое возмущение общественности. Вопрос был поставлен на сессии МОК. Ряд членов МОК заявил о том, что аккредитация осуществлена пресс-службой австрийского Оргкомитета Олимпийских игр в нарушение правил МОК, а пресловутая радиостанция отличается реакционной, подрывной и враждебной по отношению к социалистическим странам деятельностью. И сессия МОК приняла совершенно справедливое решение о лишении права радиостанции «Свободная Европа» освещать ход зимних Олимпийских игр. Аккредитация была аннулирована.

Однако эта справедливая акция пришлась кое-кому не по вкусу. Как стало вскоре известно, госсекретарь США Киссинджер направил в МОК представителю США телеграмму с выражением своего несогласия с решением МОК, заявив, что это решение было вынесено якобы под давлением и в угоду коммунистическим интересам. Следует сказать, что эта история, к сожалению, имеет свое продолжение. Несмотря на то, что после Игр Международная федерация спортивной прессы подтвердила правильность решения МОК, в печати появилось сообщение о том, что некоторые представители Национального Олимпийского комитета США взяли на себя неблаговидную миссию поддержки аккредитации радиостанции «Свободная Европа» на Играх в Монреале. Так что предстоит новая борьба с теми, кто на словах ратует за спорт вне политики, а по существу, использует его для всяких безответственных политических махинаций.

Ответственность... О ней помнят в Москве — столице Олимпиады-80. Мы видим московскую Олимпиаду как праздник спорта и мира, в котором примут участие не только более 12 тысяч спортсменов и официальных лиц из 120—130 стран, но и многие тысячи туристов — как советских, так и зарубежных. Понимая, что Олимпийские игры надо обеспечить всем необходимым для того, чтобы они прошли на самом высоком уровне, Оргкомитет твердо придерживается принципов целесообразности, рациональности и экономичности. Взят курс на всемерное использование имеющихся спортивных сооружений и других объектов для Олимпиады-80. Строится самое необходимое и только то, что после Игр будет активно использоваться, приносить пользу нашему народу.

Уже упоминалось о колоссальной телеаудитории современной Олимпиады. Будет такая аудитория и у московской Олимпиады. Чтобы обеспечить все двадцать передач (причем все двадцать — цветные) на все пять континентов, надо значительно расширить Останкинский телецентр. А когда завершатся Игры, олимпийский телерадиокомплекс будет тут же переключен на создание широкой сети цветных телепередач в нашей стране. Тот же принцип будет использован и для олимпийской деревни. Этот благоустроенный жилой микрорайон после Игр заселят москвичи. Надо отметить, что благоустройство городского хозяйства столицы, расширение сети ее гостиниц, ресторанов, кафе, столовых, служб сервиса — все то, что нужно для Олимпиады, предусмотрено и Генеральным планом развития Москвы...

Мы думаем и о мере ответственности, когда представляем себе, что могут сделать Олимпийские игры для упрочения мира во всем мире. В Заключительном акте совещания в Хельсинки есть раздел, посвященный сотрудничеству между странами в области спорта. Он гласит: «В целях расширения существующих связей и сотрудничества в области спорта государства-участники будут поощрять соответствующие контакты и обмены, включая спортивные встречи и соревнования всех видов, проводимые на основе общепринятых международных правил, положений и практики».

В своем выступлении на Хельсинкском совещании Генеральный секретарь нашей партии товарищ Л. И. Брежнев говорил, что суть дела в материализации разрядки, в этом суть всего, что должно сделать мир в Европе действительно прочным и незыблемым. В осуществлении этой благородной задачи видят свою цель все, кто занят подготовкой московской Олимпиады.

«ЙЕЛЛОУ БЛЮ БАС»

А. ЛЕЙКИН

Трехкратная олимпийская чемпионка Вильма Рудольф.

Эта встреча была приятным сюрпризом, ее не планировали, и к ней никто не готовился. У советских делегатов, возвращавшихся из Мексики, с конгресса Международной ассоциации спортивной прессы (АИПС), был день ожидания нашего Ил-62 в Нью-Йорке. И первой о том, что в Нью-Йорке находятся советские спортивные журналисты, узнала Вильма Рудольф.

Любителям спорта это имя хорошо известно. «Черную газель», как ее ласково прозвали журналисты за красоту, элегантность и пластичность бега, помнят до сих пор. Не многие легкоатлеты мира могут похвалиться тремя золотыми олимпийскими медалями. Вильма завоевала их восемнадцатилетней девушкой на Олимпиаде 1960 года в Риме, когда она молнией промчалась по стадиону, победив на дистанциях в 100 и 200 метров и выиграв решающий этап в эстафете 4×100 метров. Специалисты легкой атлетики считают, что никто так грациозно, как Вильма Рудольф, не бегал.

С тех пор прошло много лет, но, честное слово, «черная газель» почти не изменилась. Мы даже подумали, что доведись ей сейчас выйти на беговую дорожку, никто бы и не подумал, что Вильме уже за тридцать. Видимо, поэтому моим первым вопросом было: «Вильма, не продолжаете ли вы занятия спортом?» Она ответила: «Спортом я занимаюсь, но только для себя. На большие старты уже нет сил».

Ее почти ни о чем не надо было спрашивать. Она все говорила сама: «У меня остались самые лучшие воспоминания о советских спортсменах. До сих пор я дружу со многими из них. Недавно мне прислала очень милый сувенир Вера Крепкина. С ней я подружилась еще в Риме, где мы обе стали олимпийскими чемпионками. Я два раза была в вашей прекрасной стране, там я выступала успешно. Но не только поэтому я влюбилась в вашу страну. В Москве живут удивительно добрые и приветливые люди. Мечтаю побывать в Москве».

После того, как Вильма закончила свою спортивную карьеру, в печати не раз появлялись различные сообщения о ее жизни. Вопрос о том, как она жила все эти годы, мог показаться неуместным. Но все же я спросил:

— Жизнь не всегда была, видимо, приветлива к вам?

— К сожалению, да. Я много ездила по штатам, работала лектором-преподавателем по легкой атлетике в различных университетах страны. Консультировала и наши женские легкоатлетические команды. О прошлом не хочется вспоминать. Писали обо мне много. Но далеко не всегда правду.

— Что вы сейчас делаете, Вильма?

— Работаю в спортивной редакции телевизионной компании Эй-Би-Си, где делаю фильм о своей жизни в спорте. Фильм рассчитан на 90 минут. Должна его закончить к февралю 1977 года. Если лента будет удачной, то и в будущем я намерена заниматься спортивным телевидением.

— Будете ли вы в Монреале на Олимпиаде?

— Да, меня пригласили в качестве гостя. С интересом жду встреч с моими друзьями, советскими легкоатлетами. Два года назад я сказала Валерию Борзову, что в Монреале он выиграет стометровку. Передайте ему, что я не изменила своего мнения и буду болеть за него. Он удивительно умный и интересный спортсмен. Уверена также в успехе Фаины Мельник. Она блестящий дискобол. Не сомневаюсь в хороших стартах и ряда других ваших представителей легкой атлетики. Монреаль уже рядом. А я думаю о Москве 1980 года. Это очень здорово, что Олимпиада-80 будет в вашей столице. Скажите вашим легкоатлетам, что я очень, очень хочу приехать в Москву. Уверена, что игры 1980 года будут прекрасны. Знаете, несмотря на всю мою занятость телефильмом, я готова хоть завтра собраться и поехать в Москву, повидать своих друзей, вспомнить наши встречи. Пожалуйста, пригласите меня. На Эй-Би-Си сейчас работают несколько олимпийских лауреатов. Все они хотят встретиться с вами. Можно?

На другой день вместе с Вильмой мы увидели двукратную олимпийскую чемпионку токийских Игр пловчиху Донну де Верона и призера мексиканской Олимпиады, прыгуна в длину Ральфа Бостона.

— В 1973 году,— говорила Донна де Верона, я была в качестве телекомментатора на Универсиаде в Москве. Это были очень интересные спортивные соревнования. Могу с уверенностью сказать, что ваши студенческие организации справились с молодежной Олимпиадой. Нет сомнений в том, что успех будет и за Олимпиадой-80. Надеюсь, что сумею вести свои телерепортажи из московского олимпийского бассейна. Слышала, что в Москве будет построен отличный олимпийский бассейн. В Монреале я буду работать комментатором. В плавании — это нелегкое дело. Все время появляются новые пловцы, и за ними не уследишь. Трудно сказать, кто выиграет в Монреале. Думаю, что могут рассчитывать на успех и ваши пловцы, и особенно ватерполисты. К сожалению, женщины не играют в водное поло, и мне, видимо, не удастся внимательно следить за этими соревнованиями. Я так же, как и Вильма, очень хочу побывать в Москве. Передайте мои лучшие пожелания советским пловцам.

Ральф Бостон оживился, когда заговорили о его любимом виде спорта — прыжках в длину.

— В Мехико я опередил на 4 сантиметра Игоря Тер-Ованесяна,— сказал Бостон.— Но нас всех здорово обыграл Роберт Бимон, прыгнувший на 8 метров 90 сантиметров. С тех пор никто к этому результату не подошел и близко. Не думаю, чтобы кто-либо смог приблизиться к его рекорду и в Монреале. Может быть, это случится в Москве? Во всяком случае, рекорд Бимона побьют. Я не раз соревновался с советскими спортсменами. Могу сказать, что все они отличные и смелые парни.

Наша беседа заканчивается. Надо спешить в аэропорт. Американские олимпийцы улыбаются и говорят: «До встречи в Москве». А Вильма Рудольф говорит: «Йеллоу блю бас». Так она произносит русские слова: «Я люблю вас».

НАСТАВНИКИ

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

Наставничество... Это движение приобретает все большую популярность, все больший размах. В Ленинграде, например, сейчас работают сорок пять тысяч наставников. Много это или мало? Каковы задачи наставников? Каким должен быть сам наставник?

На эти и другие вопросы ответили участники встречи за круглым столом «Огонька». На встрече присутствовали (см. фото) — сидят (слева направо): Д. В. Кайдан — мастер межзаводского учебно-производственного центра Ленинградского машиностроительного завода, М. С. Иванникова — член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда, ткачиха Московской хлопчатобумажной фабрики имени Фрунзе, С. С. Витченко — Герой Социалистического Труда, бывший бригадир слесарей-сборщиков Ленинградского производственного объединения «Электросила», В. Г. Целуев — бригадир слесарей-сборщиков «Электросилы», А. Д. Шакшин — Герой Социалистического Труда, буровой мастер Нижневартовского управления буровых работ № 2, С. О. Гончарко — Герой Социалистического Труда, бригадир механизаторов колхоза имени XX съезда КПСС Кировоградской области, А. М. Суровцев — бригадир строительно-монтажной бригады Московского комсомольско-молодежного монтажного управления № 5. Стоят (слева направо): Т. В. Ростнашвили — делегат XXV съезда КПСС, член ЦК КП Грузии, токарь Тбилисского авиационного завода имени Димитрова, В. С. Кирьян — Герой Социалистического Труда, бригадир сталеваров Макеевского металлургического завода, А. А. Кубайчук — Герой Социалистического Труда, бригадир проходчиков карагандинской шахты «Майкудукская», С. К. Северинцев — заливщик Минского моторного завода, Э. Кулланг — заместитель шеф-повара таллинского ресторана «Виру», В. Н. Довгаль — делегат XXV съезда КПСС, депутат Верховного Совета УССР, бригадир бурильщиков Криворожского рудоуправления имени XX партсъезда.

В одном из ближайших номеров будет опубликован подробный репортаж о встрече наставников за круглым столом «Огонька».

Фото И. ГАВРИЛОВА

●

«Огонек» на БАМе

ТЫНДА МНОГОЭТАЖНАЯ

Евгений НАДЕЙ

В 48-м номере «Огонька» за 1975 год была опубликована корреспонденция «Москва для стройки века». В ней, в частности, рассказывалось о закладке первого, подшефного «Огоньку» высотного дома в столице БАМа — Тынде.

Несколько дней назад в редакцию прислана телеграмма о большой победе московских строителей.

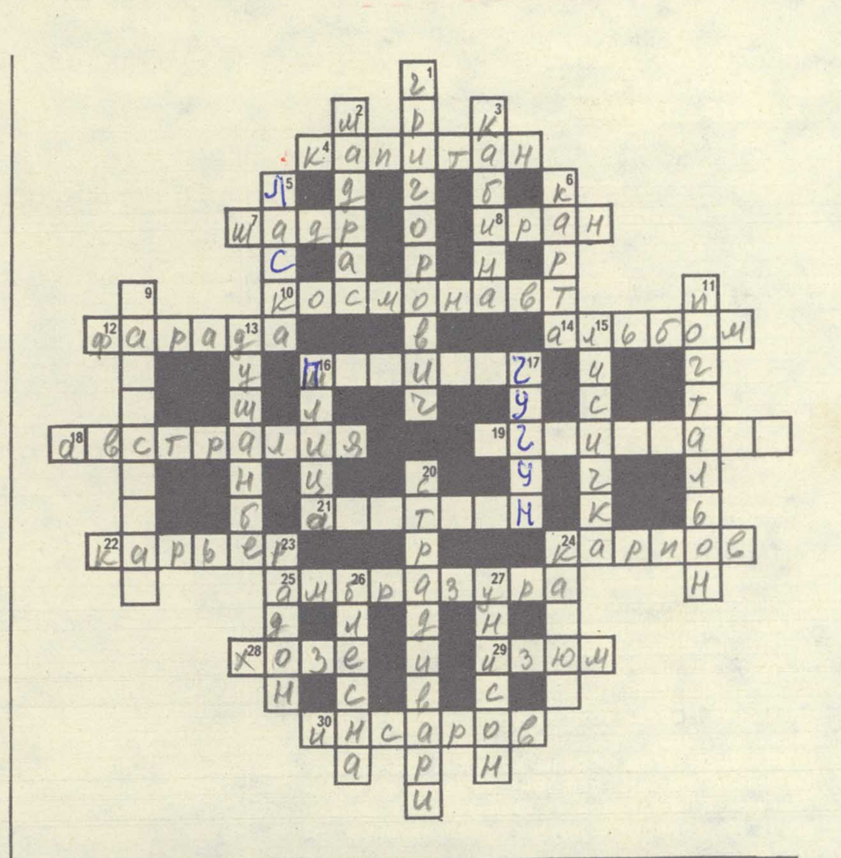
«ПЕРВЫЕ ДВА ДЕВЯТИЭТАЖНЫХ ДОМА В ГОРОДЕ ТЫНДЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ ДОМ, ПОДШЕФНЫЙ «ОГОНЬКУ», ПРИНЯТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ С ОЦЕНКОЙ ХОРОШО. ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА ПОКОРИЛАСЬ МОСКОВСКИМ СТРОИТЕЛЯМ. ПАРТОРГ МГК КПСС ШЕВЧЕНКО».

Мы попросили заместителя начальника управления Главмосстроя в Тынде тов. Е. Надея прокомментировать эту телеграмму. Вот что он рассказывает:

— И в далекую от Москвы тайгу пришло лето. Строительный сезон в разгаре. И хотя здесь у нас, на БАМе, строят круглый год, летом, что и говорить, возводить новую Тынду приятнее. И вот поднялись вровень с башенными кранами первые многоэтажные дома. Только что комиссия приняла с хорошей оценкой два девятиэтажных жилых дома. Каждый дом — это семьдесят две квартиры. Сейчас их заселяют строители великой магистрали. А что может быть веселее новоселий!

До конца года нам предстоит сдать еще три таких дома. А для малышей, которых здесь, как грибов после теплого дождика, сейчас строят прекрасный детский сад. Идет подготовка и к строительству средней школы. К зиме пустим котельную.

Среди строителей впереди бригада монтажников коммуниста, кавалера ордена Трудового Красного Знамени Анатолия Гусева, бригада каменщиков, которую возглавляет коммунист Анатолий Кузьмин, и бригада отделочников Валентины Ляликовой. Бригады у нас комсомольско-молодежные, потому и работают здесь с комсомольским задором. Их лозунг: «Даешь побольше новоселий!»

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Воинское звание. 7. Советский скульптор. 8. Государство в Азии. 10. Пилот космического корабля. 12. Единица электроемкости. 14. Книга рисунков, фотографий. 16. Тропическое тростниковое растение. 18. Материк. 19. Ядро земного шара. 21. Приток Суры. 22. Бег лошади. 24. Чемпион мира по шахматам. 25. Бойница. 28. Действующее лицо оперы Ж. Бизе «Кармен». 29. Сушеные ягоды винограда. 30. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне».

По вертикали:

1. Русский писатель. 2. Порт в Индии. 3. Помещение в самолете для экипажа. 5. Животное семейства куньих. 6. Чертеж земной поверхности. 9. Стихотворение Н. А. Некрасова. 11. Работник печати. 13. Столица союзной республики. 15. Гриб. 16. Лопасть гребного колеса. 17. Сплав железа с углеродом. 20. Итальянский мастер смычковых инструментов. 23. Химический элемент. 24. Хищная птица. 26. Искусственная приманка для рыбы. 27. Одновременное звучание.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 5. «Крестьяне». 9. Пищаль. 10. Челнок. 11. Марокко. 12. Тугрик. 15. «Макбет». 18. Абрикос. 21. Дварионас. 22. Картофель. 24. Акробат. 25. Нектар. 27. Формат. 29. Отранто. 34. Ракета. 35. Ласкер. 36. Ессентуки.

По вертикали: 1. Актау. 2. Пенька. 3. Рябчик. 4. Гекла. 6. Теодолит. 7. Шифер. 8. Хорек. 13. Гусачок. 14. Индиана. 16. Ариосто. 17. «Бурелом». 19. Бланк. 20. Отара. 23. Мопассан. 26. Топаз. 28. Ранец. 30. Туапсе. 31. Теллур. 32. Телец. 33. Эскиз.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва. 8 июня 1976 года. Индира Ганди и Л. И. Брежнев во время встречи на аэродроме.

Фото А. Гостева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: У входа в советский павильон на промышленной выставке в Дели.

Фото В. Николаева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 24/V — 1976 г. А 05954. Псдп. к печ. 8/VI — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1489. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2300.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото Е. МИЧУРИНОЙ,
И. ЕФИМОВА и
А. НАГРАЛЬЯНА.

Два спектакля — средоточие творческих поисков прославленного театра: классика и современность.

«Горе от ума». Комедия А. Грибоедова... Кто же ее не читал, не писал сочинения «Образ Чацкого», «Общество Фамусовых»... И вот новая встреча с великой комедией на сцене Малого театра (художественный руководитель постановки народный артист СССР М. Царев, режиссер В. Иванов).

В спектакле М. Царев исполняет роль Фамусова, ставшую одной из значительнейших творческих удач большого мастера. С подлинной смелостью новатора он создает многоплановый, сложный характер ретрограда, обладающего необыкновенной житейской изворотливостью. Артист не скрывает, что его герой умен, ловок и дальновиден. В крупной, острой трактовке Царева этот Фамусов опасен и страшен...

Знакомые всем образы комедии также будто заново открыты для зрителя талантом Е. Гоголевой, С. Фадеевой, Р. Филиппова, Н. Рыжова, Н. Подгорного и других прославленных артистов.

Но, может, самым неожиданным открытием новой постановки стал Чацкий в исполнении Виталия Соломина. Вот он влетает в дом Фамусова, готовый обнять всех, обрадоваться всем, как вдруг, поскользнувшись, падает на спину

Р. Филиппов в роли Скалозуба.

М. Царев в роли Фамусова. В. Соломин — Чацкий.

НОВЫЕ СПЕКТА
МАЛОГО ТЕА

Сцена из спектакля «Горе от ума».

и, сидя, говорит: «Чуть свет уж на ногах! И я у ваших ног...» Вначале Чацкий В. Соломина не столько карбонарий, ниспровергатель основ, сколько влюбленный: весь мир полон для него воспоминаний золотого детства, очарования первой любви. Он не верит, что Софье может нравиться Молчалин, ему смешны княгиня Тугоуховская и продувной плут Загорецкий... Однако же молва о сумасшествии Чацкого заставляет его увидеть мир по-другому, возненавидеть и отвергнуть этот мир.

Вторая премьера в «доме Островского» — пьеса Максуда Ибрагимбекова «Мезозойская история» — поставлена народным артистом СССР Б. Равенских [режиссер В. Бейлис].

Герои пьесы—нефтяники. Одержимый творческой идеей ученый Таиров и благополучный управляющий промыслами Бадиров, инженер Заур и помощник бурового мастера Рауф противостоят друг другу не только отношением к «мезозойской истории», но к самой жизни, к предназначению человека в нашем обществе.

Личностью, твердо убежденной в том, что мир держится на удивительных людях, предстает старый бурильщик Сабир, сыгранный И. Ильинским так, что его героя не забудешь.

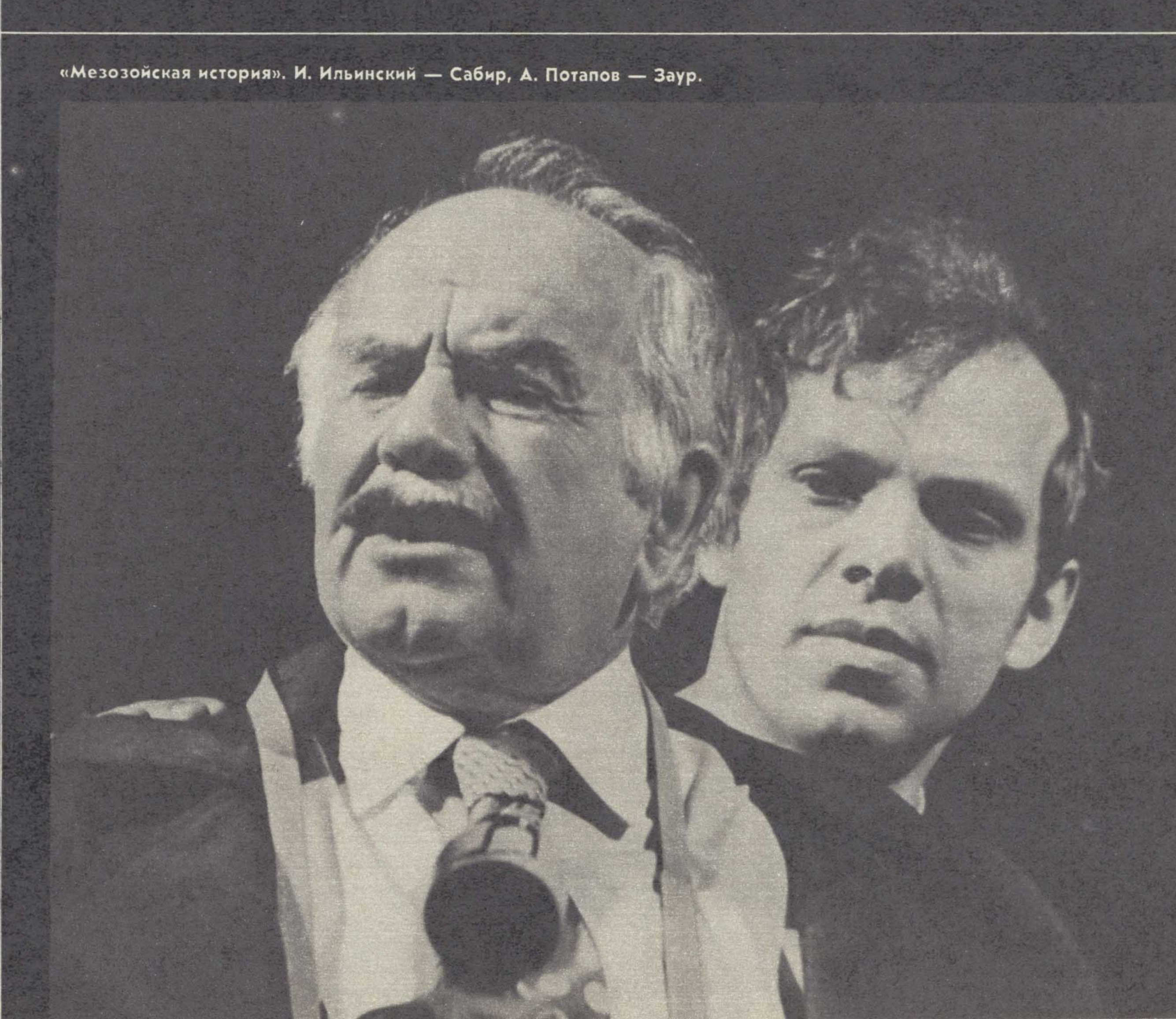

В. Носик — Таиров.

Сабир Ильинского олицетворяет лучшие черты советского рабочего — труженика и творца... Его поступками и убеждениями невольно поверяешь нравственную чистоту других героев пьесы М. Ибрагимбекова, обретших сценическую жизнь в новой постановке Малого театра.

В. ВАРЖАПЕТЯН

«Мезозойская история». И. Ильинский — Сабир, А. Потапов — Заур.

КЛИ

ТРА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663